БФУ
БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Научное электронное издание

Калининград
2025

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Монография

Под редакцией Т. С. Волчецкой

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-1014-7

Рецензенты

А. Н. Григорьев, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;
О. А. Славгородская, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии

Авторский коллектив

Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян, М. В. Болвачев, И. Е. Козырева, О. А. Макарова, Е. В. Осипова, И. Ю. Панькина

Девиантное поведение в молодежной среде: криминалистические особенности и социальные инновации в системе профилактики : монография / под ред. Т. С. Волчецкой [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/deviantnoe-povedenie-v-molodezhnoy-srede-kriminalisticheskie-osobennosti-i-sotsialnye-innovatsii-v-s/

Раскрыты особенности современных видов девиантного поведения молодежи, показано их криминалистическое значение, описаны альтернативные системы социального реагирования на насильственные преступления в молодежной среде.

Исследованы причины молодежной преступности, показаны особенности современных молодежных насильственных преступлений, совершенных представителями молодежи в сети «Интернет». Выделены виды, формы, психологические особенности и уровни физического и психологического насилия. Описаны криминалистические особенности преступлений, совершенных в сети «Интернет», а также особенности вооруженных нападений и убийств в образовательных организациях. Предложены меры общей и специальной профилактики девиантного поведения в молодежной среде. Рассмотрены проблемы интеграции государственных и общественных институтов в борьбе с насилием.

Основные выводы и положения монографии могут быть использованы учеными, а также магистрантами, аспирантами и студентами юридического профиля, работа может представлять интерес и для сотрудников правоохранительных органов.

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-1014-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (*Т. С. Волчецкая, О. А. Макарова*) 5

Глава 1. Современные тенденции и особенности девиантного поведения в молодежной среде 9

1.1. Понятие и современные тенденции девиантного поведения в молодежной среде (*И. Ю. Панькина*) 9

1.2. Виды и причины молодежной преступности (*О. А. Макарова*) 27

1.3. Современные молодежные насильственные преступления: виды, психологическая природа и криминалистические особенности (*Т. С. Волчецкая, И. Е. Козырева*) 49

Глава 2. Криминалистические особенности отдельных видов преступлений и иных правонарушений, совершаемых подростками и молодежью с использованием цифровой среды 75

2.1. Криминалистические особенности современных преступлений, совершаемых подростками и молодежью в сети «Интернет» (*Т. С. Волчецкая*) 75

2.2. Криминалистическая характеристика вооруженных нападений и убийств в образовательных организациях (скулшутинг) (*М. В. Авакьян*) 100

Глава 3. Меры общей и специальной профилактики девиантного поведения в молодежной среде 120

3.1. Социально ориентированные модели противодействия различным формам девиантного поведения в молодежной среде. Превенция проявлений экстремистской направленности среди студенческой молодежи (*Е. В. Осипова*) 120

3.2. Криминалистическое противодействие девиантному поведению молодежи в условиях цифровизации молодежной среды (*О. А. Макарова, М. А. Болвачев*) 144

Глава 4. Интеграция государственных и общественных институтов в борьбе с насилием 163
4.1. Нормативно-правовое регулирование противодействия преступности среди молодежи в современной России (*И. Ю. Панькина*) 163
4.2. Совершенствование межведомственного взаимодействия в системе противодействия молодежной преступности (*Е. В. Осипова*) 182
Библиографический список 203
Об авторах 209

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успешное и устойчивое развитие общества, несомненно, обеспечивается воспроизводством социума, поддержанием общественных связей и передачей опыта от старших поколений к младшим. Важную роль в этом процессе играет молодежь — именно она является потенциалом трудового и популяционного ресурса современной России. Не вызывает сомнений, что реализация социального и нравственного благополучия подрастающего поколения входит в основные задачи национальной политики Российской Федерации.

Молодежь является той социальной группой населения, которая быстрее других воспринимает изменения в общественной, политической жизни страны и, соответственно, меняет свои взгляды, культурные предпочтения, перенимая как положительные, так и отрицательные образцы поведения. Следует отметить, что наряду с позитивными изменениями существуют и негативные факторы, оказывающие влияние на становление молодого поколения.

Во-первых, на сегодняшний день продолжаются процессы оттока внимания молодежи от сферы семьи, разрушения традиционных сфер социализации детей и подростков. Во-вторых, изменения, происходящие в современном мире, переход от индустриального общества к обществу информационному, наряду с рядом положительных преобразований, принесли определенные сложности, связанные с развитием информационных и телекоммуникационных технологий; в частности, процесс цифровизации общества неизбежно привел к стремительным изменениям в жизни каждого из нас. Быстрее всех эти изменения принимают подростки и молодежь. Действительно, мир становится более открытым благодаря развитию технологий, скорости получения и передачи информации. Полностью изменилось и современное общество, при этом

наряду с положительными изменениями наблюдаются и негативные. Так, полностью изменилась структура современной преступности, появились новые виды преступлений. С обществом изменяется и молодое поколение. Современные цифровые технологии дали подросткам и молодежи доступ к неограниченному кругу информации и возможности, которых не было ранее. В-третьих, изменилась связанная с процессами глобализации в современном мире структура молодежной преступности. На сегодняшний день среди подростков и молодежи наблюдается рост числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; преступлений, совершенных на почве ненависти, таких как преступления террористической и экстремистской направленности. В-четвертых, появляются новые виды девиантного поведения молодежи, увеличивается количество различных молодежных субкультур, оказывающих существенное влияние на взгляды и поведение подрастающего поколения.

Исходя из вышеизложенных фактов, можно утверждать, что наиболее актуальными и социально значимыми являются задача противодействия девиантному поведению в молодежной среде и повышения эффективности профилактических мер. В этой связи значительный интерес вызывает исследование особенностей отклоняющегося поведения молодежи, отдельного внимания заслуживают вопросы изучения видов и причин молодежной преступности как крайней формы девиации, а также исследование криминалистических особенностей насильственных преступлений, совершенных подростками и молодежью, и особенностей их вовлечения в преступную деятельность.

Учеными научной школы криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета им. И. Канта под руководством профессора Т. С. Волчецкой было проведено масштабное исследование проблем криминалистического противодействия и формирования альтернативных систем социального реагирования на проявления экстремизма, терроризма и иных насильственных преступлений в молодежной среде.

Многие темы научных исследований были разработаны авторами данной монографии по инициативе правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления, Министерства науки и высшего образования РФ, а результаты этих исследований обсуждались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях и круглых столах.

В монографии представлены результаты научного исследования теоретических проблем: понятие, виды, причины и особенности современной молодежной преступности, особенности проявления многообразных видов и форм насилия в условиях цифровизации. Показано, как такие формы психического насилия, как кибербуллинг, троллинг, киберсталкинг, газлайтинг, секстинг, при неблагоприятном развитии криминальных ситуаций переходят в реальное физическое насилие. Рассмотрены криминалистические особенности современных преступлений, совершаемых подростками и молодежью, прежде всего преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью: скулшутинг, треш-стримы, склонение несовершеннолетних к суициду в сети «Интернет».

В целях разработки альтернативных систем социального реагирования на проявления экстремизма, терроризма и иных насильственных преступлений в молодежной среде были предложены социально ориентированные модели противодействия различным формам девиантного поведения в молодежной среде, а также ряд мер, повышающих эффективность интеграции государственных и общественных институтов в борьбе с насилием.

Некоторые меры общей и специальной профилактики девиантного поведения в молодежной среде, описанные в монографии, были апробированы авторами в работе Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма БФУ им. И. Кан-

та. В рамках дискуссионной площадки «Открытый диалог» были проведены просветительские профилактические мероприятия, направленные на противодействие девиантному поведению молодежи в условиях цифровизации; участниками этих мероприятий стали студенты, учащиеся средних профессиональных образовательных учреждений, школьники старших классов. К такой профилактической работе привлекались сотрудники правоохранительных органов, представители органов власти, средств массовой информации, известные российские ученые, руководители общественных организаций, участники специальной военной операции. На основе проведенных научных исследований с позиций ситуационного подхода на базе Координационного центра прошли обучение государственные и муниципальные служащие, работники образовательных организаций — по различным образовательным программам, связанным с профилактикой молодежной преступности, а также проявлений экстремизма и терроризма в молодежной среде. Таким образом, многие теоретические положения, изложенные в представленной монографии, были успешно внедрены в практическую деятельность по профилактике преступности и в значительной мере повысили ее эффективность.

Глава 1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

1.1. Понятие и современные тенденции девиантного поведения в молодежной среде

Девиантное поведение стало широко распространенным явлением, затрагивающим жизнь многих людей непосредственно или опосредованно. Обратимся к определениям девиантного поведения, представленным в теоретических исследованиях ряда авторов.

Так, В. Д. Менделевич трактует девиантное поведение как набор действий, противоречащих принятым общественным нормам и выражающихся через нарушение психической стабильности или игнорирование моральных и этических принципов саморегуляции[1].

В. А. Пятунин определяет девиантное поведение как любые поступки, выходящие за пределы социально одобренных стандартов[2].

Профессор А. В. Торхова и соавторы описывают девиантность как отклонение от юридических, этических норм или критериев психического благополучия, актуальных для определенного исторического периода развития общества[3].

---

[1] См.: *Менделевич В. Д.* Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве // Практическая медицина. 2013. № 1 (66). С. 143—146. EDN: PYQEKF.

[2] См.: *Пятунин В. А.* Психолого-педагогические особенности девиантного поведения : учебное пособие. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 1999. С. 12.

[3] См.: *Торхова А. В., Царик И. А., Чернявская А. С.* Профилактика противоправного поведения школьников : пособие для педагогов общеобразовательных учреждений. Минск : Изд-во Нац. ин-та образования, 2009. С. 35. EDN: XCRCUD.

Мы разделяем мнение А. В. Торховой, определяя девиантное поведение как процесс отклонения от принятых в социуме норм, которые вызывают положительную реакцию граждан.

Тем не менее представленные определения подчеркивают сложность, а тем самым и актуальность проблемы девиантного поведения, что требует всестороннего и междисциплинарного подхода к ее рассмотрению, а также к вопросам коррекции девиантного поведения.

Девиантное поведение подростков часто является результатом сложного взаимодействия негативных психологических факторов и влияния асоциального окружения на процесс формирования личности в критический период ее развития. Это поведение может быть вызвано искажениями в формировании у подростка смысловой картины мира, а также его неспособностью адекватно управлять собственным поведением и эмоциональным состоянием. Данные негативные факторы способствуют развитию поведения, которое отклоняется от общепринятых норм и стандартов.

Подростки, демонстрирующие девиантное поведение, часто классифицируются как принадлежащие к «группе риска». Они могут быть идентифицированы как несовершеннолетние правонарушители, лица с трудными характерами, педагогически и социально запущенные, а также трудновоспитуемые[1].

Многие исследователи отмечают, что подросток с трудным характером не всегда является лицом, совершающим правонарушения или демонстрирующим асоциальное поведение. Во многих случаях такие подростки имеют различные невротиче-

[1] См.: *Говенко Ю. А., Таболова Э. С., Концевич Г. Е.* Детерминанты различных форм девиантного поведения подростков: анализ правосознания, личностных черт и удовлетворенности семьей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-razlichnyh-form-deviantnogo-povedeniya-podrostkov-analiz-pravosoznaniya-lichnostnyh-chert-i-udovletvorennosti-semiey (дата обращения: 05.05.2025). EDN: WKHRNU.

ские симптомы, что указывает на глубинные психологические проблемы, требующие внимательного и компетентного подхода к их разрешению. Отсутствие строгого определения и четкого разграничения между различными группами подростков с девиантным поведением подчеркивает сложность проблемы и указывает на переходные процессы между различными состояниями и формами поведения, что требует дифференцированного и гибкого подхода в образовательной и социальной работе с такими подростками.

Социологический подход к определению девиантного поведения также занимает важное место в исследовании этого феномена, поскольку он позволяет рассмотреть поведение индивидов через призму общественных процессов и взаимодействий.

Е. В. Змановская подчеркивает, что для всестороннего понимания отклоняющегося поведения необходимо учитывать различные аспекты, включая статистические, качественно-количественные, психопатологические, социально-нормативные и индивидуально-психологические критерии[1]. Это подчеркивает многоаспектность и сложность определения и анализа девиантного поведения, что требует комплексного подхода для его понимания и коррекции.

Девиантные действия, выбираемые осознанно, покрывают обширный диапазон поведения, отражая как личные стремления индивида, так и его взаимосвязь с общественными ожиданиями и стандартами. Учет того, что негативные аспекты девиации берут начало из определенных оснований и причин, может облегчить глубинное понимание роли социального контроля и процессов социальной интеграции.

Негативные аспекты девиантности, включая преступное поведение, алкогольную и наркотическую зависимости, а также избыточную поглощенность компьютерными играми, пред-

[1] См.: *Змановская Е. В.* Девиантология. Психология отклоняющегося поведения : учебное пособие. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2024.

ставляют собой серьезные вызовы для общества. Эти проявления не только вредят социальному окружению, но и наносят необратимый ущерб самим пострадавшим. Например, проведенные исследования особенностей семей подростков с девиантным поведением демонстрируют прямую связь между алкоголизмом и высокой статистикой самоубийств (62,1 %) и преступлений (72,2 %)[1]. Результаты изучения демографических аспектов негативного девиантного поведения подтверждают увеличение количества таких проявлений среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет[2]. Это указывает на то, что проблема затрагивает не только молодежь, но и взрослое население, делая вопрос более широким и требующим всестороннего решения.

В результате анализа существующих научных подходов к определению девиантного поведения и рассмотрения его юридически значимых аспектов в контексте отношений с общепринятыми нормами поведения мы пришли к ряду выводов. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что большинство теоретических исследований склоняется к трактовке девиантного поведения как явления, имеющего преимущественно негативный характер. Однако стоит отметить, что существует небольшое число авторских работ, подчеркивающих, что девиантное поведение может проявляться в форме нестандартного, экстраординарного и даже положительного действия[3]. Исследовате-

[1] См., например: *Петровская В.Г.* Социально-психологические особенности семей подростков с девиантным поведением // Вестник экспериментального образования. 2020. №4 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-semey-podrostkov-s-deviantnym-povedeniem (дата обращения: 05.04.2025). EDN: CLCFOE.

[2] См.: Там же.

[3] См., например: *Остапенко П.А.* Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. URL: https://cyberleninka. ru/article/n/polozhitelnye-deviatsii-kak-element-razvitiya-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-1 (дата обращения: 31.03.2025). EDN: TJAOBB ; *Зачиняева А.А.* Особенности положительного девиантного поведения //

ли акцентируют внимание на том, что основные последствия негативных социальных отклонений сводятся к вреду или ущербу для интересов определенной социальной группы или общества в целом.

Кроме того, следует отметить, что существуют и формы девиантного поведения, которые приносят обществу пользу либо вызывают благоприятные последствия за счет выдающихся достижений или инновационных решений. Такие формы творчества, несмотря на их значимый вклад в развитие культуры и науки, порой сталкиваются с непониманием и даже осуждением со стороны общества. В итоге результаты девиантного поведения могут варьироваться от радикального изменения общественных взглядов и принципов (как в случае с законами Ньютона или теорией относительности Эйнштейна) до трагических последствий для самого девианта (например, самоубийство Людвига Больцмана, выдающегося ученого, стоявшего у истоков молекулярно-кинетической теории, в 1906 году)[1].

Также существуют девиации, которые, хотя и нарушают установленные социальные нормы, имеют нейтральные последствия, не принося ни вреда, ни явной пользы обществу. В. В. Гурьянова внесла новаторское определение в научный дискурс, описывая девиантное поведение, которое может иметь различные последствия (негативное, позитивное или нейтральное) и отклоняется от нормативно-правовых предписаний как девиантное юридически значимое поведение[2]. Такое

Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары : Среда, 2024. С. 100—102. EDN: XPQWOO.

[1] См.: *Пятунин В. А.* Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М. : Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2010. EDN: VVRBGX.

[2] См.: *Гурьянова В. В.* Сущность понятия «девиантное юридически значимое поведение» и его соотношение с понятием «девиантное поведение» // Бизнес в законе. 2013. №6. С. 41—44. EDN: RSBWND.

понимание подчеркивает, что поведение, не соответствующее правовым нормам, является одним из видов девиантного поведения.

Отрицательная девиация наносит урон как отдельным лицам, так и обществу в целом, в определенной степени разрушая его. В. Франкл видел основной причиной такого феномена «недостаток жизненного смысла» у индивидов[1]. Его исследования выявили прямую связь между отсутствием жизненных целей и тенденцией к негативной девиации. Это подчеркивает важность поиска и придания смысла жизни как одной из стратегий предотвращения девиантного поведения и борьбы с ним. Выработка жизненных целей требует от человека моральных усилий, о которых писал в своих работах Р. К. Мертон[2]. В частности, он относит высокоморальные действия к категории инновационного поведения. Это позволяет в определенной степени интегрировать их в более широкий контекст изучения девиантного поведения, подчеркивая их важность и вклад в социальное развитие.

Таким образом, хотя основные классификации могут и не в полной мере описывать все аспекты девиантного поведения, включая те, что требуют значительных моральных усилий, вклад таких ученых, как Мертон, позволяет нам более полно понимать и оценивать разнообразие проявлений девиантности.

Классификация девиантного поведения по Р. К. Мертону является одной из основополагающих в социологии и базируется на его теории социальной структуры и аномии. Мертон анализирует девиантное поведение через призму дисбаланса между культурно установленными целями и социально одобряемыми средствами их достижения. Он выделяет пять основных типов адаптации индивидов к социальным нормам, которые могут привести к девиантному поведению.

---

[1] См.: *Франкл В.* Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

[2] См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.

1. Конформизм — следование правилам, установкам и нормам группы под влиянием реального или воображаемого давления. В переводе с латыни это слово означает «подобие». И хотя это не девиантное поведение, Мертон включает его для полноты классификации и как пример адаптации без отклонений.

2. Инновация — принятие общественных целей, но отказ от социально одобряемых средств их достижения. Инноваторы стараются достичь успеха через непринятые или нелегальные действия, например через мошенничество или воровство.

3. Ритуализм — отказ от общественных целей, но строгое использование традиционных средств. Ритуалисты могут стать одержимыми правилами до такой степени, что сами цели теряют для них значение.

4. Отступничество — отказ как от общественных целей, так и от традиционных средств их достижения. Отступники могут создавать свои собственные системы ценностей и норм, например в контркультурах.

5. Бунт — полный отказ от существующих целей и средств с целью их замены на новые. Бунтари стремятся к радикальным изменениям в обществе, предлагая альтернативные цели и методы их достижения.

Мертоновская классификация вносит важный вклад в понимание того, как различные формы социального давления могут влиять на индивидуальное поведение, приводя к девиантным формам адаптации[1].

Однако мы предложили бы изменить некоторые элементы данной классификации, например конформизм на комфортность. Данные понятия имеют определенные различия. И так как критерием классификации Мертона является девиантность, то как раз комфортность обозначает особенность поведения, психическое состояние человека, при котором он следует стадному инстинкту, чтобы выжить.

[1] См.: *Кот М.А., Кот А.А.* Девиантное поведение // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2016. №24-1. С. 111. EDN: WAFFRZ.

Также считаем возможным заменить инновацию на деновацию, так как не относим инновацию к отрицательным категориям поведения индивида. Именно деновация противопоставляется интеллектуальной и творческой деятельности, в результате которой проявляется эффективность процессов, обеспечивается рост качества продукции.

Психологический подход глубоко анализирует девиантное поведение, рассматривая его как проявление отклонения от установленных социально-психологических и нравственных стандартов. Такое поведение может проявляться через антисоциальные действия, рассматриваемые как неправильные способы решения конфликтных ситуаций, что ведет к нарушению общепринятых норм и нанесению ущерба благополучию общества, окружающим людям и самому субъекту[1].

В психологических исследованиях девиантное поведение ассоциируется как с нестандартными, так и с деструктивными формами поведения[2]. Нестандартное поведение часто представляется как проявление креативности, включая новаторские идеи и действия, выходящие за рамки устоявшихся социальных норм. В то же время деструктивное поведение характеризуется ухудшением качества жизни индивида, снижением способности критически оценивать собственное поведение, когнитивными искажениями, пониженной самооценкой и эмоциональными дисфункциями, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к пониманию и коррекции таких поведенческих моделей.

В рамках психолого-педагогического анализа определяются три ключевых аспекта, характеризующих понятие «подросток с трудным характером».

---

[1] См.: *Бодалев А.А., Сухов А.Н.* Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 4. С. 92—102. EDN: UXHZAY.

[2] См.: *Гилинский Я.И.* Социальное насилие : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2013. 184 с. EDN: SIQKKH.

1. Наличие у подростков поведенческих отклонений, которые выходят за рамки общепринятых норм и указывают на нестандартное поведение, требующее особого внимания.

2. Заметные трудности в коррекции поведенческих нарушений у несовершеннолетних, что подчеркивает сложность процесса их социальной адаптации и воспитания.

3. Выраженная потребность в индивидуальном подходе к каждому подростку, особенно к тем, кто испытывает значительные трудности в социальной адаптации и личностном развитии.

Кроме того, важную роль в формировании трудностей в поведении подростка играют факторы семейного воспитания, включая как избыточное, так и недостаточное внимание со стороны родителей, а также неправильные методы воспитания в целом. Эти условия создают благоприятную почву для возникновения и усиления трудновоспитуемости, несоблюдения подростком установленных в обществе норм и правил, что в научном контексте анализируется через призму явления, известного как девиация.

Согласно мнению Л. С. Выготского, период подросткового возраста — один из самых критических и сложных этапов в процессе становления личности. Девиантное поведение в подростковом возрасте и его последствия оказывают значительное влияние на дальнейшее развитие личности, обусловливая необходимость глубокого понимания и аккуратного подхода к работе с подростками, демонстрирующими трудности в поведении[1].

Мы исследуем дивиацию как процесс или состояние, включающее действия, выходящие за границы общепринятых социальных, юридических и этических рамок, а также игнорирование устоявшихся эстетических норм. Такие отклонения

[1] См.: *Аблатова А. Ж., Жубатканова Х. Р.* Педагогика социально-педагогической деятельности в учреждениях среднего профессионального образования // ORIENSS. 2023. № 3 (1). С. 246—252.

наносят серьезный ущерб государству и обществу, способствуя увеличению преступности и зависимостей, что подрывает социальную стабильность и благосостояние.

Девиантное поведение и преступность часто интерпретируются как концепции с перекрестными областями, однако их нераздельность не имеет под собой основания. Преступность, определяемая как набор действий, явно запрещенных законодательством и влекущих за собой уголовную ответственность, отличается от девиантного поведения, которое представляет собой более обширное понятие. Оно охватывает разнообразие форм поведения, отклоняющегося от установленных социальных норм, но не обязательно подпадающего под категорию преступных деяний.

Анализ взаимосвязи между девиантностью и преступностью выделяет два принципиальных аспекта. Во-первых, девиантное поведение часто ассоциируется с действиями, несущими социальную угрозу, но не квалифицируемыми как преступления. Это включает в себя деяния, выходящие за рамки принятых норм и ценностей, однако не достигающие степени уголовной ответственности. Во-вторых, девиантность рассматривается как более широкое по сравнению с преступлением явление, включающее в себя действия, не имеющие уголовного характера, но представляющие угрозу для общественного порядка и благополучия. Такие деяния могут способствовать формированию условий для совершения противоправных актов, не будучи при этом преступлениями.

Отличие преступления как формы девиантного поведения заключается в его способности представлять непосредственную и значимую опасность для общества, достаточную для обоснования применения уголовного наказания к виновному. Данные различия между девиантным поведением и совершением преступления подчеркивают важность всестороннего осмысления социальных, психологических и юридических аспектов этих явлений в целях разработки эффективных страте-

гий превентивных и корректирующих мер. Исследование классификаций девиантного поведения способствует более глубокому пониманию указанной дифференциации и обеспечивает комплексный подход к анализу и решению проблем, связанных с отклоняющимся поведением в социуме.

Существенно то, что девиантное поведение, обладающее правовым аспектом, может накладываться на разнообразные психические расстройства и патологические состояния, включая зависимости и поведенческие аддикции[1]. Однако мы придерживаемся точки зрения, что эти феномены следует рассматривать отдельно.

Аддиктивное поведение, классифицируемое как форма деструктивного поведения, характеризуется стремлением к избеганию реальности через изменение собственного психического состояния с помощью употребления психоактивных веществ или через постоянное сосредоточение внимания на определенных объектах или действиях, приводящих к возникновению сильных эмоциональных переживаний[2]. Важно проводить различие между аддиктивным поведением и аддикцией как таковой. Аддикция является патологическим состоянием, в то время как аддиктивное поведение рассматривается как одна из форм социальной девиации. Когда девиантное поведение, имеющее юридическое значение, осуществляется лицом, страдающим от аддикции, к такому лицу применяются медицинские меры, к которым в определенных случаях добавляют-

[1] Аддикция — состояние сознания человека, характеризующееся привязанностью к определенной деятельности, неспособность самостоятельно ее прекратить. См., например: *Егоров А.Ю., Голенков А.В.* Поведенческие аддикции // Вестник Чувашского университета. 2005. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskie-addiktsii (дата обращения: 01.04.2025). EDN: UAERXL.

[2] См.: *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Социодинамическая психиатрия. М. : Академический проект, 2000. EDN: UAERXL.

ся и юридические. Однако в основе реагирования на аддиктивное поведение лежат не медицинские, а скорее воспитательные и юридические меры.

В контексте анализа взаимосвязи между девиантным поведением, имеющим юридическое значение, и аддиктивным поведением следует отметить, что под влиянием психоактивных веществ происходит дестабилизация агрессивных инстинктов и снижение уровня самоконтроля, что часто становится причиной совершения насильственных преступлений и аморальных действий, угрожающих общественной безопасности, особенно когда лица находятся под воздействием алкоголя или наркотиков[1].

Проанализировав виды аддикций, которые входят в содержание девиантного поведения молодежи, мы выделяем аддикции, приводящие к совершению преступления.

Во-первых, к ним следует отнести азартные игры, или гемблинг. Аддикция азартных игр приводит к снижению социальной роли субъекта в обществе, к его зависимости от количества материальных ценностей. Повторность такой аддикции заметно возрастает в период стресса. И так как признаками данного состояния являются изменение круга интересов, потеря контроля над реальностью, психологический дискомфорт, раздражение, беспокойство[2], то оно приводит к нарушениям закона и совершению не только правонарушений, но и преступлений. Наиболее часто такое аддиктивное поведение наблюдается у лиц в возрасте от 21 года до 55 лет; представителей молодежи (до 35 лет) — 38 %.

Во-вторых, к девиантной аддикции, приводящей к совершению преступления, мы относим интернет-зависимость. В настоящее время достаточно распространенным видом со-

[1] См.: *Мошнина М.Д., Биккинин И.А.* Делинквентное поведение: понятие, проблемы профилактики // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2022. №1-3 (62). С. 308—311. EDN: HZEWAC.

[2] См.: *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Указ. соч.

вершения преступлений являются треш-стримы. Кроме того, у лиц, подверженных интернет-зависимости, возникают другие формы девиантного поведения, например киберсекс, кибер-порнография, псевдология[1].

И, в-третьих, мы выделяем аддикцию отношений. На первый взгляд, в данной аддикции нет негативного аспекта. Человек общается в социуме с другими людьми. Но у него вырабатывается привычка иметь отношения исключительно с представителями одной определенной группы, которую можно назвать группой по интересам. В аддикции отношений человек начинает подражать поведению других субъектов группы, следует за лидером группы, совершает действия под его руководством. И, как следствие такого поведения, участвует в преступлении в составе группы. Более того, данное девиантное поведение часто относится к религиозной аддикции, которая может выступать причиной религиозного экстремизма.

Мы провели интервьюирование 53 лиц в возрасте от 24 до 35 лет; задали им вопрос об оценке степени опасности аддикций, которые могут привести к совершению преступлений и правонарушений представителями молодежи. На первое место была поставлена аддикция интернет-зависимости — 64 % респондентов; на второе место аддикция отношений — 21 %; на третье место 15 % респондентов определили аддикцию азартных игр. Нам данный результат представляется логичным и абсолютно актуальным, так как в настоящее время интернет вошел в жизнь социума очень широко, заменяя порой не только общение людей, но и семью, родителей, подменяя моральные ценности на аморальные. Снижение нравственных стандартов в обществе может привести к тому, что само преступление будет восприниматься как норма противодействия неза-

[1] *Псевдология* — патологическая лживость, патологическая склонность к сообщению ложной информации. См.: *Большая* российская энциклопедия. 2004—2017. URL: https://old.bigenc.ru/medicine/text/3170925 (дата обращения: 09.06.2025).

конному действию. Это, в свою очередь, стимулирует делинквентное поведение правонарушителя как метод достижения личного социального успеха и получения материальных благ незаконным путем. Данные факторы подчеркивают сложность проблемы делинквентного поведения и необходимость комплексного подхода к ее решению, включая улучшение социального контекста, в котором развиваются подростки, и коррекцию законодательной системы.

Влияние мотивационной сферы на поведение подростков также заслуживает пристального внимания. В этот период жизни они особенно подвержены влиянию своего окружения и сталкиваются с необходимостью утвердить себя в социальной иерархии. Основные причины совершения противоправных действий кроются в стремлении подростка завоевать авторитет в группе сверстников, продемонстрировать собственную храбрость, силу, ловкость[1]. Помимо этого, нередко целью таких действий является желание обладать материальными ценностями, которые символизируют высокий социальный статус среди ровесников. Действия подростков часто носят ситуативный характер и могут быть спровоцированы внешними обстоятельствами.

Подростки находятся в зоне повышенного риска вовлечения в преступную деятельность, особенно в период формирования индивидуальных качеств их личности. Это обстоятельство подчеркивает критическую необходимость организации эффективной профилактической работы. Такая работа должна быть нацелена как на группы риска, так и на молодых людей, уже столкнувшихся с правовыми последствиями своих поступков. Важно реализовывать комплексные программы, на-

[1] См.*: Гартвик Е. В.* Психологические факторы делинквентного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. №3 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-faktory-delinkventnogo-povedeniya-podrostkov (дата обращения: 05.05.2025). EDN: TELRWB.

правленные на преодоление социальной дезадаптации, формирование навыков социального взаимодействия и укрепление позитивной идентичности.

Г. М. Миньковский и соавторы разделяют несовершеннолетних правонарушителей на четыре основные категории, основываясь на уровне и характере их преступной активности[1].

1. Несовершеннолетние с явно выраженной преступной направленностью поведения (10—15 %). Отличительные черты представителей этой группы включают в себя стремление к удовлетворению базовых, примитивных потребностей, проявление жестокости, склонность к непродуктивному проведению времени, увлечение азартными играми и уголовной субкультурой. Такие подростки обладают высокой степенью настойчивости и активности в совершении преступлений, часто выступают инициаторами и организаторами преступных деяний.

2. Несовершеннолетние с отрицательной направленностью поведения (30—40 %). Эта категория подростков характеризуется предпочтением бесцельного времяпровождения и склонностью к алкоголю. Преступления, совершаемые ими, зачастую являются не заранее спланированными, а скорее следствием спонтанных действий.

3. Несовершеннолетние с неустойчивой личностной направленностью (25—30 %). У подростков этой группы преступные действия чаще всего связаны с желанием доказать свой статус или с влиянием чужого примера. После совершения преступления они обычно испытывают чувство раскаяния и сожалеют о своих поступках.

4. Несовершеннолетние с положительной направленностью поведения (25—30 %). Преступления, совершенные подростками этой категории, часто становятся результатом детской непосредственности или ошибочной оценки последствий

[1] См.: *Криминология :* учебник для вузов / Г. М. Миньковский, Н. Ф. Кузнецова, М. Н. Голоднюк и [др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М. : Изд-во МГУ, 1994. 415 с.

своих действий. Эти подростки не имеют явной склонности к преступной деятельности, их проступки скорее случайны и обусловлены недостатком понимания реальных последствий[1].

В контексте исследований подросткового возраста можно выявить несколько ключевых видов поведения, которые отличаются разными отклонениями от установленных норм. Их можно группировать следующим образом: аморальное (или асоциальное, внешне деструктивное, маргинальное, пограничное) поведение; делинквентное (антисоциальное, противоправное) поведение; саморазрушительное (диссоциальное, аутодеструктивное) поведение.

Аморальное поведение подростков представляет собой действия, которые противоречат основным морально-этическим принципам и нормам, ставя под угрозу гармонию в межличностных отношениях. Такое поведение подростка проявляется в игнорировании общепринятых ценностей или нарушении норм, таких как дисциплина, чувство долга, уважение к окружающим, вежливость и честность. В результате этих действий общество может осуждать подростка, ведь его поступки размывают установленные границы норм и вызывают социальное напряжение. Такие подростки могут склоняться к противоправным действиям, если ощущают уменьшение контроля за своим поведением, действуют законно лишь из-за страха перед возможным наказанием или понимания выгоды от законопослушного поведения.

Делинквентное поведение подростков характеризуется действиями, которые являются прямым нарушением правовых норм и угрожают общественному порядку. Такое поведение включает в себя различные формы антисоциальных действий: хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие,

[1] См.: *Жданова Н.Е.* Причины и факторы девиантного поведения подростков // Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения : материалы Междунар. заочная науч.-практ. конф. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2009.

участие в торговле наркотиками. Подобные поведенческие проявления отражают глубокие проблемы в социализации подростков и требуют внимательного и компетентного вмешательства со стороны общества и специалистов.

Саморазрушительное поведение выходит за рамки медицинских и психологических норм, представляя собой угрозу для саморазвития и психоэмоционального благополучия подростка. Это может проявляться в таких формах, как суицидальное поведение, различные зависимости (от еды, химических веществ, интернета, азартных игр и т. д.), выбор в пользу одиночества или аскетизма. Саморазрушительное поведение указывает на серьезные внутренние конфликты и часто требует профессиональной психологической или медицинской помощи[1].

Исследователи в области психологии и криминологии А. И. Долгова, Е. Г. Горбатовская и В. А. Шумилкин[2] делят подростков, которые совершили правонарушения, на различные категории, основываясь на характеристиках их поведения и взаимодействия с социальной средой.

1. Последовательно-криминальный тип. Для подростков, относящихся к этой категории, ключевым становится криминогенный «вклад» личности в преступное поведение. Важнейшим фактором здесь выступает взаимодействие с социальной средой, где преступление является естественным продолжением привычного образа жизни. Данные действия подкрепляются определенными взглядами, установками и ценностями субъекта, что делает преступное поведение предсказуемым в рамках его личностной ориентации.

---

[1] См.: *Форум* молодых ученых. 2019. №3 (31). С. 119—123. URL: https://www.forum-nauka.ru/arhiv-nomerov (дата обращения: 01.04.2025).

[2] *Никишкин А. В., Степанов И. В., Степановских В. В.* Девиантное поведение, причины его формирования // Педагогика, психология, общество : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 30 июня 2020 года. Чебоксары : Среда, 2020. С. 183—185. EDN: MCRYLI.

2. Ситуативно-криминогенный тип. В этой группе подростков нарушение моральных и правовых норм, а также сам акт преступления в большой степени спровоцированы неблагоприятными обстоятельствами. Преступное поведение часто не соответствует изначальным намерениям субъекта и может рассматриваться им как вынужденный эксцесс. Подростки, относящиеся к этой категории, нередко совершают преступления в группе и под влиянием алкоголя, при этом не являясь лидерами или инициаторами девиантных действий.

3. Ситуативный тип. Подростки этого типа демонстрируют слабо выраженную тенденцию к негативному поведению, определяющим фактором для них становится конкретная ситуация, складывающаяся не по их вине. Жизненный путь таких подростков отмечен колебаниями между положительными и отрицательными влияниями. Важная черта представителей этой группы — способность к адаптации и изменению поведения в зависимости от обстоятельств, что указывает на возможность положительного развития их личности при соответствующей поддержке и направленности.

Для эффективной борьбы с девиантным поведением необходим комплексный подход, включающий психологическую поддержку и социальную адаптацию человека, улучшение социально-экономических условий, разработку эффективных программ воспитания и образования, а также создание условий для положительного социального взаимодействия и культурного развития. Разработка и реализация целенаправленных программ и мероприятий должны основываться на глубоком понимании коренных причин девиантного поведения и быть направлены на устранение факторов риска на всех уровнях общественной жизни.

Такой взгляд подчеркивает многоаспектность вопроса девиантного поведения и подтверждает потребность в интегрированном подходе к его изучению и восприятию — с учетом

социокультурных, психологических и медико-биологических факторов. Глубокое осмысление коренных причин девиантности и их взаимодействий становится ключом к разработке действенных профилактических и реабилитационных программ для индивидов с такими проявлениями, особенно в их крайней форме в виде молодежной преступности.

1.2. Виды и причины молодежной преступности

Прежде чем рассмотреть сущность молодежной преступности, необходимо определить само понятие «молодежь». По мнению многих исследователей, молодежь — это социально-демографическая группа, которая переживает период социальной зрелости. Как показал анализ научной литературы, период молодости неразрывно связан с этапом взросления, как жизненный цикл он находится между детством и зрелостью, его можно назвать этапом перехода личности от социально зависимого состояния к состоянию зрелости.

Большая российская энциклопедия относит людей к этой социальной группе в соответствии с такими признаками, как возраст, социальный статус и стиль жизни[1].

В соответствии со ст. 2 федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 №489-ФЗ молодежь — это социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет включительно.

Тем не менее на сегодняшний день вопрос определения возрастных границ данной социально-демографической группы населения является дискуссионным. С одной стороны, можно увидеть постепенное расширение границ молодежного возраста, о чем свидетельствуют положения федерального за-

[1] См.: *Большая* российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e (дата обращения: 17.03.2025).

конодательства. С другой стороны, рамки перехода из детской возрастной группы в статус молодежи четко определен в уголовном законодательстве РФ и составляет 14 лет[1].

Думается, что одним из важных факторов анализа современного определения молодежи стало исследование этой социально-демографической группы с точки зрения не только ее возрастного периода, но и поколенческого подхода, предполагающего изучение смены молодежных поколений в рамках социально-исторического анализа.

Современное молодое поколение — это не совсем однородная группа. Молодые люди, рожденные в период 1990—2000 годов, — так называемые миллениалы (или поколение Y)[2]. Это дети «бэби-бумеров», для которых, во-первых, характерно отодвигание нижних границ взросления в силу получения ими образования; во-вторых, это поколение, имеющее уникальный опыт освоения новых информационных технологий. По этой причине многие исследователи, основываясь на уровне приобщенности данного поколения молодых людей к интернет-коммуникациям, именуют их «интернет-аборигены», в то время как старшее поколение называют «интернет-мигрантами»[3]. Также для миллениалов характерны новые формы занятости[4]. Все вышеперечисленные факторы существенно отличают это поколение от предыдущих.

Исследователи выделяют и младшую группу данного поколения — постмиллениалы (или поколение Z)[5]. Это молодые

[1] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. 17.06. №25. Ст. 2954. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Радаев В. В.* Миллениалы. Как меняется российское общество : монография. М. : Высшая школа экономики, 2019. doi: 10.17323/978-5-7598-1985-1. EDN: STOTFS.

[3] См.: Там же.

[4] Труд, который предполагает временные формы занятости, стажерство, сезонные работы, фрилансерство.

[5] См.: *Радаев В. В.* Указ. соч.

люди и подростки, рожденные в период 2000—2010 годов, для которых также характерны длительное сохранение статуса неопределенности, акцент на себя и выработка своего поколенческого стиля. Следует подчеркнуть, что данное деление весьма условно и требует более глубокого исследования социального, культурологического аспектов и анализа статистических данных этих двух возрастных групп.

С позиции теории конфликта поколений К. Манхейма всегда существовало определенное противоречие между молодым поколением и более старшим[1]. Например, конфликт между такими поколениями в XX веке приводил к серьезным политическим и социальным процессам во многих регионах мира (студенческие политические восстания в странах Азии, Латинской Америки, «революция молодежи» 1968 года в Западной Европе и США)[2].

Анализ нормативно-правовых актов, монографической, научной и учебной литературы показал, что на сегодняшний день нет единого научного подхода к пониманию термина «молодежная преступность». Большое количество исследований за последние 20 лет посвящено понятию молодежной преступности как негативного социального явления, они представлены работами философов, социологов, политологов, психологов и др.[3]

Исследователи в области уголовного права и криминологии определяют молодежную преступность как часть общей

[1] См. подробнее: *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 538 с.

[2] См.: *Орлов Н. С.* Методы борьбы антивоенного движения в США в 60-е гг. XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. №1. С. 30—36. doi: 10.18384/2310-676X-2018-1-30-36. EDN: EQOIFK.

[3] См. например: *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления. М. : Научный эксперт, 2013. 264 с.

преступности[1]. Ряд авторов понимают под этим термином совокупность преступлений лиц определенной возрастной группы — от 18 до 29 лет[2]. Причем и среди специалистов в этой области ведутся дискуссии. Так, большинство авторов приходят к выводу, что следует учитывать такой важный признак, как возраст уголовной ответственности, который предполагает специального субъекта преступления[3]; другие авторы рассматривают комплекс признаков[4]. И. М. Мацкевич выделяет самостоятельную категорию в молодежной преступности — преступность тинейджеров, подростков в возрасте от 13 до19 лет[5].

С точки зрения криминалистического анализа Н. А. Подольный трактует молодежную организованную преступность как негативное социальное явление, имеющее ряд криминалистических признаков[6]. Вполне справедливой является позиция автора относительно связи криминалистически значимых черт молодежной преступности с ее криминалистической характеристикой.

Думается, к пониманию молодежной преступности следует подходить комплексно. Во-первых, важно понимать, что пока нет единого законодательного закрепления этой возрастной

[1] См.: *Лелеков В. А., Кошелева Е. В.* Молодежная преступность в России: понятие и особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №5. С. 104—108. EDN: AYVRMV.

[2] См.: *Шаталов Е. А., Молдаванов К. В.* Молодежная преступность и основные направления противодействия ей : монография. М. : Проспект, 2016. 62 с. EDN: VZKEHN.

[3] То есть виновное вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет, — в соответствии с уголовным законодательством РФ.

[4] *Лелеков В. А., Кошелева Е. В.* Указ. соч. С. 104.

[5] См.: *Мацкевич И. М.* Преступность тинейджеров: стратегия XXI в. // Союз криминалистов и криминологов. 2018. №2. С. 86. doi: 10.31085/2310-8681-2018-2-86-90. EDN: YLMNPF.

[6] См.: *Подольный Н. А.* Криминалистически значимые черты молодежной организованной преступности как средство повышения эффективности расследования преступлений, совершаемых молодежными организованными группировками // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №11 (302). Право. Вып. 36. С. 96.

категории; возраст уголовной ответственности начинается с 14 лет, в то же время в силу ч. 3 ст. 20 УК предусмотрено исключение — освобождение от уголовной ответственности ввиду особенностей развития несовершеннолетнего, который не понимает значения своих действий[1]. В другой норме УК РФ содержится указание на лицо, не достигшее возраста 18 лет[2]. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в уголовном законодательстве выделяются следующие категории несовершеннолетних: 14—16 лет; 16—18 лет. При этом возраст административной ответственности наступает с 16 лет за ряд административных правонарушений[3], что вызывает определенные размышления относительно снижения возраста и административной ответственности.

Во-вторых, возрастные границы этой социальной группы весьма условны и, несмотря на законодательное определение этого возраста с 14 до 35 лет, имеется ряд градаций и возрастных границ.

В-третьих, молодежная преступность — это негативное социальное явление, выступающее частью общей преступности и имеющее ряд признаков и криминалистически значимых черт.

Можно резюмировать, что *молодежная преступность* представляет собой группу преступлений, которые совершены лицами молодого возраста, основным признаком данной категории преступлений является возраст. Молодежная преступность включает в себя следующие категории преступлений: преступления несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и преступления молодых взрослых (молодежи) от 18 до 35 лет.

---

[1] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Там же. Ч. 2. Ст. 54.

[3] Например, такие правонарушения, как мелкое хулиганство, пропаганда нацистской атрибутики, нарушение правового режима контртеррористической операции.

В соответствии с краткой характеристикой преступности за 2024 год в РФ было зарегистрировано 21 069 несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, что составляет 3,2 % от общего числа выявленных лиц, это каждое 34-е преступление. При этом количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, по сравнению с 2023 годом стало меньше на 5,7 %. Те же тенденции отмечались и в 2023 году: было выявлено 22 340 несовершеннолетних, совершивших преступления, что на 15,1 % меньше показателей 2022 года[1].

По данным Генеральной прокуратуры РФ, за 2021 год в Российской Федерации несовершеннолетние в возрасте от 14 до 15 лет представляют самую малочисленную категорию преступников, их число составило 1,2 % (8553 молодых человека и 952 девушки); лица в возрасте 16—17 лет составили 3,87 % от общего числа преступников (всех возрастов), из них — 1881 девушка и 17 740 юношей[2]. Самой многочисленной категорией является возрастная группа от 30 до 49 лет — 395 933 мужчины (55,72 %) и 82 846 женщин (60,15 %). При этом возрастные категории 18—24 года и 25—29 лет составили по 13—14 % от всего числа лиц, совершивших преступления. Лица в возрасте 18—24 года — 106 507 мужчин и 15 032 женщины; лица в возрасте 25—29 лет — 96 952 мужчины и 16 008 женщин[3]. Казалось бы, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодыми взрослыми, является не самым значительным показателем в общей преступности. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 марта 2025 года, в нашей стране проживает 146,7 млн человек,

[1] См.: *Состояние* преступности в Российской Федерации за 2022—2024 гг. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751 (дата обращения: 06.04.2025).

[2] См.: *Социальный* портрет преступности за 2021 г. // Портал правовой статистики : [офиц. сайт Генеральной прокуратуры РФ]. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 06.04.2025).

[3] См.: Там же.

при этом число детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет составляет 17 264 062 человека, молодежи в возрасте от 18 до 29 лет — 17 519 826 человек. Самая многочисленная категория — лица от 30 до 60 лет, 62 863 108 человек[1]. В 2025 году доля детей 2012—2017 годов рождения достигла максимальных значений. Таким образом, число преступлений, совершенных несовершеннолетними, количественно снижается в последние годы — на фоне снижения само́й численности данной возрастной категории лиц.

Также следует отметить, что максимальные показатели молодежной преступности в 2023 году отмечались в регионах с наибольшим удельным весом молодежной преступности в общей структуре преступлений — это Республика Тыва, Новгородская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, регионы Восточной Сибири и Республика Карелия[2]. Особую тревогу в последнее время вызывает растущий интерес несовершеннолетних к оружию, взрывчатым веществам и самодельным устройствам. Большой резонанс в современном российском обществе вызвали уголовные дела, связанные с участием несовершеннолетних лиц и молодых взрослых в вооруженных нападениях в учебных заведениях.

Наиболее распространенными видами преступлений среди несовершеннолетних и молодежи, согласно данным статистики за 2023—2024 годы, стали:

— хищения, где на первом месте — кража, на втором — грабеж, далее идет разбой; одним из распространенных видов преступлений является угон транспортного средства и вымогательство;

---

[1] См.: *Названо* точное число молодежи в России. URL: https://news.ru/vlast/nazvano-chislo-prozhivayushih-v-strane-molodyh-rossiyan/?ysclid=m8vz19ousp440431948 (дата обращения: 30.03.2025).

[2] См.: *Состояние* преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751 (дата обращения: 06.04.2025).

— достаточно большой удельный вес занимают преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

— преступления против личности: убийство, покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью;

— иные виды преступлений, среди которых преступления экстремистской и террористической направленности[1].

Так, 2024 год стал рекордным по числу зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической направленности среди молодежи и несовершеннолетних. Согласно данным Росфинмониторинга, в реестр террористов и экстремистов было добавлено 93 несовершеннолетних, среди которых 20 — несовершеннолетние, не достигшие 16 лет, что стало рекордом за последние 6 лет[2].

Как показывает анализ статистики, следственной и судебной практики, основными видами молодежной преступности являются насильственные преступления, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и ненасильственные преступления, чаще всего корыстной направленности[3].

---

[1] См.: *Состояние* преступности в Российской Федерации за 2023—2024 гг. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m9oj9e4epu417414323 (дата обращения: 06.04.2025).

[2] См.: *В 2024 году* российский реестр террористов и экстремистов пополнили 93 несовершеннолетних — это рекорд минимум за шесть лет // Новая газета. URL: https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2024/09/13/v-2024-godu-rossiiskii-reestr-terroristov-i-ekstremistov-popolnili-93-nesovershennoletnikh-eto-rekord-minimum-za-shest-let-news.pdf?ysclid=m9b5npcwcc510517287 (дата обращения: 10.04.2025).

[3] См., например: *Мосендз Д.А.* Криминалистическая характеристика преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2023. №33 (480). С. 41—44. URL: https://moluch.ru/archive/480/105539/ (дата обращения: 07.04.2025). EDN: ACJRZP.

Среди преступлений корыстной направленности отмечаются хищения мобильных телефонов, различных гаджетов[1], игровых приставок, велосипедов, скутеров, электросамокатов, одежды брендовых марок (в основном, модная спортивная одежда), а также продуктов питания и игрушек.

В целом выбор предмета преступного посягательства не изменился за последние годы и определяется следующими особенностями: а) статусом («престижем» самой вещи или ее бренда); б) небольшими размерами, удобством в перемещении; в) возможностью сбыта похищенного в достаточно короткие сроки; г) в качестве предмета хищения могут выступать вещи, которые не имеют особой ценности, но понравились несовершеннолетнему преступнику (игрушки, зонтики, солнечные очки, брелоки и т. д.).

Обстановка совершения преступления тоже имеет свою специфику: как правило, это знакомое подросткам место, где они чувствуют себя наиболее защищенно и беспрепятственно могут совершать преступные действия. Чаще всего, это район или территория рядом с местом жительства подростков (микрорайон) или знакомые места, которые чаще всего посещают несовершеннолетние (торговые центры, расположенные рядом с ними улицы, территория вблизи места учебы подростков).

В то же время, говоря о преступлениях корыстной направленности, совершенных несовершеннолетними и молодежью, следует отметить, что за последние 5—7 лет наметилась тенденция к появлению новых особенностей, среди которых можно выделить рост числа таких преступлений, как мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, телефонное мошенничество, интеллектуальное пиратство (что ранее не было характерным для преступности несовершеннолетних и молодежи), хищение с использованием биткоинов и других видов альтернативной элек-

[1] Например: смарт-часы, фитнес-браслеты, беспроводные наушники, пауэрбанки, беспроводные колонки и т. д.

тронной валюты. Следует согласиться с мнением И. М. Мацкевича[1], который указывает на то, что за последнее время произошли серьезные изменения в структуре и специфике молодежной корыстной преступности. Она вышла за рамки ситуационной и приобрела новые черты. Во-первых, неограниченный доступ к электронным ресурсам привел к тому, что ранее существовавшие ограничения временно́го и материального характера перестали иметь сдерживающий фактор; во-вторых, географические границы оказались размыты. По сути, подростки и молодежь благодаря стремительному развитию информационных технологий получили доступ к неограниченным ресурсам. При этом нужно учитывать, что именно молодежь быстрее представителей других поколений приспосабливается и осваивает новые технологические возможности. Думается, что именно этим можно объяснить существенные на сегодняшний день изменения в структуре молодежной преступности и предположение о том, что в будущем следует ожидать роста числа преступлений корыстной направленности.

Далее необходимо отметить, что начиная с 2019 года высокими темпами растет насильственная преступность, в которой достаточно высок удельный вес молодежи: от 49 до 68,9% среди выявленных участников таких преступлений, как изнасилования, грабежи, разбои, вымогательства. Число убийств и причинений тяжких телесных повреждений также остается на достаточно высоком уровне.

Тревожным является рост числа преступлений повышенной общественной опасности, где подавляющее большинство участников — молодежь: в 56,9% преступлений террористической направленности и от 65,4 до 78,4% преступлений экстремистской направленности субъектами выступают лица от 16 до 29 лет. Здесь можно говорить о таком явлении, как рост преступлений на почве ненависти: к представителям других рас, национальностей (некоренных жителей), вероисповеда-

[1] См.: *Мацкевич И. М.* Указ. соч. С. 88.

ний, антирелигиозные преступления, преступления против определенных групп населения (инвалидов, лиц без определенного места жительства, престарелых лиц), травле (буллинге)[1], скулшутинге[2].

Так, по мнению ряда исследователей, преступность молодежи с каждым годом приобретает все более латентный характер[3]. Представляется, что сама дефиниция латентной преступности несовершеннолетних и молодежи нуждается в отдельном исследовании. Следует согласиться с точкой зрения тех авторов, которые считают, что понятие «латентная преступность несовершеннолетних и молодежи» является частью общей латентной преступности, а следовательно, соотносится как видовое понятие к родовому[4]. Вопросы латентности преступлений становились предметом исследований ученых различных научных специальностей. Споры об определении понятия латентных преступлений не утихают и по сей день. Некоторые авторы описывают латентные преступления с позиции междисциплинарного подхода, включающего в себя кри-

[1] Буллинг (от англ. *bully* — драчун, обидчик, насильник). Под данным термином понимается агрессивное поведение, преследование. Может выражаться в форме физического или психологического насилия над жертвой. Буллинг получил широкое распространение в подростковой среде.

[2] Скулшутинг (от англ. *school shooting* — стрельба в школе) — это вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения.

[3] См.: *Лелеков В. А., Кошелева Е. В.* Указ. соч. С. 108.

[4] См. подробнее: *Акутаев Р. М.* Латентная преступность: актуальность, проблемы и понятие // Государство и право. 1997. №12. С. 79—87 ; *Санин А. А.* Криминологические аспекты латентной преступности несовершеннолетних в г. Москве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. EDN: NQOZOH ; *Шахаев Ю. А.* Понятие и основные формы проявления латентной преступности несовершеннолетних лиц // Экономико-юридический журнал. 2009. URL: https:// cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.03.2025). EDN: KHRMPD.

минологический, криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты. Так, криминологический подход рассматривает совокупность преступлений, которые не вошли в уголовно-правовую статистику; криминалистический — преступления, не обнаруженные и не раскрытые; уголовно-процессуальный — преступления, не повлекшие юридических последствий. Данный подход затрагивает и важнейший принцип неотвратимости уголовной ответственности за совершение лицом преступления как один из важнейших принципов уголовного права РФ. Думается, что такой подход достаточно интересен и помогает посмотреть на латентную преступность с различных точек зрения.

Другие авторы в своих исследованиях выделяли естественную и искусственную структуру латентной преступности[1]. При этом в само ее понятие включали сразу три аспекта — криминологический, криминалистический и процессуальный, где ведущая роль отведена именно криминологическому аспекту. Одновременно авторы соглашаются с тем, что каждый из подходов имеет относительную самостоятельность. Думается, что подобная концепция недостаточно полно отражает потребности современной науки и практики, поскольку в настоящее время требуются междисциплинарные подходы к пониманию и исследованию названных явлений с целью противодействия преступной деятельности. В этой связи латентные преступления несовершеннолетних лиц и молодежи следует рассматривать как часть латентных преступлений. С точки зрения междисциплинарного подхода это часть преступлений несовершеннолетних лиц и молодежи, которые не установлены и не учтены уголовной статистикой, не обнаружены и не выявлены правоохранительными органами и, соответственно, в отношении которых не приняты в установленном законом порядке процессуальные решения. Согласно статистиче-

[1] См.: *Шахаев Ю. А.* Указ. соч. С. 142.

ским данным МВД РФ, в 2023—2024 годах количество нераскрытых корыстных и насильственных преступлений немногим превышает 40 % по разным регионам РФ[1].

Основными причинами латентности данной категории преступлений являются следующие. Во-первых, преступления несовершеннолетних и молодежи остаются за пределами уголовной статистики в силу снижения уровня правового сознания населения и активной гражданской позиции. Преступления насильственного характера (умышленные причинения разной тяжести вреда здоровью, вымогательства в образовательных учреждениях) и совершаемые на почве травли (буллинг) очень часто не регистрируются правоохранительными органами ввиду того, что жертвы преступлений, их родители, а также несовершеннолетние преступники имеют низкий уровень правовой грамотности. Это достаточно сложная и вместе с тем актуальная тема, которая связана с вопросами правового просвещения и образования школьников, студентов, учащихся образовательных учреждений.

Во-вторых, причиной латентной преступности несовершеннолетних и молодежи выступает личность и поведение жертвы преступления. Например, по таким категориям насильственных преступлений, как изнасилования, вымогательства, жертвы зачастую, боясь огласки факта совершения в отношении их преступления, долго замалчивают его, а порой и вовсе не обращаются в правоохранительные органы, в результате преступление не учитывается уголовной статистикой, а если такое обращение поступает, не всегда возбуждается уголовное дело или создаются определенные трудности в расследовании данной категории преступлений в связи с несвоевременным обращением, когда драгоценное время и улики могут быть потеряны.

[1] См.: *Состояние* преступности в Российской Федерации за 2023—2024 гг. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m9oj9e4epu417414323 (дата обращения: 06.04.2025).

В-третьих, одним из факторов, влияющих на латентный характер данной категории преступлений, является взаимоотношение жертвы преступления с родителями. Отсутствие доверительных, открытых отношений, страх рассказать о факте совершения преступления родителям или доверенным лицам влечет сокрытие информации о самом преступлении.

В-четвертых, одна из причин латентного характера преступлений несовершеннолетних — отсутствие должного контроля со стороны руководства образовательного учреждения, родителей, лиц, их заменяющих. Такой фактор, как безразличие к жизни ребенка со стороны родителей, педагогов, может негативно сказаться на событиях его жизни, приводя к случаям совершения в отношении него преступлений, что рождает чувство безнаказанности у преступника, отсутствие должных мер социального и правового реагирования со стороны государства.

Думается, что решение данного вопроса должно лежать в плоскости деятельности правоохранительных органов и правовой политики государства. Следует согласиться с точкой зрения ряда авторов[1], которые считают, что в тех странах, которые придерживаются Пекинских правил[2], должны быть строгие ограничения на участие прессы в освещении событий преступления, совершенного с участием несовершеннолетних или в отношении данных лиц, и подробностей расследования данной категории преступлений. Кроме того, нуждается в реформировании и работа органов предварительного расследо-

[1] См.: *Гареева Е. Р.* Детерминанты латентной преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2019. №30 (268). С. 86—88. URL: https://moluch.ru/archive/268/61810/ (дата обращения: 13.04.2025).

[2] См.: *Минимальные* стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. URL: https://base.garant.ru/1305342/ (дата обращения: 13.04.2025).

вания. В частности, обеспечение конфиденциальности при проведении вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних, допроса несовершеннолетних, участия в допросах педагогов образовательных учреждений, в котором они проходят обучение, в целом соблюдения тактичного и должного поведения со стороны сотрудников следственных подразделений.

Достаточно дискуссионным является вопрос об исследовании факторов преступности молодежи. Как преступность несовершеннолетних преобразуется в преступность молодежи и взрослую? Какими методами и способами можно предотвратить этот процесс? Сегодняшние несовершеннолетние и молодежь будут формировать запросы и политику нашего государства в будущем, поэтому, зная особенности молодежной преступности, можно спрогнозировать, какой она будет через 10—20 лет.

Большинство исследователей изучают молодежную преступность и преступления молодых взрослых с позиции криминологии, криминалистики, других наук юридического цикла, однако, думается, что немалый интерес также вызывает анализ социальных, культурологических аспектов молодежной преступности. Молодежь и подростки представляют собой определенную социальную группу населения, которая объединяет их не только возрастом, особенностями психоэмоционального состояния и развития, — это еще и представители определенной культуры.

Одним из интересных направлений в исследовании этой проблематики стала культурология преступности, или культурологический подход в изучении уголовно-правовых явлений, преступности[1]. При этом некоторые авторы выделяют ряд более узких направлений для исследования возникновения мо-

[1] См.: *Бибик О.Н.* Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : монография. М. : ЮристИнформ, 2017. 411 с. EDN: WJAAHL.

лодежной преступности: массовая культура; массмедиа; религия; художественная литература; этническая культура; криминальная субкультура[1].

Массовая культура, как отмечают исследователи, в условиях современного общества транслирует те культурные ценности, которые ориентированы на «среднего человека»[2]. Для массовой культуры сегодня характерны гибкость, коммерческая приспосабливаемость под нужды и запросы общества и тесная связь со средствами массовой коммуникации как трансляторами культурных ценностей.

В качестве атрибута массовой культуры выступают средства массовой информации, поп-культура, кинематограф, иными словами — массмедиа. На сегодняшний день именно молодое поколение имеет неограниченный доступ к этим ресурсам, с одной стороны; с другой — массмедиа оказывают существенное влияние на нравственное и духовное развитие современной молодежи.

Еще одним важным фактором, оказывающим значительное влияние на молодежную преступность, является религия. Влияние религии на молодое поколение зависит от того, насколько сильное воздействие постулаты той или иной конфессии будут оказывать на становление личных качеств молодежи; есть ли в данном религиозном учении положения, которые оправдывают противоправное поведение ради достижения «высшей цели».

Художественная литература аккумулирует не только накопленный человечеством духовный, исторический опыт, но и

[1] См.: *Липич Т. И., Лыков Э. Н.* Молодежная преступность: культурологический аспект (общий обзор причин молодежной преступности) // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2019. № 2. С. 36. EDN: VEYFGQ.

[2] См.: *Аблеев С. Р., Кузьминская С. И.* Экзистенциальные характеристики массовой культуры постиндустриального общества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 218—221.

средство выражения запросов, чаяний общества[1]; особенно это относится к современной литературе, в которой широко представлена уголовно-правовая, криминалистическая тематика.

Этническая культура — это культура представителей определенных этносов[2]. Зачастую исследователи рассматривают проблематику молодежной преступности во взаимосвязи с культурологическим аспектом и этнокриминологией. Следует отметить, что в целом этническая культура не одобряет преступную деятельность и самих преступников, считает их негативным явлением, вместе с тем представители некоторых этносов и культур могут снисходительно относиться к преступности как таковой.

Криминальная субкультура представляет собой некий противовес массовой культуре общества. Взаимосвязь криминальной субкультуры и молодежной преступности исследуется в работах социологов, криминологов, криминалистов, где отмечается, что во многом причины молодежной преступности лежат в плоскости криминальных молодежных субкультур, которые во многом способствуют появлению преступлений несовершеннолетних и молодых взрослых. Например, просмотр художественных фильмов, прослушивание «блатной» музыки, где можно встретить мотивы или сюжеты, «романтизирующие» преступность. Думается, что сначала молодой человек становится субъектом криминальной субкультуры (то есть ее потребителем и производителем ее атрибутики), а затем совершает преступления.

---

[1] См.: *История* всемирной литературы : в 8 т. / гл. ред. Г. П. Бердников. М. : Наука, 1983—1994. URL: https://feb-web.ru/feb/ivl/default.asp?/feb/ivl/vl0.html (дата обращения: 13.04.2025).

[2] См.: *Аржанова И. О.* Этническая культура как особый тип культуры, ее особенности // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11, ч. 3. URL: https://web.snauka.ru/issues/2014/11/40517 (дата обращения: 14.04.2025). EDN: TBWJTT.

Представленные факторы являются лишь инструментами, с помощью которых формируются мировоззрение и нравственные убеждения молодежи, причем как негативные, так и позитивные.

Для того чтобы предупреждать и противодействовать преступлениям несовершеннолетних и молодежи, нужно понимать причины и условия совершения данной категории преступлений. Некоторые авторы дифференцируют эти причины и условия на общесоциальные и личностно-микросредовые[1]. Позиция других авторов основывается на том, что причины и условия молодежной и подростковой преступности схожи с общеуголовной[2].

Следует согласиться с мнением тех ученых, которые, выделяя специфические причины и условия преступности рассматриваемой категории лиц, дифференцируют их: на причины (они могут быть как внутренние, так и внешние), относящиеся ко всей исследуемой социальной группе; причины микросредовые, связанные с причинами и условиями совершения преступлений в малых группах (семейно-бытовые, поведенческие причины, связанные со взаимоотношением подростка или молодого взрослого в ученическом коллективе, компании, рабочей среде); личностные.

К внутренним общесоциальным причинам молодежной преступности можно отнести следующие:

— определенные просчеты в организации системы профилактики преступлений и правонарушений среди молодежи;

---

[1] См. подробнее: *Старков О.В.* Криминология: Общая, Особенная и Специальная части : учебник. СПб. : Юридический Центр-Пресс, 2012. 1048 с. ; *Антонян Ю.М.* Криминология : избранные лекции. М. : Логос, 2004. 448 с.

[2] См.: *Воронкова К.Д., Суханова А.И., Шаньгина А.И.* Выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, принятие мер по их устранению // Молодой ученый. 2021. №52 (394). С. 91—96. URL: https://moluch.ru/archive/394/87263/ (дата обращения: 16.04.2025). EDN: NNWQHW.

— проблемы, связанные со взаимодействием со средствами массовой информации;

— проблемы, сопровождающие процесс трансформации современного общества в цифровую среду (информационное общество) и связанная с этим процессом необходимость модернизации современной системы образования и воспитания.

К внешним общесоциальным причинам следует отнести:

— омоложение преступности, ее транснациональный характер, существенное изменение структуры молодежной преступности (появление новых корыстных и корыстно-насильственных видов преступлений);

— рост числа преступлений с участием несовершеннолетних и молодежи в сфере незаконного оборота наркотических средств, рост проституции;

— увеличение количества преступлений с участием несовершеннолетних и молодых иностранных граждан, в том числе в сфере бизнеса, незаконной миграции;

— вовлечение несовершеннолетних лиц и молодежи в международные террористические организации, а также вовлечение несовершеннолетних иностранными спецслужбами в преступления против общественной безопасности и общественного порядка, против конституционных основ государственного строя и безопасности государства (преступления террористической и экстремистской направленности, совершение диверсий, поджогов релейных шкафов, военкоматов, повреждение КИИ и др.).

К внутренним причинам преступлений несовершеннолетних относятся:

— стремление к самоутверждению в малых группах (ученических коллективах, компаниях) за счет интересов других, что порождает совершение таких преступлений, как коллективные изнасилования, хулиганства, в том числе так называемые треш-стримы, сопровождающиеся выкладыванием записи совершенного преступления в сеть «Интернет»;

— привлечение внимания и завоевание авторитета в своей среде, что сопровождается совершением преступлений корыстно-насильственной направленности (грабежей, разбоев, где объектами преступного посягательства становятся мобильные телефоны, гаджеты, пользующие популярностью в молодежной среде, модная одежда брендовых марок и т. д.);

— правовой нигилизм;

— стремление доказать свою «верность», боязнь стать «предателем», что достаточно часто используют взрослые преступники для вовлечения подростков в преступную деятельность.

К внутренним условиям можно отнести:

— психологические, психофизиологические и анатомические особенности, которые могут сыграть ключевую роль в совершении подростками преступления;

— особенности психики подростка, ее неустойчивость в разных жизненных ситуациях;

— отсутствие жизненного опыта, устоявшегося внутреннего стержня;

— отсутствие адекватной самооценки;

— легкая эмоциональная возбудимость;

— зависимость от мнения других лиц (желание подражать другим лицам, модным тенденциям, полное подчинение групповым нормам);

— нервно-психические аномалии у несовершеннолетних преступников встречаются чаще, чем у их законопослушных сверстников (некоторые авторы даже указывают на корреляцию отдельных психических отклонений с типом преступного поведения)[1].

[1] См.: *Белокобыльская Т. К., Голумб Ц. А.* Несовершеннолетние преступники с психическими аномалиями и проблемы ранней профилактики преступлений несовершеннолетних // Вестник Московского университета. 1980. №2. С. 74—82 ; *Горьковая И. А.* Психические аномалии и противоправное поведение несовершеннолетних // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Психология. С. 178—191. EDN: KVWVPP.

С позиции ситуационного подхода внешней причиной совершения преступления несовершеннолетним лицом или молодым взрослым может стать ситуация безнадзорности — определенный период времени (достаточно часто он растянут во времени и может занимать несколько лет), когда за ним не осуществляется надзор со стороны родителей, опекунов, образовательного учреждения, старших коллег по работе. Такие ситуации достаточно часто перерастают из предкриминальной в криминальную.

Предкриминальное поведение включает в себя праздное времяпровождение, когда подросток или молодой взрослый не посещает занятия, не работает, проводит большое количество времени на улице или дома. Для лиц как женского, так и мужского пола на сегодняшний день — это и ранее начало половой жизни, беспорядочные половые связи, которые приводят сначала к девиантному поведению, а затем к совершению преступления (мелким кражам в супермаркетах, мелкому хулиганству, случаям вымогательства денег у младших). Ситуация безнадзорности имеет следующие этапы.

1. Этап формирования предкриминальной ситуации безнадзорности.

2. Этап становления криминальной ситуации вида преступного поведения.

3. Этап перехода предкриминальной ситуации определенного вида в криминальную ситуацию.

К внутренним причинам возникновения ситуации безнадзорности относится отсутствие контроля или неспособность родителей, воспитателей осуществлять функцию по воспитанию подростка, желание самого несовершеннолетнего вырваться из-под опеки семьи, стать самостоятельным.

К внутренним условиям со стороны несовершеннолетних можно отнести физическую недоразвитость или, наоборот, преобладание физического развития над эмоциональным и психическим, задержку психического развития, неспособность к рефлексии своего поведения, к оценке его со стороны.

К внутренним условиям со стороны взрослых могут быть отнесены: достаточно высокий уровень дохода семьи, наличие материального достатка, когда семья внешне кажется вполне благополучной; в некоторых случаях родители могут занимать руководящие посты, преуспевать в бизнесе, но не иметь времени или желания воспитывать подростка, не находить с ним психологического контакта и взаимопонимания. В современных семьях все чаще один родитель воспитывает ребенка, не имея для этого достаточно времени и возможностей ввиду высокой нагрузки на работе; это становится большой проблемой, особенно в крупных агломерациях и городах.

Таким образом, подводя итог изучения концептуальных вопросов, касающиеся таких дефиниций, как молодежь, молодежная преступность и преступность несовершеннолетних, можно отметить, что такого определения, как «молодежная преступность», нет в законодательстве РФ. Анализ учебной и монографической литературы позволил сделать вывод о том, что *молодежная преступность* представляет собой группу преступлений, совершенных лицами молодого возраста; основным признаком данной категории преступлений является возраст; молодежная преступность включает в себя преступления несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и преступления молодых взрослых (молодежи) от 18 до 35 лет.

Проведенный анализ статистики, следственной и судебной практики показал, что основными видами молодежной преступности являются насильственные преступления; преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; ненасильственные преступления, чаще всего корыстной направленности.

Можно сделать вывод и о том, что молодежная преступность с каждым годом приобретает все более латентный характер. Думается, что решение данной проблемы должно лежать в плоскости не только семьи и системы образования, но и деятельности правоохранительных органов и правовой политики государства. Предлагается введение строгих ограничений на участие прессы в освещении событий преступления, совер-

шенного с участием несовершеннолетних или в отношении данных лиц, и подробностей расследования данной категории преступлений. Кроме того, нуждается в реформировании и работа органов предварительного расследования. В частности, необходимо обеспечение конфиденциальности при проведении вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних.

При анализе основных аспектов молодежной преступности был сделан акцент на культурологический аспект в исследовании молодежной преступности, что позволило прийти к выводам о том, что на возникновение молодежной преступности оказывают влияние такие факторы, как массовая культура; массмедиа; религия; художественная литература; этническая культура; криминальная субкультура, но они являются лишь инструментами для формирования мировоззрения молодого поколения.

С позиции ситуационного подхода были рассмотрены причины преступности молодых взрослых и несовершеннолетних; эти причины можно дифференцировать на внутренние и внешние. Выделена ситуация безнадзорности как одна из основных внешних причин преступности молодежи, которая проходит ряд этапов, прежде чем перерасти в криминальную ситуацию: этап формирования предкриминальной ситуации безнадзорности; этап становления криминальной ситуации вида преступного поведения; этап перехода предкриминальной ситуации определенного вида в криминальную ситуацию.

1.3. Современные молодежные насильственные преступления: виды, психологическая природа и криминалистические особенности

На протяжении многих лет ученые проводят исследования сущности и своеобразия различных форм проявления насилия в философском, криминологическом, уголовном, семейном,

социальном аспектах. Изучение насильственных преступлений в молодежной среде представляет высокую актуальность в современном обществе, поскольку молодежь, как наиболее активная часть общества, подвержена различным воздействиям, в том числе негативным, которые могут сказаться на ее поведении и совершении преступлений.

За последние десять лет молодое поколение существенно изменилось, произошла и серьезная трансформация девиантного поведения молодых людей, отражающая меняющееся время. Появление и стремительное распространение новых форм насилия требуют соответствующего системного научного их исследования с целью разработки системы криминалистического противодействия, включающего в себя и профилактические меры.

Предварительно рассмотрим само понятие насилия и выделим его характерные особенности. Насилие можно определить как применение или угрозу применения силы (физической, психологической, экономической и т. д.) с целью причинения вреда, подчинения, принуждения, контроля или унижения другого лица, группы лиц, а также ущемления их прав и свобод. Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что насилие может быть как реальным (избиение), так и потенциальным (угроза избиением). Для насилия всегда характерно применение силы, однако следует учесть, что в широком понимании сила — это не только физическое воздействие, но и другие формы давления, например психологические. Насилие всегда целенаправленно. Его цель — навязать свою волю, контролировать, причинить страдания или утвердить власть. Результатом насилия является ущемление прав жертвы на безопасность, достоинство, автономию и личную неприкосновенность.

Выделим особенности традиционного понимания насилия, которые характеризуют его как особо разрушительное социальное явление.

Во-первых, насилие почти всегда происходит в условиях неравенства социальных отношений: сильный против слабого, взрослый против ребенка, начальник против подчиненного, вооруженный против безоружного. Это неравенство отношений, по сути дела, лишает жертву возможности эффективно защититься.

Во-вторых, насилие часто используется как некий инструмент для достижения определенных целей, в качестве которых можно выделить такие, как принуждение к определенным действиям или, наоборот, бездействию; подавление сопротивления; установление и поддержание контроля и власти; устранение противника и т. д.

В-третьих, насилие наносит различного рода ущерб. Проявлением физического ущерба являются травмы, увечья, смерть. Психологический ущерб выражается в чувстве страха, тревоги, стыда, депрессии, посттравматическом стрессовом расстройстве или в потере жертвой самооценки. Социальный ущерб проявляется в разрушении социальных связей, изоляции жертвы, деградации общественных норм.

В-четвертых, для некоторых видов насилия, особенно в семье или определенных субкультурах, оно воспринимается и агрессором, и жертвой как некая «норма», «традиция» или даже один из методов воспитания. Это в итоге часто приводит к его латентности — некоторые акты насилия, особенно психологического и экономического, не всегда фиксируются и даже не признаются таковыми ни жертвой, ни агрессором. Для межличностных отношений, например в случаях домашнего насилия, часто наблюдается его цикличность. Так, Ленор Уокер описывает его циклы так: первая фаза — рост напряжения в отношениях, вторая фаза — активный акт проявления насилия, то есть сам инцидент, а в третьей фазе происходит раскаяние агрессора, следуют его извинения и даже подарки жертве. Причем такие фазы происходят циклично, каждый раз усиливаясь[1].

[1] См.: *Lenore E. A.*, *Walker.* The Battered Woman Syndrome, Third Edition (Focus on Women) EdD. Harper & Row, 1979.

Причем следует отметить, что при исследовании насилия необходимо учитывать национальные и культурные аспекты. В разных культурах границы допустимого насилия сильно различаются. То, что в одном обществе считается жестокостью, в другом может восприниматься как норма. Нельзя недооценивать влияние на общественное и индивидуальное сознание средств массовой информации и культуры: фильмы, видеоигры, новости, наполненные сценами насилия, могут способствовать его нормализации и десенсибилизации в обществе. Насилие также может быть частью ритуала или способом защиты «территории» различных неформальных групп, среди которых можно назвать такие, как спортивные фанаты, ультрас, АУЕ-сообщества, радикальные политизированные группировки и др.[1]

Проявление насилия среди молодежи имеет ряд психологических особенностей, существенно отличающих его от насилия среди взрослых людей. Расследование насилия в молодежной среде требует от следователя не только знания уголовного права и криминалистики, но и особенностей подростковой психологии, понимания специфики молодежных субкультур. Так, молодые люди совершают насилие чаще в группе, подвергаясь так называемому «стадному инстинкту», эффекту толпы. Молодежь подвержена влиянию агрессивных субкультур, закрытых онлайн-сообществ, в которых культивируются насилие, ксенофобия и жестокость. Причем в ряде ситуаций агрессия используется как инструмент для установления и поддержания иерархии в коллективе, повышения ли-

[1] См.: *Авакьян А. В., Волчецкая Т. С. и др.* Криминалистическое противодействие современным угрозам в сфере экстремизма и терроризма и пути их нейтрализации // Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминалистическое противодействие и профилактика. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 73—138. EDN: YTQWQS.

дерами групп собственного статуса, подчинения себе более слабых. Жестокость среди молодежи и подростков часто воспринимается как норма, как некая игра, последствия своих действий подростки часто не осознают в полной мере из-за не сформированной у них в полной мере эмоционально-волевой сферы и эмпатии. Целью проявления насилия у подростков довольно часто является не только причинение физической боли, а именно публичное унижение жертвы путем ее морального подавления. Причем сам факт насилия с издевательствами очень часто записывается на телефон, а впоследствии видео с этими сценами мгновенно размещаются в социальных сетях и становятся достоянием общественности, тем самым усугубляя психологическую травму жертвы. Еще одна особенность молодежного насилия состоит в следующем: в силу того, что у современных молодых людей практически стерта граница между виртуальным и реальным миром, то, к примеру, оскорбления и угрозы в сети «Интернет» (так называемый кибербуллинг) нередко легко перерастает в реальные столкновения.

С позиций психологии насилие — это не просто физический акт, а любое умышленное действие, направленное на установление власти и контроля над другим человеком, причиняющее ему физический или психологический вред[1]. В связи с этим важно указать, что насилие — это действительно сложная концепция. Под насилием понимается использование силы или угрозы силы, что может привести к травме, ущербу или даже смерти. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет насилие как преднамеренное и умышленное применение физической силы или власти в форме реального действия либо угрозы, направленных против себя, другого лица, группы лиц или общности. Результатом таких действий могут

[1] См.: *Ильин Е. П.* Насилие как психологический феномен // Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167—173. EDN: QIVSLZ.

быть телесные повреждения, смерть, психологическая травма, задержка в развитии или различного рода ущерб[1]. Следует отметить, что в этом определении подчеркивается умысел, преднамеренность.

Насилие никогда не возникает на пустом месте, а его причины кроются в сложном переплетении факторов на разных уровнях[2].

Так, на индивидуально-личностном уровне (микроуровне) к причинам насилия можно отнести низкую самооценку и неуверенность молодого человека, для которого насилие становится способом самоутверждения, компенсации чувства неполноценности и демонстрации мнимой силы. Также в качестве других причин можно назвать неспособность лица противостоять сиюминутным порывам и просчитывать последствия своих действий, дефицит эмпатии: неспособность сопереживать жертве, ставить себя на ее место. Жертва воспринимается как объект, а не как живой человек с чувствами. Внутренние конфликты и психологические травмы, пережитые в детстве, которые происходили либо в семье, либо в школе, могут в ряде случаев привести к тому, что у лиц, совершающих такие преступления, агрессия становится привычным способом реагирования на стресс.

На среднем уровне причинами насилия являются факторы, которые мы отнесем к социально-групповым. В их числе можно назвать: семейное неблагополучие, отсутствие внимания и поддержки со стороны родителей, влияние или буллинг группы сверстников. В группе снижается чувство личной ответственности, действует так называемый «эффект толпы», который проявляется в виде стремления «быть как все», подчинения лидеру, боязни самому стать жертвой.

---

[1] См.: *Всемирный* доклад о насилии и здоровье. ВОЗ. 2002. Женева. С. 5. URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/9241545615.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

[2] См.: *Тюменев А. В., Соколова Е. А.* Теоретико-методологическое обоснование уровней насилия в виоленсологии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 11. С. 30—36. EDN: YAUNPK.

На макроуровне причинами насилия выступают социально-культурные факторы, среди которых можно назвать культ силы и агрессии в СМИ, кино и видеоиграх. Постоянное наблюдение сцен насилия может снизить чувствительность к чужой боли и создать иллюзию, что насилие — это эффективный и быстрый способ достижения цели. На этом же уровне проявляется влияние субкультур и интернет-среды, где могут пропагандироваться ненависть, ксенофобия, радикальные идеи. Одной из причин можно назвать также социальное неравенство и ощущение несправедливости. У молодых людей из маргинальных групп может накапливаться фрустрация и гнев на общество, который выливается в агрессивное поведение.

В литературе представлены различные классификации насилия. Рассмотрим с позиций исследования молодежной преступности основные виды и формы насилия и проанализируем их психологические механизмы. Классифицировать насилие можно по ряду оснований; большинство авторов выделяют его виды по объекту и по характеру воздействия, а формы насилия — по способу их реализации[1].

По объекту можно выделить: насилие против личности; насилие против отдельных социальных групп, к которому носятся геноцид, этнические чистки; насилие против животных; насилие против собственности. По субъекту-исполнителю выделяется индивидуальное насилие, которое совершается одним человеком против другого, и групповое насилие, совершаемое группой лиц.

[1] См., например: *Ильин Е.П.* Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. №1. С. 167—174. EDN: QIVSLZ ; *Понятие*, причины, формы и виды насилия — определение в психологии. Последствия насилия у взрослых. Профилактика и реабилитация. URL: https://psychologist.tips (дата обращения: 15.06.2025) ; *Старков О.В., Тюменев А.В.* Криминовиоленсология (учение о криминальном насилии). М. : Юрлитинформ, 2012 ; *Щербакова О.В.* К вопросу о понятии психологического насилия (моббинга): социально-психологический и трудоправовой аспекты // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2018. №4. С. 118—123 и др.

По сфере применения основными видами насилия в молодежной среде можно считать физическое (воздействие на жертву с целью причинения физического вреда, выражающееся в нанесении увечий, тяжких телесных повреждений, побоев и т. п.) и психическое (нанесение вреда психическому здоровью человека, проявляющееся в оскорблениях, запугивании и т. д.). Как особый вид также выделяют сексуальное насилие, к которому относятся действия сексуального характера (изнасилование, принуждение к сексу, домогательства и др.), на которые не было получено добровольного и осознанного согласия[1].

Еще один вид — экономическое насилие, оно проявляется в контроле агрессора над финансовыми ресурсами жертвы, лишении ее средств к существованию, присвоении себе доходов жертвы[2].

Рассмотрим подробно каждый из названных видов насилия и присущие ему формы. Так, довольно распространенным видом насилия в современной молодежной среде является психическое, или, как его еще называют, эмоциональное насилие, выражающееся в воздействии на психику, вызывающее эмоциональное напряжение, унижающее человеческое достоинство. Цель психического насилия — понижение самооценки жертвы, формирование у нее чувства вины, зависимости и неполноценности. У молодых людей оно может проявляться в таких формах, как:

— угрозы и запугивание физической расправой или разглашением какой-то значимой для жертвы информации (например, ее тайн);

---

[1] См.: *Емельянова Ю. А.* Насильственные действия сексуального характера: особенности квалификации // Актуальные исследования. 2025. № 29 (264), ч. 2. С. 25—28. URL: https://apni.ru/article/12698-nasilstvennye-dejstviya-seksualnogo-haraktera-osobennosti-kvalifikacii (дата обращения: 17.06.2025). EDN: WGUVNN.

[2] См.: *Нигматуллин М. Р.* Экономическое насилие в семье в современном обществе: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 756—759. EDN: FPAYLH.

— издевательства и насмешки над социальным положением, внешностью или умственными способностями жертвы, ее манерой говорить.

В ряде ситуаций проявляется вербальная агрессия в виде различного рода унижений и оскорблений, угрозы в адрес жертвы, детей, животных, постоянной критике. В ряде случаев оскорбления могут подаваться в виде уничижительной шутки или сарказма, а когда жертва обижается, ее начинают обвинять в отсутствии чувства юмора; в виде социальной изоляции жертвы от коллектива, близких и друзей, контроля ее общения; как бойкот и изоляция жертвы («игнор»), в виде распространения слухов, чтобы сделать человека изгоем; использование молчания одного человека или целого коллектива в качестве наказания. Это также может выражаться в виде контроля в социальных сетях: требование паролей, проверка переписок, указание того, что можно и нельзя публиковать, кому можно, а кому нельзя ставить «лайки».

К основным видам современного психологического насилия можно отнести такие, как негативный нейминг, газлайтинг, сталкинг, секстинг, груминг, доксинг, финансовое насилие и ряд других. Рассмотрим основные из них.

Негативный нейминг. Мы полагаем, что в психологическом насилии можно выделить так называемый негативный нейминг, подразумевая под ним манипулятивную технику, при которой абьюзер систематически называет жертву уничижительно, дает ей какие-то унизительные характеристики или придумывает обидные прозвища, которые постепенно становятся для жертвы «вторым именем». При этою абьюзер представляет ярлыки как некую правду или как реальную объективную оценку жертвы, используя самые разные формы неймнга.

Например, это может выражаться в таких оскорблениях: «Ты толстая и страшная», «Ты эгоистка и всегда думаешь только о себе», «В жизни ты реально беспомощна и абсолютно ничего не можешь сделать без меня».

Для нейминга, по нашему мнению, характерно использование абьюзером некой маски справедливости и заботы: «Я тебе это как лучший друг говорю», — а дальше следует унижение; или: «Я просто сказала тебе все это честно, чтобы ты могла поработать над собой».

Газлайтинг. В современной психологии выделяют и такие формы психологического насилия, распространенного среди молодежи, как газлайтинг и сталкинг.

Газлайтинг — это форма психологического насилия и манипуляций, цель которых — заставить жертву усомниться в адекватности своего восприятия реальности, в своей памяти, чувств и, в конечном счете, в собственном рассудке. Смысл и суть газлайтинга состоит не в какой-то фрагментарной или одномоментной лжи, а в систематическом долгосрочном процессе. Манипулятор (газлайтер) стремится не только обмануть, но и подорвать веру жертвы в себя, чтобы получить над ней полный контроль.

Можно выделить несколько видов тактик, используемых газлайтерами. Например, тактика отрицания очевидного, при использовании которой манипулятор категорически отрицает факты или события, которые произошли на самом деле, даже в тех случаях, когда им есть реальные доказательства.

Еще одной тактикой газлайтера является «тактика искажения информации»: он перевирает, по-своему интерпретирует прошлые разговоры или события, приписывая жертве слова или поступки, которых не было.

Может иметь место тактика «дискредитации чувств», когда в ответ на проявленные жертвой эмоции (обиду, злость, грусть) манипулятор говорит: «Ты слишком остро все воспринимаешь», «Тебе это показалось» или «Я просто пошутил, а ты не понимаешь юмора».

Еще один вариант — создание иллюзии «неадекватности» жертвы: газлайтер утверждает, что у его жертвы есть определенные проблемы с памятью: «Ты все забываешь», «Ты сходишь с ума» или «Да тебе просто необходима моя помощь».

Довольно часто при газлайтинге происходит перекладывание вины, когда любую проблему или конфликт манипулятор превращает в вину жертвы. И даже тогда, когда жертва конкретно указывает на его ошибку, он отвечает: «Да это же ты виновата, ты же сама меня довела своим поведением».

В результате подобных действий жертва газлайтинга теряет почву под ногами, перестает доверять своим ощущениям и попадает в зависимость от манипулятора, что вызывает у нее сильный стресс, тревожность, депрессию и потерю самооценки.

Сталкинг. Психологическими насильственными действиями можно считать сталкинг, то есть систематическую, навязчивую и нежелательную слежку за человеком, нередко осуществляемую с использованием цифровых технологий. Это действие обычно переходит границы простого интереса и вызывает у жертвы обоснованный страх.

Сталкинг реализуется в таких действиях, как, например, физическое преследование: следование за жертвой пешком или на автомобиле, появление в одних и тех же местах (у работы, дома, в спортзале, в кафе). Это могут быть также нежелательные звонки с угрозами и т. д.

В последнее время широкое распространение получил киберсталкинг, проявляющийся в виде отправки оскорбительных сообщений через социальные сети, мессенджеры, электронную почту, взлом аккаунтов с целью получения доступа к почте, социальным сетям, банковским счетам жертвы, отслеживание местоположения жертвы через приложения или фотографии. Он также может также быть реализован в виде создания профилей от имени жертвы для нанесения ущерба ее репутации или для получения информации о ней. Преступник собирает информацию о своей жертве из соцсетей, геотегов, данных о покупках, чтобы создать полную картину жизни жертвы.

Говоря о личности сталкера, отметим, что им может быть кто угодно: бывший партнер (это самый частый случай), знакомый, одноклассник или однокурсник, а также совершенно

незнакомый человек. Мотивация может быть разной: от неразделенной любви, мести и чувства собственности до патологической одержимости и психических расстройств.

При этом жертва не чувствует себя в безопасности нигде, так как преследователь может достучаться до нее через электронную почту, мессенджеры, соцсети, поддельные аккаунты.

Стоит заметить, что с учетом того, что сталкинг в фильмах и книгах часто романтизируют, некоторые жертвы не всегда верно оценивают ситуацию и не понимают, что сталкинг — это не любовь и не романтика, а реальная форма психологического насилия. Анализ материалов уголовных дел показывает, что сталкинг может начаться с невинных СМС-сообщений, а затем перерасти в физическое насилие или даже убийство.

Отдельной статьи за сталкинг в УК РФ не предусмотрено, конкретные действия преследователя в зависимости от их характера квалифицируют по другим статьям[1]: например, предусматривающим ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни — ст. 137 УК РФ.

Если киберсталкер, получив компрометирующие данные, интимные фото, переписки, требует под угрозой их распространения деньги, имущество или какие-либо действия, он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 163 УК РФ «Вымогательство».

Если преследователь в сообщениях, письмах или комментариях прямо угрожает убить или причинить тяжкий вред здоровью, а у жертвы есть основания опасаться осуществления этой угрозы, то его действия могут быть квалифицированы по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»[2].

---

[1] См. подробнее: *Корнилова Т. В., Емельянова Ж. Э.* Ответственность за сталкинг (преследование) в России и за рубежом // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. №3 (37). С. 100—106.

[2] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сексуальное насилие. Сексуальное насилие проявляется в виде изнасилования или принуждения к развратным действиям, сексу и опасно тем, что оно реализуется не только в самом физическом акте, но и в нарушении личных границ потерпевшего и его права распоряжаться своим телом. Такой вид насилия впоследствии вызывает у жертвы глубокие психологические травмы и чувство стыда на долгие годы.

Сексуальное насилие может исходить как от сверстников, так и от взрослых (тренеров, преподавателей). Часто это насилие долгое время может оставаться латентным, замалчиваться из-за стыда, страха или непонимания со стороны жертвы.

Секстинг. Также в молодежной среде, особенно на сайтах знакомств, достаточно распространен секстинг, то есть виртуальный секс по переписке, последствием которого может стать еще одни вид психодогического насилия — «сексинг без согласия». К этому виду насилия относится распространение в сети «Интернет» интимных фото или видео человека[1].

Финансовое насилие. Цель такого насилия — сделать жертву финансово зависимой и лишить ее возможности жить самостоятельно. Проявляется оно в виде тотального контроля над финансами, запрета работать, отъема у жертвы ее денег, выделение ей скудных сумм исключительно на карманные расходы.

В молодежной среде насилие редко проявляется в одной форме, чаще различные его виды переплетаются и комбинируются.

Следует отметить, что указанные виды психологического насилия, проявляемые как в реальной жизни, так и онлайн, сегодня нередко перерастают в физическое насилие офлайн. Желание отомстить обидчику или хейтеру становится мотивом для преступления.

[1] См. об этом: *Туркулец В. А.* Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 1—11. EDN: QGEBEL.

Теперь проанализируем наиболее традиционный вид насилия — физическое насилие, цель которого — демонстрация агрессором своей силы, запугивание, принуждение к послушанию. Выражается оно в побоях, причинении физических страданий. Жертва при этом чувствует физическую уязвимость и постоянный страх. Физическое насилие также проявляется в толчках или пинках жертвы, пощечинах, в нанесении ран, закрывании в помещении, в принуждении к употреблению вредных или запрещенных веществ. Насилие может совершаться одним человеком, тогда оно называется индивидуальным, или группой, когда имеет место групповое насилие.

Рассмотрим, каковы особенности проявления физического насилия в молодежной среде. Вопросы преступности несовершеннолетних и молодежи в уголовно-правовой и криминологической науке выступали предметом научных исследований многих авторов. Необходимо при этом указать, что большинство исследований были сконцентрированы на отдельных аспектах либо посвящены только несовершеннолетним. К числу занимавшихся изучением непосредственно молодежной преступности — с отмежеванием данного явления от преступности несовершеннолетних — можно отнести М. М. Бабаева, Н. И. Ветрова, М. С. Крутера, А. В. Петровского и Н. А. Подольного и других авторов.

Насилие в молодежной среде имеет свои особенности. Крайней формой такого насилия является молодежное насильственное преступление, то есть предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность или личную свободу человека, совершенное лицом (или группой лиц) в возрасте от 14 до 29 лет.

Типовым субъектом такого преступления выступает молодой человек в возрасте 14—29 лет. Этот возрастной период характеризуется своими психофизиологическими особенностями: максимализмом, неустойчивой психикой, стремлением

к самоутверждению. Значительная часть таких преступлений совершается в группах, где действуют механизмы подражания и стадного инстинкта. Молодежные насильственные преступления в большинстве случаев носят немотивированный или малообоснованный, с точки зрения взрослого человека, характер. К примеру: «Он не так на меня посмотрел», «Я это сделал для уважения в компании», «Да просто так я это совершил, от скуки». Объектом посягательства становятся важнейшие социальные блага — жизнь, здоровье, свобода человека.

Виды молодежных насильственных преступлений можно выделить по самым различным основаниям: по объекту посягательства, по степени организованности, по мотивации и т. д. Наибольшее распространение получила классификация видов молодежных насильственных преступлений по объекту преступного посягательства.

Среди них можно назвать, в первую очередь, *преступления против жизни и здоровья*, к которым относятся следующие составы.

1. Убийство (ст. 105 УК РФ) — умышленное лишение жизни другого человека. Среди молодежи часто встречается на бытовой почве, из-за ревности, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также в рамках разборок криминальных группировок.

2. Причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) — умышленное нанесение травм, опасных для жизни или приведших к потере органов, функций и т. д. Мотивы схожи с убийством.

3. Побои (ст. 116 УК РФ) и истязание (ст. 117 УК РФ) — нанесение множественных ударов или иные насильственные действия, причиняющие физическую или психическую боль.

4. Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ).

Также молодежью совершаются и *преступления против свободы, чести и достоинства личности*, перечислим основные из них.

1. Похищение человека (ст. 126 УК РФ) — захват и перемещение человека с целью, например, выкупа или принуждения к чему-либо.

2. Незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) — удержание человека в каком-либо месте без его согласия.

В числе *преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности* следует назвать: изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

Наконец, в числе *преступлений против общественной безопасности и общественного порядка* молодежью совершаются следующие общественно-опасные насильственные деяния.

1. Хулиганство (ст. 213 УК РФ) — грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия или угрозой его применения. Классический пример молодежного насильственного преступления — хулиганство, часто совершаемое «для развлечения» или из желания продемонстрировать силу.

2. Вандализм (ст. 214 УК РФ) — осквернение зданий и сооружений, порча имущества в общественных местах. Хотя это не прямое насилие против человека, но акт агрессии против членов общества.

3. Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) — участие в насильственных действиях толпы, погромах, поджогах и т. д.

По форме и способу совершения мы выделим уличное и бытовое насилие. Уличное насилие совершается в общественных местах, таких, к примеру, как улицы, парки, подъезды. Подобные преступления часто носят ситуативный и непредсказуемый характер. А бытовое насилие совершается в семье или между знакомыми людьми, родственниками или соседями.

По уровню организованности насилие может быть случайным, то есть совершенным спонтанно, без предварительного плана. А может иметь место и ситуативное насилие, которое спровоцировано в результате неправильного разрешения конкретной конфликтной ситуации.

Стоит подчеркнуть, что ситуация в области преступного поведения молодежи в последние годы резко изменилась, что требует пересмотра научных рекомендаций, сформулированных в прошлом. За последние несколько лет в молодежной преступности также отмечаются серьезные неблагоприятные тенденции, которые проявляются в росте организованности, вооруженности, жестокости, а также в увеличении общественной опасности совершаемых преступлений. В структуре молодежной преступности превалируют насильственные и корыстно-насильственные преступления. Для физического насилия в молодежной среде характерно то, что большинство таких преступлений совершается в группах. Это создает эффект «стаи» и размывает личную ответственность каждого участника. К примеру, при допросе одного из соучастников он заявил следователю: «А что я? Почему сразу я виноват? Все били, и я бил».

Подростки часто присоединяются к насилию, чтобы не выделяться из группы, доказать свою «крутость» или избежать насмешек. То есть здесь наблюдается проявление так называемого «стадного инстинкта», при котором происходит конкретное снижение индивидуальной ответственности под влиянием социального давления, когда подростки демонстрируют свою принадлежность к группе.

Следует отметить повышенную жестокость и немотивированность преступников, когда преступления совершаются, как говорят следователи, «на ровном месте». Часто отсутствуют классические мотивы преступления, такие как месть, корысть, ревность. Поводом к насильственным действиям может стать случайный взгляд, «неправильная» одежда, неосторожное слово в сети. Это связано с неумением управлять эмоциями и с низким порогом толерантности. Также налицо избыточная агрессия молодых людей: избиение продолжается даже после того, как жертва обезврежена и не представляет угрозы, что являет собой демонстрацию силы и унижения, а не просто достижение цели. Анализ следственной практики показал, что

при совершении насилия имеет место широкое использование подручных средств: наряду с кулаками активно применяются камни, бутылки, арматура, травматическое оружие, тактические перчатки с утяжелением — «биты».

Еще одна характерная черта современного насилия — это его организация через социальные сети и мессенджеры, в которых группы создаются для целенаправленной травли, избиения или «разборок». Координация происходит в закрытых чатах Telegram, WhatsApp[1] и других там же реализуется и планирование их деятельности, что впоследствии несколько усложняет работу правоохранительных органов. Многие сцены насилия нередко записываются преступниками на видео, причем у них имеется желание снять как можно более жестокие сцены, чтобы получить потом одобрение в социальных сетях. Само насилие становится перформансом, а его демонстрация — целью, а это обесценивает страдания жертвы. Мы полагаем, что такой эффект «ради лайков» психологически обусловлен влиянием деструктивного контента, то есть тем, что в сети «Интернет» сегодня имеется свободный доступ к сценам насилия, пропаганде агрессивных субкультур, например, скулшутинга иных радикальных идеологий[2].

Заметим, что сегодня влияние цифровой среды и интернет-коммуникации весьма значительно: в молодежной среде появились авторитетные в сети лица и «заказные» разборки. Такие «авторитеты» могут через соцсети «заказать» не только травлю, но и избиение человека, спровоцировать конфликт, хотя их авторитет строится не на личных качествах, а на количестве подписчиков и скандальной известности.

---

[1] Мессенджер *WhatsApp* принадлежит компании Meta, внесенной в реестр экстремистских организаций Министерством юстиции РФ.

[2] См.: *Волчецкая Т. С.* Криминалистические особенности насилия в образовательных учреждениях общего образования // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. М. : Изд-во МГУ, 2023. С. 164—167.

Современные молодежные насильственные преступления — это симптом глубоких проблем не только в самой молодежной среде, но и в обществе в целом. Они являются следствием существующего цифрового разрыва между поколениями, поскольку родители и педагоги не всегда понимают, а вследствие этого не способны контролировать онлайн-жизнь своих детей-подростков. Семья и школа не всегда могут дать адекватные нравственные ориентиры. Борьба с этим явлением требует не только ужесточения наказаний, но и комплексных мер: расширения программ профилактики, оптимизации работы школьных психологов, повышения медиаграмотности и уровня кибергигиены, вовлечения молодежи в просоциальную деятельность и, что самое главное, восстановления доверительных отношений внутри семьи.

Психологические и криминологические характеристики насилия имеют большое значение для разработки его криминалистических аспектов в целях создания криминалистической характеристики, а также методических и тактических аспектов выявления и расследования насильственных преступлений. Характерные особенности проявления различных форм насилия имеют криминалистическое значение в плане выдвижения версий, моделирования всех цепочек криминальной ситуации, ее этапов.

Так, при буллинге, который предшествует многим насильственным преступлениям, необходимо выявлять роль каждого из участников: агрессора, жертвы и наблюдателей.

Следует учитывать, что кибербуллинг, который осуществляется с использованием цифровых технологий через социальные сети и мессенджеры, оказывает особое влияние на жертву в силу его анонимности, круглосуточного доступа к информации и огромной аудитории[1].

[1] См. подробнее: *Авакьян М. В., Волчецкая Т. С., Осипова Е. В.* Актуальные вопросы распространения и профилактики современных форм насилия в молодежной среде стран Балтийского региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. №496. С. 191—200.

Другая форма насилия — групповые побои, которые в молодежной среде называют «разборки» или «стрелки», — происходит между подростковыми группировками, например из разных районов или школ. Они могут быть как спонтанными, так и заранее спланированными. Мотивация таких «разборок» — совершенно разная, но часто сводится к защите своей территории, мести, выяснению отношений.

Особняком стоит насилие в рамках деструктивных субкультур и групп, проявляемое со стороны радикальных националистических или политизированных группировок, которые выбирают своих жертв по национальному, религиозному или внешнему признаку.

Насилие в молодежных группах по месту учебы или работы можно разделить на вертикальное и горизонтальное. Вертикальное насилие исходит от старшего по положению, например преподавателя, а горизонтальное осуществляется между сверстниками. К этому виду насилия можно отнести широко известную *дедовщину* в армии, или военных учебных заведениях[1].

Говоря о лицах, совершающих молодежные насильственные преступления, отметим следующее. В первую очередь, это «омоложение» насильственной преступности: анализ следственной практики позволил выявить активное участие в насильственных преступлениях лиц 14—16 лет и даже младше. Полагаем, что это связано с более ранним физическим и информационным взрослением детей при их психологической незрелости.

Можно выделить также ряд характерных социально-психологических особенности молодых преступников, совершаю-

[1] См.: *Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Осипова Е. В.* Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. №4. С. 11—17. EDN: AZLVBG.

щих насильственные преступления. Так, для них характерен низкий уровень эмпатии, неспособность сопереживать чужой боли, ставить себя на место жертвы. У таких лиц, как правило, имеются проблемы с самоидентификацией и поиском статуса. В условиях кризиса традиционных институтов — семьи и школы — подростки ищут признания в асоциальных группах, где свой статус они пытаются доказать через жестокость. В современном обществе сегодня происходит деформация системы ценностей, для многих в цене сейчас культ силы, быстрого обогащения, пренебрежение по отношению к закону.

Проанализируем психологический портрет лиц, применяющих те или иные формы психологического насилия (абьюзеров). Абьюзер[1] — это человек, который систематически совершает психологическое, физическое, экономическое или сексуальное насилие над другим человеком, в качестве которого может выступать одноклассник, сокурсник, сожитель, супруг, партнер, ребенок или другие люди. Абьюзер может непредсказуемо проявлять вспышки гнева и агрессии, кричать, бить кулаком по столу, ломать предметы, его настроение может резко меняться, и жертва постоянно живет в страхе, боясь его спровоцировать. Причем такие действия являются не случайным срывом, а именно моделью поведения, которая повторяется систематически и направлена на установление власти и контроля над жертвой.

Абьюз — это всегда форма токсичного взаимодействия, которое встречается в разных типах отношений. Внешне такие люди, как правило, не производят отрицательного впечатления, а иногда бывают даже харизматичны и обаятельны. Но для подавляющего большинства из них характерно неумение брать ответственность за свои действия. Они винят в своем поведении кого угодно и что угодно: жертву, обстоятельства, алкоголь. Так, обвиняемый по одному уголовному делу в систематических побоях своей сожительницы был уверен, что

[1] Абьюзер от английского *abuser* — обидчик, мучитель.

поступал так именно потому, что «она сама его довела, поэтому сама и во всем виновата. Если бы она вела себя правильно, я бы не срывался и не избивал ее».

С учетом того, что большинство насильственных преступлений совершается в группе, в процессе их расследования с учетом психологических аспектов необходимо установить роль каждого из подозреваемых: кто являлся подстрекателем, кто организатором, кто был исполнителем насильственных действий, а кто из участвовавших в инциденте был лишь пассивным наблюдателем.

Психологические особенности личности потерпевшего от насильственных преступлений также имеют криминалистическое значение, поскольку они могут помочь следствию в выдвижении версий о мотиве и способе совершения преступления. Потерпевший часто является «белой вороной» в коллективе, имеет физические недостатки, иной социальный статус, нестандартную внешность и т. д. Изучение личности потерпевшего и его круга общения часто прямо указывает на возможных обидчиков.

Жертвы насилия имеют ситуативные психологические особенности[1], ими не рождаются, а становятся в результате систематического воздействия. Агрессор создает непредсказуемую среду: за одно и то же действие жертву могут то наказать, то похвалить. Вместе с тем все попытки жертвы сопротивляться или улучшить ситуацию терпят крах. И со временем у такого потерпевшего формируется стойкое убеждение, что в любом случае ничего в хорошую сторону не изменится, поэтому человек, переживая многократные неудачи, уже не пытается что-либо изменить.

[1] См.: *Волчецкая Т. С.* Новые подходы к изучению личности участников уголовного судопроизводства в системе современного развития криминалистической науки // Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития (к 85-летию со дня рождения профессора В. И. Комиссарова) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 46—50. EDN: DKKNTT.

В других ситуациях жертва, наоборот, начинает испытывать симпатию к агрессору, оправдывать его и связывать с ним свое выживание. В этом проявляется так называемый *стокгольмский синдром*, при котором жертва начинает испытывать эмоциональную привязанность, лояльность и даже солидарность со своим агрессором, который может быть террористом, захватчиком, насильником[1]. Проще говоря, это защитный механизм психики, при котором заложник в попытке выжить переходит на сторону того, кто угрожает его жизни.

Особенности насилия в молодежной среде коренятся в психологии возраста, где огромную роль играют группа, статус и поиск идентичности. Виды и формы насилия тесно переплетаются: например, буллинг почти всегда включает психологическое насилие, а затем может закономерно перейти в физическое или экономическое насилие.

Анализ материалов уголовных дел по насильственным преступлениям, совершенным молодыми людьми, позволил выделить ряд типовых мотивов совершения таких преступлений, не свойственных для взрослых людей. Так, одним из распространенных мотивов совершения групповых насильственных преступлений является самоутверждение в группе, стремление завоевать авторитет, доказать свою значимость и, как говорят молодые люди, «крутость». Это уже становится для следователя ключом к выявлению других участников группы. Также подобные преступления совершаются в поиске острых

[1] Название синдрома связано с делом об ограблении банка в Стокгольме (Швеция) в августе 1973 года. Двое вооруженных преступников взяли в заложники четырех сотрудников банка. Шесть дней, которые длилась осада, потрясли общественность: заложники начали активно сочувствовать своим захватчикам, боялись полиции, а после освобождения даже наняли им адвокатов и собирали деньги для защиты. Криминалист и психиатр Нильс Бейерот, который консультировал полицию во время этого инцидента, ввел в обиход термин «стокгольмский синдром».

ощущений, иногда «за компанию». То есть в мотивации молодых преступников вполне может отсутствовать корысть или месть, как это бывает у взрослых.

Имеет также место и насилие по признаку принадлежности к другой молодежной субкультуре, школе, району, по принципу «свой — чужой». Это позволяет следователю выдвигать версии о межгрупповых конфликтах. В других ситуациях на мотивацию насильников оказывают влияние социальные сети, мотивом может стать и желание создать «вирусный» контент, получить одобрение в интернете.

Молодежные насильственные преступления имеют также особенности в способе и обстановке их совершения, для которых характерны импульсивность и непродуманность, спонтанность действий, отсутствие тщательной подготовки. В результате чего преступники, как правило, не пытаются уничтожать традиционные материальные следы преступления, оставленные на месте происшествия, такие как следы рук, обуви, биологические следы и др. В качестве орудий преступления используются не ножи или огнестрельное оружие, а предметы обихода — сумки, бутылки, камни, ремни, а также собственная физическая сила — удары руками или ногами. Акты насилия часто совершаются в публичных местах (дворы, школы, парки) или записываются на видео для последующего выкладывания в сети «Интернет», что помогает расследованию таких преступлений.

Так, с одной стороны, это обусловливает фактическое наличие большого количества свидетелей, хотя практика показывает, что многие из них под разными предлогами не хотят давать показания из-за страха или по причине принятого в некоторых группах так называемого «закона молчания». С другой стороны, такие способы действия преступников позволяют получить вещественные доказательства — видеозаписи с камер наблюдения, из социальных сетей, а также из телефонов подозреваемых или свидетелей.

Следователю нужно учитывать и то, что молодые люди, совершающие насильственные преступления, традиционно

координируют свои действия через гаджеты. Например, члены преступной группы собираются для избиения своей жертвы по предварительному звонку или сообщению. Анализ метаданных и геолокации телефонов помогает установить место и время события, а также круг участников. Если в предкриминальной ситуации имеет место кибербуллинг, то есть конфликт начинался в сети «Интернет», а затем перерос в реальное насилие, то переписки в мессенджерах и соцсетях становятся важнейшим источником доказательств, особенно в ситуациях, когда в них отражены угрозы, план действий, обсуждение произошедшего.

Особенности обстановки и места совершения преступления определяют тактику осмотра места происшествия, а также специфику поиска доказательств и установление свидетелей. В большинстве ситуаций преступления совершаются на так называемой *своей* территории: в школьных дворах, заброшенных стройках, ночных клубах, то есть в местах, где подростки чувствуют себя хозяевами и контролируют ситуацию. Акты насилия часто приурочены ко времени окончания занятий, вечерним часам.

Следует учитывать то обстоятельство, что подростки часто скрывают факт насилия над ними от родителей и учителей из-за стыда или страха мести. Это приводит к запоздалому обращению в правоохранительные органы и утрате доказательств.

При расследовании молодежных насильственных преступлений также следует выделить особенности работы со следами и доказательствами. В таких преступлениях цифровые следы имеют довольно большое значение[1]. Необходимо как можно быстрее изъять у подозреваемых или свидетелей электронные носители информации (телефоны, планшеты и т. п.), еще до

[1] См. подробнее: *Волчецкая Т. С., Кот Е. А.* Криминалистический анализ использования интернет-ресурсов как места и средства побуждения несовершеннолетних к суициду // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 3—10. EDN: PKEGZL.

того, как информация из них будет удалена. Также следует оперативно извлечь удаленные сообщения, данные из мессенджеров, истории браузера, геолокационные данные. Традиционно изымается одежда и обувь подростков для выявления на них микрочастиц, а также микроследов биологических жидкостей (кровь, слюна), которые могут попасть туда при контакте, что особенно важно при расследовании группового избиения.

Современное общество сталкивается с рядом серьезных проблем, одной из которых является рост насильственной преступности в молодежной среде. Эта проблема видится весьма злободневной с точки зрения ее распространенности и включенности в социум. Ее изучение не только позволяет понять причины и выявить последствия названных преступлений, но и помогает разработать эффективные стратегии их предотвращения.

Расследование молодежных насильственных преступлений, требует от следователя знания основ подростковой психологии, понимания специфики молодежных субкультур и особенностей выявления, фиксации и изъятия виртуальных цифровых следов, тактики проведения следственных действий с учетом индивидуальных особенностей различных групп современной молодежи.

Изучение проблемы насилия в молодежной среде и путей ее решения — важный шаг к созданию более безопасного и гармоничного общества. Понимание причин, последствий и эффективных стратегий предотвращения этого явления поможет преодолеть вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня. В связи с этим важным аспектом видится межведомственное сотрудничество и социальное партнерство между общественными организациями, школами, полицией, семьей, медицинскими учреждениями и другими структурами для координации усилий и обмена опытом в области профилактики молодежной преступности.

Глава 2

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОДРОСТКАМИ И МОЛОДЕЖЬЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

2.1. Криминалистические особенности современных преступлений, совершаемых подростками и молодежью в сети «Интернет»

С появлением сети «Интернет» в жизни людей произошли глобальные изменения, поскольку это произвело фундаментальную революцию во многих сферах человеческой деятельности, прежде всего в различных видах коммуникаций. Н. К. Воронович в свое время справедливо подчеркнул особую роль интернета в развитии человечества, признавая создание сети отдельным пятым периодом технологического развития и прогресса, после научных достижений, связанных с энергетической революцией[1]. Современное общество сложно представить без широчайшего набора возможностей и функций, которые предоставляет сеть «Интернет». Сегодня цифровая среда и виртуальный мир играют значительную роль в жизни молодежи и подростков: социальные сети, онлайн-игры, видеохостинги и мессенджеры стали неотъемлемой частью их повседневности. Цифровая среда предоставляет подросткам возможности общаться с друзьями, делиться информацией, участвовать в онлайн-мероприятиях, виртуальный мир позволяет им самовыражаться, развивать свои увлечения и интересы, находить новых друзей и дает еще много других преимуществ.

[1] См.: *Воронович Н. К.* Интернет как угроза информационной безопасности России : дис. … канд. социол. наук. Краснодар, 2012. С. 31. EDN: QFWXTJ.

Однако существует и другая сторона воздействия цифровой среды на подростков. Они могут столкнуться с негативным влиянием онлайн-контента, с кибербуллингом, утратить контроль над временем, проведенным в интернете. Открытое информационное пространство предоставляет большие возможности и почву для реализации в нем также противоправных действий или действий, непосредственно ведущих к преступлениям. Навязывание модели потребительства и европейских ценностей, фейковые новости, попытки контроля мировоззрения, информационное психологическое воздействие, вербовка для противоправной деятельности — лишь незначительная часть негативного контента в сети «Интернет», представленного на различных сайтах и группах. Поэтому распространение всемирной сети «Интернет» обусловило также возникновение новых угроз и форм реализации преступной деятельности, связанной с распространением деструктивного контента, в том числе влияющего на нормальное психическое и эмоциональное состояние молодежи и подростков, вплоть до склонения их к самоубийству.

Заметим, что особенности современных преступлений, совершаемых в сети «Интернет», кардинально отличаются от традиционных преступлений из группы физического насилия, но бывают с ними неразрывно связаны. Их главная черта — это так называемый виртуально-физический дуализм: преступление начинается в цифровом пространстве, но его последствия реально и тяжело воздействуют на жертву в физическом мире.

При расследовании такого рода преступлений следователям необходимо знать и учитывать их криминологические, психологические и криминалистические особенности. Они, в первую очередь, находят свое отражение в отдельных элементах криминалистической характеристики преступлений, которые имеют большое значение при выдвижении следственных версий, а также при построении методики расследования отдельных видов насильственных преступлений, совершенных в сети «Интернет».

Во-первых, нужно выделить особенности способов совершения такого рода преступлений, которые имеют следующие общие черты. Буквально для всех преступлений в цифровой среде характерна опосредованность воздействия, поскольку преступник начинает с психического воздействия на жертву, используя для этого специфическое место — информационную или цифровую среду, а только затем может перейти к действиям в реальности.

Также следует выделить дистанционность и анонимность подобных деяний: преступник и потерпевший физически находятся на расстоянии, нередко в разных городах или даже странах. Преступник использует средства, позволяющие ему скрыть свою личность и сделать ее максимально анонимной; к таким средствам можно отнести VPN, анонимные браузеры, одноразовые аккаунты и др.

Необходимо отметить и такую особенность совершения преступлений в цифровой среде, как кросс-платформенность, когда преступник использует несколько мессенджеров и соцсетей одновременно, а также традиционное быстрое удаление им переписок и аккаунтов. Причем криминалистическое значение подобных действий заключается в том, что при расследовании преступлений это является фактором, затрудняющим установление личности преступника. В силу вышеобозначенных причин такие преступления носят трансграничный характер, они могут готовиться и совершаться из одной страны, в то время как серверы, через которые оно осуществляется, и сама жертва находятся в другой. Это также создает дополнительные сложности для правоохранительных органов. Работа с цифровыми следами требует применения специального программного обеспечения для изъятия, изучения и обеспечения сохранности доказательств.

Для таких преступлений характерна также массовость их распространения и репликация. Так, одно действие (например, публикация компрометирующего видео) может мгновенно стать достоянием миллионов людей, а затем быть скопирова-

но, переслано, размещено на другой платформе и т. д. А с учетом того, что материалы невозможно полностью удалить из сети, потерпевшему может быть причинен невосполнимый моральный вред.

Нельзя не отметить такую важную особенность насильственных преступлений в цифровой среде, имеющую большое криминалистическое значение, как специфику оставленных следов и характерный механизм следообразования. После таких преступлений в основном остаются цифровые, или, как их еще именуют, электронные следы[1], среди которых можно выделить следующие виды. Это IP-адреса и MAC-адреса, лог-файлы серверов, почтовых служб, мессенджеров. Также следами являются и разного рода метаданные файлов, в которых хранятся фото, видео, текстовые документы, содержащие информацию о времени их создания, устройстве, авторе, геолокации и т. д. Криминалистически значимую информацию могут дать переписки в мессенджерах, социальных сетях, сообщения из электронной почты подозреваемого или потерпевшего, история их браузеров, поисковых запросов, сделанные ими скриншоты, записи стримов.

Следует отметить и то, что следы, как правило, бывают рассредоточены по множеству устройств и серверов: устройство жертвы, устройство преступника, промежуточные серверы провайдеров, серверы социальных сетей и мессенджеров, которые преимущественно расположены за рубежом. В процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных в цифровой среде, нужно учитывать такие свойства следов, как их нестабильность и латентность. Цифровые следы могут быть легко уничтожены, изменены или зашифрованы самим преступником. Многие следы носят латентный характер, поэтому для их обнаружения и изъятия требуются специальные технические средства и соответствующие специальные знания.

[1] См., например: *Иванов В. Ю.* К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность / Nota bene. 2020. № 3. С. 64—71. EDN: ABTDRY.

Лица, совершающие преступления в цифровой среде, также имеют свои типовые особенности. Они часто демонстрирует черты социопатии, чувства собственной безнаказанности, могут иметь комплекс неполноценности, который компенсируют в виртуальном пространстве. Преступные деяния могут совершаться не одним человеком, а в группе, это характерно, к примеру, для буллинга, в котором нередко участвуют организованные троллинговые команды.

Мотивы совершения преступлений в сети «Интернет» могут быть самыми разными — от мести, зависти, корысти, шантажа до желания самоутвердиться и получения удовлетворения от причинения страданий другим людям.

Методика и тактика расследования таких преступлений также имеют свою специфику. Здесь возрастает роль первоначальных неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. После допроса потерпевшего необходимо как можно быстрее наложить ареста на аккаунты, получить лог-файлы у провайдеров, пока информация не была удалена. В ряде ситуаций возникает необходимость в международном сотрудничестве для получения информации от зарубежных интернет-компаний через каналы Интерпола и на основе двусторонних соглашений.

Особую роль играет эффективность взаимодействия следователя с соответствующими оперативно-розыскными подразделениями, которые могут помочь в реализации сетевого наблюдения, проведении оперативных экспериментов, коммуникации с администрациями социальных платформ.

При расследовании молодежных насильственных преступлений в сети «Интернет» возрастает значение использования специальных знаний, которое выражается в том, что, помимо привлечения специалистов и назначения соответствующих экспертиз, следователи и оперативные работники должны и сами знать основы компьютерной лингвистики, сетевых технологий, криминалистического анализа цифровых устройств.

Свою специфику имеет и допрос потерпевших, к которому надо особо готовиться, нередко привлекая к этому психолога. При совершении преступлений в дистанционном формате потерпевшему причиняется моральный психологический вред, что гораздо сложнее доказать, чем реально причиненный физический вред в виде телесных повреждений при совершении контактных насильственных преступлений. Необходимо также иметь в виду и то обстоятельство, что процесс расследования может усугубить страдания потерпевшего, вынуждая его повторно переживать произошедшее при даче показаний и проведении судебно-психологических экспертиз.

Современные преступления, совершаемые в сети «Интернет», редко связаны с физическим насилием «здесь и сейчас», но они нацелены на психологическое, финансовое и социальное благополучие жертвы, а также могут быть напрямую связаны с угрозой физической расправы.

Можно выделить основные виды современных насильственных преступлений, а также действия, напрямую связанные с ними, совершаемые подростками и молодежью в сети «Интернет». К ним, в первую очередь, следует отнести кибербуллинг, который может быть реализован в виде таких действий, как киберсталкинг, публикация компрометирующих материалов, создание фейковых страниц от имени потерпевшего, а также троллинг с целью причинения морального вреда. Кибербуллинг может быть связан и с вымогательством денег под угрозой насилия или распространения компрометирующей информации.

Преступления на почве ненависти сегодня совершаются и в виртуальном пространстве: это угрозы и травля по признаку расы, религии, национальности, организация и координация атак на почве ненависти. Нередко через сеть «Интернет» реализуются угрозы расправы в виде прямых угроз жизни и здоровью либо анонсирования насильственных действий, например скулшутинга.

К таким преступлениям относятся также: вовлечение молодежи в совершение противоправной деятельности через, например, вербовку в экстремистские или террористические организации; распространение инструкций по совершению насильственных действий; вовлечение подростков в деструктивные группы смерти или квесты, в которых происходит склонение к суициду.

Имеет место и проявление сексуального насилия в сети в виде установления доверительных отношений с несовершеннолетним для последующего сексуального использования, шантажа интимными материалами и ряда других преступлений.

Процессы, происходящие в информационно-коммуникационной среде, меняют взгляд на привычные СМИ, содействуя появлению новых форматов вещания и способов коммуникации с аудиторией. Одна из подобных форм взаимодействия — стриминг. М. Д. Болычева дала следующее определение этому понятию: «Стриминговое, или потоковое, вещание представляет собой доставку удаленным пользователям мультимедийных потоков информации (видео, аудио) в режиме реального времени»[1]. Исходя из данного определения, можно выделить отличительную особенность стриминга — это действие происходит онлайн, в режиме реального времени и означает непосредственное присутствие в прямом эфире.

В последнее время в интернет-пространстве обретают популярность и широкое распространение треш-стримы[2], представляющие собой разновидность публичных видеоблогов и онлайн-трансляций в сети «Интернет», содержащих жестокий контент с шокирующими и деструктивными действиями, угрожающими не только здоровью, но и жизни людей. Треш-стримы можно назвать одной из форм сетевой агрессии.

---

[1] *Болычева М.Д.* Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. 2018. Т. 6, №4. С. 160. EDN: XYZKFN.

[2] Треш-стримы (от англ. *trash* — мусор, отбросы, сор; *stream* — поток); буквально — «мусорная трансляция».

Сегодня приходится констатировать актуальность данной проблемы для России, поскольку распространение фото- и видеоизображений незаконных деяний, совершенных с особой жестокостью из корыстных или хулиганских побуждений в интернете, регистрируются пользователями социальных сетей и представителями СМИ все чаще. Первые стримы (прямые эфиры на интернет-сервисах) появились в России в 2010 году, когда пользователи загружали видео о себе в формате видеоблогов и летсплеев. Таким образом, изначально контент на стримах в основном носил развлекательный, шуточный характер. Треш-стримы стали набирать популярность в 2014—2015 годах, а в 2015 году в СМИ впервые официально стал использоваться термин «треш-стрим». Начиная с этого времени треш-стримы совершаются на регулярной основе (иногда с круглосуточным вещанием) различными стримерами, блогерами, пользователями социальных сетей. Важно указать, что подобных стримеров очень много и, к сожалению, становится все больше.

Треш-стрим также обладает рядом криминалистических признаков, позволяющих отделить его от других насильственных преступных деяний. Сегодня треш-стриминг — это жанр интернет-трансляций, где ведущий за денежное вознаграждение (донаты) от зрителей выполняет их задания, следовательно, местом (обстановка) является сеть «Интернет». Проведение трансляции онлайн означает, что прямой эфир могут смотреть одновременно сотни, тысячи и даже миллионы людей. Основное содержание таких трансляций — это публичное физическое и психологическое насилие над людьми в прямом эфире, издевательства, оскорбления и унижения, избиения, драки, неадекватное поведение, употребление алкоголя и наркотических веществ в прямом эфире и совершение под их влиянием различных деструктивных действий. Наиболее часто встречающийся формат стримов выглядит так. Во время прямой трансляции ведущий-стример выполняет за вознагражде-

ния на видеохостинге действия, связанные с жестокими, унизительными заданиями, получаемыми от аудитории канала. Такое взаимодействие является самой распространенной моделью стримов в настоящее время. Однако встречаются и такие блогеры, которые реализуют действия, не связанные с пожеланиями аудитории, разворачивают свой сценарий произвольно, по собственной инициативе[1].

Проведенный анализ случаев треш-стрима позволил сделать вывод об определенной категории лиц, которые становятся жертвами во время онлайн-трансляций. Ими оказываются дети, подростки, старики, женщины, лица, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, а также имеющие психические проблемы, инвалиды или маргинальные элементы.

Лица, совершающие треш-стримы, — это медийные интернет-персоны, развлекающие определенные категории зрителей, поэтому большая роль отводится именно личности стримера, харизма и неадекватное, девиантное поведение которого должны привлекать соответствующую публику. Типичный треш-стример — это молодой человек, чаще всего из неблагополучного провинциального города России, имеет трудности с официальным трудоустройством; лицо, принадлежащее к низшим слоям общества, с плохой репутацией (бывшие заключенные, маргиналы, наркоманы и т. п.), главная цель которого — унижение, глумление, издевательство над кем-то в прямом эфире за донаты (обязательный атрибут). Поскольку треш-стримы сопровождаются смертельными случаями, некоторые треш-стримеры, бывшие участниками особо жестоких инцидентов, стали фигурантами уголовных дел и были приговорены к лишению свободы.

[1] См. об этом: *Волчецкая Т. С.* Криминалистические особенности треш-стримов как одной из форм насилия в молодежной среде // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Томск : Изд-во ТГУ, 2023. С. 280—283. EDN: SFSYIU.

Совершаемые в процессе онлайн-трансляций деяния квалифицируются по отдельным самостоятельным составам преступлений, некоторые относятся к административным правонарушениями. Примеры подобных действий: причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111—118 УК РФ), лишение жизни (ст. 105, 109 УК РФ), нанесение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ) и др.

Кроме того, на сегодняшний день Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен ч. 12, в которой предусмотрена административная ответственность за распространение в интернете из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность; выражающей явное неуважение к обществу; содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных[1]. Ответственность за совершение указанных действий влечет наложение довольно больших административных штрафов.

Этим же законом ведение треш-стримов относится к отягчающим обстоятельствам по десяти статьям Уголовного кодекса РФ, в частности: за убийство и причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязание, похищение человека и др.[2]

В последнее время получили распространения проявления и так называемого доксинга, который выражается в публикациях в открытом доступе личных данных жертвы (адреса, телефонов, данных паспорта, информации о родственниках) без ее согласия с целью подстрекательства к реальной расправе со стороны третьих лиц. Под доксингом понимается поиск и публикация персональной или конфиденциальной информации о

[1] См.: *О внесении* изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 08.08.2024 № 217-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] См.: Там же.

человеке без его согласия[1]. Такая информация не всегда связана с кражей персональных данных человека, иногда ее целенаправленно собирают на разных цифровых платформах при помощи специальных программ, которые систематизируют различные сведения о том или ином гражданине, содержащиеся в сети «Интернет».

Остановимся подробнее на исследовании одного из наиболее общественно опасных деяний, связанных с функционированием «групп смерти» и совершенных в сети «Интернет». Наивысшей ценностью любого гражданского общества является человеческая жизнь, поэтому невозможно переоценить ее защиту от преступных посягательств. Однако в последнее десятилетие наметилась значительная активизация преступной деятельности в киберпространстве так называемых *групп смерти*, пропагандирующих культ смерти и решение всех проблем посредством совершения суицида. Наибольшее распространение в социальных сетях, особенно среди несовершеннолетних, получили группы «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4.20», «Я в игре», «Ня.пока», «50 дней до моего…» и многие другие, координаторы которых в игровой форме, воздействуя на психику детей, вводят их в подавленное настроение и депрессивное состояние, склоняя в конечном счете к совершению самоубийств.

В связи с пиком совершения подростками суицидов и активизацией более сотен групп суицидальной ориентированности в 2017 году в России был принят Федеральный закон, вносящий изменения в УК РФ и УПК РФ и направленный на противодействие этим общественно опасным деяниям[2]. Вышеука-

[1] См.: *Романовская Е.А.* Публично-правовые основы противодействия доксингу // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, №2. С. 65—74. EDN: RPCHZR.

[2] См.: *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к

занным законом была ужесточена уголовная ответственность путем установления новых правовых норм в УК РФ за доведение до самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), за организацию такой деятельности (ст. 110.2 УК РФ) и за вовлечение несовершеннолетних в действия, представляющие опасность для их жизни (ст. 151.2 УК РФ), посредством использования сети «Интернет». Следует отметить определенную оперативность принятых мер со стороны законодателя, поскольку внесенные изменения были нацелены непосредственно на противодействие самоубийствам и обеспечение защиты несовершеннолетних, подвергшихся противоправной деятельности в сети «Интернет».

Указанные преступления обладают высокой степенью латентности и наличием значительных сложностей, возникающих на различных этапах расследования. Таким образом, в настоящее время получение новых научных знаний о криминалистических методах и средствах расследования преступлений, связанных со склонением к совершению самоубийства в сети «Интернет», стало особенно актуальным для практической деятельности следственных органов.

Согласно данным официальной статистики, за период с 2019 по 2024 год правоохранительными органами на территории страны изобличены 25 лиц, совершивших склонение либо содействие совершению самоубийства. Так, в 2019 году установлено 4 лица (темп прироста составил 100 %), в 2020-м — 5 лиц (темп прироста — 25 %), в 2021 году ситуация осталась на уровне 2020 года (5 лиц), в 2022 году имел место рост указанных лиц до 8 (темп прироста составил 60 %), а в 2023 году наблюдалось снижение до 2 лиц (минус 75 %), в 2024 году — 1 (снижение на 50 %)[1]. В ходе изучения статистических данных

суицидальному поведению : федер. закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 24. Ст. 3489.

[1] См.: *Сводные* статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019—2023 гг. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 05.05.2025).

установлено, что около 30% лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, ранее уже привлекались к уголовной ответственности и имеют судимость. Две трети указанных преступлений совершены в отношении несовершеннолетних.

Деяние, ответственность за которое предусмотрено ст. 110.1 УК РФ, относится к преступлениям против личности с признаками психического насилия, но при этом совершается в сети «Интернет» и, следовательно, может считаться и одним из видов преступлений в сфере компьютерных технологий. Объектом преступного посягательства выступает жизнь и здоровье человека. Объективная сторона включает в себя действие по склонению к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.

Склонение следует отличать от вовлечения на основании способов совершения преступлений, так как в ст. 110 УК РФ указанные способы носят недоброжелательный характер, в том числе с элементами насилия. Для признания деяния, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ, преступным необходимо доказать наличие действий, сопровождающихся уговором, предложением, подкупом, обманом, либо иных подстрекательских действий. То есть перечень преступных действий не является исчерпывающим, а следовательно, законодатель учитывает возможность использования и иных методов воздействия на жертву, что в принципе может усложнить на практике оценку действий[1].

Психология и мотивация суицидального поведения были предметом изучения многих авторов. Наиболее ярким представителем в области исследований суициального феномена мировая психиатрия признает американского ученого Э. Шнейдмана, автора ряда работ в данной области, который высказал

[1] См.: *Ивлева А. А.* О субъективных и объективных признаках состава преступления, предусмотренного статьей 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства») // Государственная служба и кадры. 2021. №3. С. 128—129.

мнение о том, что суицид является уникальной реакцией человека на невыносимую боль — боль, порожденную человеческим страданием.

Говоря о суициде, следует выделить понятие «суицидальное поведение», которое имеет наиболее широкое значение. А.Г. Амбрумова сформулировала понятие суицидального поведения, определив его как «следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта»[1].

По мнению З. Фрейда, который создал первую психологическую теорию суицидального поведения, ненависть к самому себе, наблюдаемая при депрессиях, возникает как гнев по отношению к любому человеку, который субъекты направляют назад, против самих себя. Он высказал сомнение в существовании суицидов без наличия ранее сформировавшегося желания убить еще кого-либо.

Суицидальное поведение не возникает спонтанно, без причин, оно формируется поэтапно: сначала в мыслях человека возникает предположение о самоубийстве, возможных способах его совершения, затем происходит поэтапное планирование соответствующих действий, а в конце человек приходит к неизбежности наступления данного факта.

Несомненно, самоубийство и суицидальное поведение — очень сложные и труднообъяснимые явления, и ученым еще предстоит провести множество исследований для объяснения и познания данных феноменов.

С точки зрения изучения криминалистических особенностей преступлений, связанных со склонением к самоубийству через сеть «Интернет», мы исследовали динамику данного явления во всевозможном его многообразии[2].

---

[1] *Амбрумова А.Г.* Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологии. М. : [б. и.], 1978. С. 45.

[2] См.: *Волчецкая Т.С., Кот Е.А.* Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики : монография. М. : Юрлитинформ, 2023. 240 с. EDN: AHNYCF.

В качестве причин, способствующих совершению несовершеннолетними самоубийств, могут выступать следующие.

Во-первых, в половине случаев причиной самоубийства становится человек, который сталкивается с соперничеством, конкуренцией и другими негативными явлениями, что в итоге может привести к возникновению конфликта. Так, 16-летняя А., учащаяся одного из колледжей Калининграда, получила несколько неудовлетворительных оценок. Расстроившись из-за того, что ее могут отчислить, девушка взяла лезвие и нанесла себе порезы в области вен. Позже А. пояснила, что когда она попадает в негативные ситуации, то причиняет себе боль — и ей становится легче.

Во-вторых — это стресс, который выступает механизмом детерминации когнитивных, мотивационных и иных компонентов действий человека, которые обусловливают последующее его поведение, оценку происходящего вокруг и дальнейшее взаимодействие с внешним миром.

В-третьих, в качестве одной из причин, способствующих совершению подростками самоубийств, ученые называют кризис, выделяя несколько кризисных состояний: невротические, возрастные, травматические. Подростковый период характеризуется изменениями внешности, гормонального фона, самосознания, завышенными требованиями к себе и окружающим. В кризисных ситуациях суицидальные попытки представляют собой форму реагирования на изменившийся мир.

Следует констатировать, что наибольшую опасность среди внутренних факторов, способных провоцировать суицидальное поведение несовершеннолетних, представляют зависимости, связанные с воздействием интернет-пространства на неокрепшую психику подростков. В данной ситуации, с учетом повышенной виктимности подростков, можно говорить о том, что интернет-зависимость достигла угрожающих масштабов, которые невозможно оценить. К примеру, 13-летняя К. нанесла себе порезы в области предплечья в целях привлечения внимания в социальных сетях, чтобы набрать больше лайков.

Рассмотрим более подробно криминалистические особенности, определяющие специфику преступлений указанной категории. В первую очередь, проанализируем отдельные элементы типовых криминальных ситуаций, которые могут быть положены в основу их криминалистической характеристики.

Обстановка совершения преступлений как элемент криминальной ситуации характеризуется следующим. Преступления, связанные с побуждением несовершеннолетних к суициду, имеют следующие особенности, обусловленные совершением преступлений в особой информационной среде. Преступники активно используют социальные сети для контакта с потенциальными жертвами и распространения информации о суициде, что делает выявление их личности и привлечение к ответственности довольно сложным из-за высокой степени анонимности. При расследовании таких преступлений социальные сети и интернет становятся значимыми, а порой исключительными источниками криминалистической информации[1].

С точки зрения социологии информационное пространство рассматривается в качестве сферы взаимодействия как в индивидуальном, так и в общественном плане, для обмена имеющейся информацией, а с точки зрения политической науки в содержание понятия информационного пространства вкладывают смысловую нагрузку контроля, который избирается либо отдельными индивидуумами, либо социальными группами для оптимизации собственной деятельности. Исследователи отмечают уникальность феномена киберпространства, в связи с чем наблюдается повышенный интерес к нему со стороны преступного мира. В рамках криминалистического исследования информационного пространства как места совершения

[1] См. подробнее: *Болвачев М. А.* Социальная сеть как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №4. С. 64—71. EDN: LCULVP.

преступлений следует отметить его наиболее характерные свойства, к которым можно отнести: анонимность доступа, трансграничный характер преступной деятельности, мультимедийность и дистанционность.

Мультимедийность подразумевает возможность распространения негативного контента с помощью различных медийных платформ посредством вербального текста, аудио- и видеозаписей, фотографий, анимационных и графических изображений и др.

Дистанционность способствует передаче данных на любое расстояние, в различном виде и неограниченном объеме, а также дает возможность хранения информации неопределенное (долгое) время, обеспечивает мгновенный доступ к любому пользователю и обмен с ним информацией, расширяет границы аудитории[1].

По способу склонения к совершению суицида в сети «Интернет» сотрудникам предварительного следствия легче обнаружить преступника, а также зафиксировать оставленные им следы на носителях электронных устройств. Среди способов склонения к совершению суицида наибольшую распространенность получил кибербуллинг, представляющий собой онлайн-травлю путем запугивания, издевательства, унижения и других подобных действий. Например, размещение унизительных комментариев, мемов, фотографий, видео в публичных пабликах, группах, чатах; создание негативных пабликов, специальных страниц, посвященных травле конкретного человека; рассылка унизительного контента по списку друзей или знакомых жертвы.

Другим способом склонения к совершению суицида является киберсталкинг, то есть преследование, которое может вы-

[1] См. подробнее: *Волчецкая Т.С., Кот Е.А.* Криминалистический анализ использования интернет-ресурсов как места и средства побуждения несовершеннолетних к суициду // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №3. С. 3—10. EDN: PKEGZL.

ражаться в следующих действиях: постоянные угрозы в личных сообщениях, комментариях, по телефону, связанному с аккаунтом; публикация личной или интимной информации другого лица без его согласия, компромата на него с целью шантажа и унижения. Причем это делается путем отправления непрерывного потока сообщений — с целью психологического подавления жертвы. С этой целью могут также создаваться диппфейки, способные производить реалистичные манипуляции и генерировать новый контент для дискредитации пользователя.

Еще один способ — создание деструктивных сообществ и управление ими с использованием планомерного влияния на подростка путем применения ряда специфических методов психологического воздействия и манипулирования. Так, метод *положительного подкрепления* применяется для создания иллюзии сообщества, где самоубийство преподносится как избавление от страданий, красивый и правильный поступок. Применение метода *информационного вакуума* направлено на изоляцию жертвы от внешнего мира, внушение того, что «никто не поймет, кроме нас». Метод *постепенного погружения* реализуется путем использования системы квестов или заданий, которые последовательно разрушают психику, включает в себя прослушивание специфической музыки, просмотр шок-контента, причинение себе боли порезами. В результате применения метода погружения жертву приучают к послушанию и снижают инстинкт самосохранения. В конечном итоге, преступник использует и прямые угрозы, может запугивать жертву и ее близких в случае отказа от выполнения *финального задания*. Происходит эмоциональный шантаж ребенка с использованием чувств вины, долга или страха для управления его поведением: «Если ты меня любишь, ты это сделаешь»; «Все твои проблемы решатся, если ты просто исчезнешь»[1].

[1] См. подробнее: *Волчецкая Т. С., Кот Е. А.* Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики : монография. М. : Юрлитинформ, 2023. 240 с. EDN: AHNYCF.

Способы совершения преступления неразрывно связаны со средствами его совершения. К средствам склонения к самоубийству в сети «Интернет» следует относить компьютерную технику (в том числе мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки, стационарные компьютеры и др.), а также программное обеспечение.

Личность преступника занимает особое место в криминалистической характеристике рассматриваемой категории преступлений. Изучение определенных свойств и личностных особенностей субъекта преступления позволяет следователю выявить качественно важную информацию об обстоятельствах совершенного деяния, установить механизмы его совершения, зафиксировать следы преступления, разработать методы расследования уголовного дела — в целях розыска лица, совершившего преступление, его задержания и изобличения.

Значительную часть преступников составляет категория 14—17 лет — 4 лица (44,4 %), по 2 лица возрастной категории от 18 до 24 и старше 50 лет (22,2 %); 1 лицо (11,1 %) в возрасте от 30 до 39 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее криминогенный возраст потерпевших, в котором преступники склоняют их к совершению самоубийства в интернете, — от 14 до 17 лет. При этом из категории преступников только два лица являлись студентами, безработными. Все преступления были совершены гражданами РФ[1].

Следует отметить, что официальная статистика не включает в себя сведения о лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, в том числе посредством сети «Интернет», не достигших возраста уголовной ответственности на момент совершения противоправного деяния. Однако такие факты на практике имеют место. Так, в 2018 году жители Новосибирской области — совершеннолетний Б. и

[1] См.: *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019—2024 гг. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 05.05.2025).

не достигший 16-летнего возраста П. — совместно склоняли к совершению самоубийства через сеть «Интернет» несовершеннолетнюю Л. Вместе с тем апелляционным решением суда действия Б. и П. не признаны групповыми ввиду недостижения несовершеннолетним П. возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 110.1 УК РФ[1].

Особое криминалистическое значение имеет нравственно-социологическая составляющая при изучении личности преступника, склоняющего в сети «Интернет» к самоубийству. Исследователи указывают, что большинство преступников данной категории страдают психическими аномалиями, такими, например, как социализированное расстройство личности либо социопатия, не исключающие вменяемости и не относящиеся к разряду заболеваний. С учетом особенностей изучаемого преступления выделяют следующие характерные черты поведения преступника: проявление агрессии и жестокости, сниженный уровень ответственности, отсутствие страха перед наказанием и повышенное чувство безнаказанности, использование при общении лжи, угроз, применение манипуляций, отсутствие сострадания к окружающим[2].

Как показывает практика, преступники очень тонко чувствуют слабости жертвы и стараются сыграть на проблемных моментах в жизни потерпевшего. Специфические особенности личности преступника с точки зрения нравственно-психологических характеристик ярко выражены в его мотивационной сфере. В качестве мотивов совершения этих преступлений можно назвать лидерские способности, чувство превосходства

[1] См.: *Апелляционное* постановление Новосибирского областного суда от 9 июня 2018 года. Дело №22-3060/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dl49mmjnUGrU/ (дата обращения: 05.05.2025).

[2] См.: *Акаева К.А.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: криминологический портрет личности преступника // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. №1. С. 114. EDN: GPUUVF.

над жертвой, повышенный уровень самооценки, потребность в самоутверждении в качестве человека, способного руководить действиями других лиц.

Так, Чертановским районным судом г. Москвы в 2023 году рассматривалось дело М., который создал страницу пользователя в социальной сети *ВКонтакте* и стал осуществлять переписку с несовершеннолетней. В ходе общения он представился вымышленным именем несуществующего человека и общался, позиционируя себя куратором группы «Синий кит». М. поручал девушке различные задания, последним из которых будет совершение самоубийства. Ввиду данных преступных действий у несовершеннолетней сформировалось устойчивое убеждение о необходимости совершения суицида. Судом 23 апреля 2024 года М. был признан виновным по п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ[1].

В результате проведенных судебно-психологических экспертиз по уголовным делам анализируемой категории было установлено, что для обвиняемых характерны такие качества, как эгоцентричность, тирания, жестокость, деспотизм и авторитаризм.

Как правило, вышеуказанное воздействие преступники свершают в сети «Интернет» в отношении незнакомых лиц. Однако на практике встречаются случаи склонения к совершению самоубийства и лицами, которые ранее общались с жертвой.

Преступник заранее готовится к совершению деяния, осуществляет выбор жертвы на основе ее поведенческих свойств и ситуаций, решает вопросы использования методов воздействия на жертву, то есть обладает знаниями в области психо-

[1] См.: *Вынесен* приговор в отношении мужчины, который в переписке в соцсетях склонял несовершеннолетнюю к самоубийству // Чертановский районный суд : офиц. портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/chertanovskij/news/vynesen- prigovor-v-otnoshenii-muzhchiny-kotoryj-v-perepiske-v-sotssetyah-sklonyal-nesovershennoletnyuyu-k-samoubijstvu (дата обращения: 05.05.2025).

логии, а также подбирает технические средства и возможности, что свидетельствует о значительных знаниях в области информационно-телекоммуникационных технологий. Все указанные нами факторы в обязательном порядке должны учитываться для всестороннего расследования уголовного дела.

Как показала практика, наиболее подвержены склонению к совершению суицидов в сети «Интернет» несовершеннолетние, чье незрелое мышление, отсутствие у большинства взаимопонимания с родителями, депрессивное состояние психики и легкая внушаемость дают преступникам огромные преимущества в убеждении жертвы, что уход из жизни является единственным решением всех ее проблем.

Можно выделить несколько основных этапов в механизме воздействия на жертву самоубийства. Первостепенная задача преступника — поиск несовершеннолетних с признаками зарождающегося депрессивного состояния и вовлечение их в виртуальное сообщество, что усиливает их депрессию. На данном этапе работа кураторов заключается в подборе кандидатов. Далее, на второй стадии, жертвам предлагают написать о своих фобиях, что позволяет «наставникам» изучить индивидуальные особенности личности подростка, возбудить интерес к новой «игре» и оторвать от реальности. Как правило, изначально «игра» включает в себя, на первый взгляд, совершенно безобидные задания, рисунки, стихи с подписью «Ня.пока», но постепенно добавляются элементы суицидальной направленности, происходит знакомство со специальной литературой, видео- и аудиоматериалами. На основе уже «пройденного» материала на следующем этапе начинается непосредственное склонение к членовредительству и самоубийству, поступают предложения нанести себе увечия и уйти из жизни, при этом данные действия необходимо подкрепить фотофиксацией. Если по каким-либо причинам жертва отказывается продолжать «игру», то кураторы приступают к угрозам.

Важно учитывать, что суицидальные проявления у подростков часто обусловлены их индивидуальным психотипом. Подростковый возраст — период эмоциональной нестабиль-

ности и неопределенности в процессе становления взрослой жизни. Внутренние и внешние факторы могут спровоцировать суицидальное поведение и привести подростка к кризисной ситуации и повышенной уязвимости от воздействия злоумышленников.

Интернет также имеет значительное влияние на формирование ценностей и личности подростка. Изучение профилей жертв преступлений в социальных сетях важно для получения криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего потерпевшего.

Так, несовершеннолетняя Р. совершила самоубийство, добровольно бросившись под движущийся поезд [1]. Прямое суицидальное поведение девушки сопровождалось активностью в социальных сетях, где она явно выражала свои намерения. На странице в социальной сети *ВКонтакте* Р. разместила селфи на фоне товарного поезда с использованием соответствующего хештэга, содержащего название одной из суицидальных групп.

Таким образом, молодые люди зачастую ищут поддержку в сообществах в социальных сетях. Преступники создают «группы смерти», чтобы подростки, уже имеющие суицидальные мысли, присоединились к ним и поверили, что самоубийство является единственным выходом из проблем. Преступники склоняют подростков к совершению суицида в интернете, чтобы удовлетворить свои собственные потребности или для развлечения. Они злоупотребляют эмоциональной уязвимостью подростков и предлагают им ложные решения и поддержку, что может иметь катастрофические последствия для жизни и здоровья этих подростков и стать трагедией для их семей и близких.

Расследование преступлений, связанных с доведением, склонением, побуждением и содействием к совершению самоубийства несовершеннолетних с использованием сети «Интернет» вызывает значительные сложности.

[1] См.: *Сашенков С. А.* Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних // Общество и право. 2017. №1 (59). С. 211. EDN: YGVCFB.

К традиционным следам преступлений по склонению к совершению самоубийства в сети «Интернет» следует относить возможные рукописные материалы, записи, распечатки информации, скриншоты, аудио- и видеоматериалы, подтверждающие подготовку к совершению преступления. К материальным следам следует относить оставленные на самой технике и ее элементах следы пальцев рук, микрочастиц. В качестве идеальных следов могут выступать отображаемые в сознании человека прошедшие события — это показания свидетелей, потерпевших, родственников, соседей и иных лиц.

Неотложной задачей на первоначальном этапе является выемка и осмотр электронных устройств жертвы (смартфона, ноутбука или планшета) с целью получить логины, пароли, историю браузера, кэш-приложений. На этом этапе также необходимо установление всех аккаунтов жертвы в социальных сетях, в мессенджерах, на форумах.

Необходимо допросить друзей, родственников, одноклассников или однокурсников погибшего в качестве свидетелей с целью получения информации об изменениях в поведении, конфликтах потерпевшего, о том, с кем и о чем жертва общалась в сети.

Особую сложность вызывает работа по обнаружению, изъятию и исследованию цифровых следов. Криминалистический анализ содержимого мобильного устройства предполагает извлечение из него важных данных, анализ истории браузера и переписки, изучение членства в группах и подписок потерпевшего с целью выявления фактов угроз, шантажа, унижений, факта применения к нему манипулятивных техник. Особое внимание уделяется хронологии и характеру общения.

Затем необходимо истребование информации у интернет-провайдеров и установление IP-адресов, с которых осуществлялось воздействие на жертву, с целью идентификации владельца аккаунта подозреваемого по данным его регистрации, которыми могут служить номер телефона, привязка к банковской карте.

Немаловажное значение в расследовании таких преступлений имеет и использование специальных знаний, особенно назначение и проведение судебных экспертиз. Так, в ходе проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы потерпевшего можно проанализировать психическое состояние жертвы по переписке, постам; определить, являлись ли действия злоумышленника психологическим давлением, манипуляцией, способными вызвать суицидальные намерения. Также в ходе этой экспертизы могут быть проанализированы тексты угроз, унижений, манипуляций на предмет их содержания и направленности. Эксперт может решить вопрос, носят ли высказывания побудительный, принуждающий характер.

В результате проведения компьютерно-технической экспертизы можно решить вопрос о времени создания цифровых следов, времени и факте внесения в них изменений, а также восстановить удаленную информацию.

Судебно-психиатрическая экспертиза подозреваемого может быть назначена для определения его вменяемости и для решения вопроса о наличии возможных расстройств, которые могли повлиять на его действия.

Однако самую большую сложность в расследовании вызывает процесс доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями подозреваемого и произошедшим суицидом потерпевшего. Необходимо доказать, что именно действия обвиняемого, его систематическое и целенаправленное психологическое давление, моральное унижение им жертвы, а не иные жизненные обстоятельства, привели потерпевшего к суициду.

Доведение до самоубийства в интернете — это в высокой степени латентное и сложнодоказуемое преступление, при котором используются уязвимость человеческой психики и технологии анонимности. Его расследование требует от следователя знаний не только в области криминалистики и других юридических наук, но и в сферах IT-технологий, психологии и

лингвистики, а также тесного взаимодействия с оперативными подразделениями и экспертами. Ключ к успешному раскрытию указанных преступлений лежит в оперативном изъятии цифровых носителей, грамотном проведении комплексных экспертиз и кропотливой работе по установлению преступника.

Таким образом, насилие в сети «Интернет» на сегодняшний день эволюционировало и стало изощренным, масштабируемым и психологически разрушительным. Противодействие ему предполагает не только совершенствования законодательства, разработки соответствующих криминалистических методик, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, но и массового повышения цифровой культуры, гигиены работы в сети «Интернет», а также развития психологических служб помощи жертвам кибернасилия. Борьба с такими преступлениями невозможна без развития специализированных подразделений, постоянного обучения кадров, совершенствования законодательной базы и укрепления международного сотрудничества.

2.2. Криминалистическая характеристика вооруженных нападений и убийств в образовательных организациях (скулшутинг)

Противодействие угрозам в сфере общественной и идеологической безопасности имеет важное социальное значение как для государства, так и для общества. Распространение идеологии насилия подрывает ценностные ориентиры людей, искажает их жизненные установки и, в конечном итоге, способствует увеличению числа преступлений, создавая угрозу жизни и здоровью неограниченного круга лиц.

К числу актуальных угроз общественной безопасности относится скулшутинг — криминальное явление, сущностной

характеристикой которого выступает совершение вооруженного насильственного акта в отношении учащихся и сотрудников образовательных организаций лицами из числа обучающихся или посторонними субъектами. Характерно, что если в конце XX — начале XXI века данная проблема преимущественно ассоциировалась с США, то в последнее десятилетие тревожная тенденция массовых нападений в учебных заведениях распространилась на страны Европейского союза и Российскую Федерацию, что обусловливает необходимость оперативного реагирования как научных кругов, так и правоохранительных органов.

Феномен скулшутинга впервые проявился в Соединенных Штатах Америки, когда 20 апреля 1999 года в школе «Колумбайн» (штат Колорадо) произошло трагическое событие. Два несовершеннолетних ученика, вооруженных автоматическим огнестрельным оружием и самодельными взрывными устройствами, устроили массовую расправу, в ходе которой погибли 12 учащихся и 1 учитель, а еще 23 человека были ранены.

Инцидент в школе «Колумбайн» не стал ни первым, ни наиболее масштабным проявлением массового насилия в США. Исторический прецедент был зафиксирован 1 августа 1966 года, когда 25-летний Чарльз Уитмен, заняв позицию на смотровой площадке 28-этажного здания Техасского университета, в течение полутора часов вел беспорядочную стрельбу, в результате которой погибли 16 и были ранены 32 человека[1].

Между тем именно случай в школе «Колумбайн», произошедший 20 апреля 1999 года, стал отправной точкой в истории массовых убийств в образовательных организациях, а наименование образовательного учреждения стало нарицательным по отношению к схожим случаям массовых расстрелов в

[1] См.: *Ryan Green.* The Texas Tower Sniper: The Terrifying True Story of Charles Whitman Paperback // Independently published. 2020. March 23. 164 p.

учебных заведениях, и в настоящее время термины «скулшутинг» и «колумбайн» используются как синонимичные[1].

Во многом этому способствовало чрезмерное количество различного рода информационных материалов, посвященных реализации преступного замысла, который создали и выложили в интернете сами злоумышленники. При этом следует отметить, что по состоянию на 1999 год глобальная сеть «Интернет» выглядела иначе, нежели мы представляем ее сейчас: не существовало социальных сетей; не было стриминговых сервисов; до основания видеохостинга *YouTube* оставалось пять лет. Таким образом, размещая на персональном веб-сайте видеоролики об изготовлении самодельных взрывных устройств и о пристрелке оружия, злоумышленники стали одними из пионеров продвижения подобного информационного контента в пространстве и могли быть охарактеризованы современниками как *trendsetters* (пер. с англ. — *законодатель моды*).

Другая причина повышенного интереса и особого статуса «колумбайна» заключается в некорректном освещении трагических событий, произошедших в образовательном учреждении «Колумбайн», в СМИ, что выражалось в слишком детальном обсуждении всех элементов расстрела. Так, в СМИ неоднократно публиковались подробные планы нападавших, анализировалось, что именно не удалось реализовать злоумышленникам и по каким причинам. Помимо этого, на телевидении оказались записи с камер наружного наблюдения школы, где исчерпывающим образом был показан механизм совершения преступления. Перепечатывание данных из личных дневников нападавших и демонстрация в эфире вышеупомянутых самодельных роликов с личного веб-сайта Эрика Харриса также имели место.

[1] См.: *Волкова Т. А.* Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. №4 (12). С. 79—87. EDN: YLOPER.

С правовой точки зрения скулшутинг не выделяется в качестве самостоятельного состава преступления, оставаясь при этом значимой криминологической концепцией. Отсутствие законодательно закрепленного единого определения данного феномена обусловливает его рассмотрение преимущественно в научно-теоретическом поле[1].

Отсутствие общепринятой дефиниции скулшутинга привело к разночтениям среди научного сообщества в восприятии данного явления и, как следствие, к разногласиям в части того, какие конкретно случаи можно квалифицировать как скулшутинг, а какие нет[2].

В частности, одним из практических псевдопримеров скулшутинга, который можно встретить на страницах специальной литературы, является случай, произошедший 19 сентября 2019 года в красноярской гимназии №16, где учитель ОБЖ в результате неосторожного обращения прострелил старшекласснице мочку уха[3].

Очевидно, что ни мотивация учителя, ни механизм совершения правонарушения, ни общественно опасные последствия, вызванные произошедшим деянием, не позволяют причислить учителя ОБЖ к лицам, склонным применять немотивированное насилие в отношении неограниченного круга лиц.

---

[1] См.: *Никишин В.Д.* Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74, №11. С. 63. EDN: GUZXTL ; *Тыщенко Е.А.* Скулшутинг: современная причина страхов учащихся // Инновационное развитие науки образования : сборник статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 300—302. EDN: IRWTGJ.

[2] См.: *Rowhani-Rahbar A., Moe C.* School Shootings in the U.S. : What Is the State of Evidence? // J Adolesc Health. 2019. Vol. 64, №6. P. 683—684. https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2019.03.016.

[3] См.: *Красноярская* старшеклассница получила ранение во время стрельб на ОБЖ // Информационное агентство «МЕЛ». URL: https://mel.fm/novosti/6985127-krasnoyarskaya-starsheklassnitsa (дата обращения: 14.07.2025).

Другим характерным примером искаженной интерпретации противоправных действий стало происшествие, произошедшее 30 ноября 2015 года в саратовском лицее № 62, где в рамках показательных выступлений по единоборствам между отцом одной из учениц и тренером по карате возник конфликт. В результате его тренер получил огнестрельные ранения, несовместимые с жизнью, еще двое родителей были ранены[1].

Вышеописанное преступление также нельзя причислить к скулшутингу, поскольку оно было детерминировано внезапно возникшим конфликтом на почве неприязненных отношений, а умысел нападавшего охватывал совершение противоправных действий против конкретного гражданина. Образовательная организация как место преступления в данном случае носит ситуационный характер.

Следует отметить, что отсутствие единообразия в определении скулшутинга и его основных характеристик не является исключительно российской проблемой. Научная дискуссия относительно категориально-понятийного аппарата скулшкутинга носит общемировой характер.

В широком смысле рассматривает феномен скулшутинга в своем исследовании Э. Митчел — как случай, когда один или несколько человек участвуют в непрерывной, случайной или систематической стрельбе с целью множественных (массовых) убийств[2].

Среди отечественных исследователей схожим образом к определению скулшутинга подходит Е. А. Тыщенко, рассмат-

[1] См.: *Один* человек погиб и двое ранены в результате стрельбы в спортзале лицея // Взгляд-инфо. URL: https://www.vzsar.ru/news/2015/12/01/odin-chelovek-pogib-i-dvoe-raneny-v-rezyltate-strelby-v-sportzale-liceya.html (дата обращения: 15.07.2025).

[2] См.: *Mitchell E.* Fire/emergency medical services department operational considerations and guide for active shooter and mass casualty incidents / United States Federal Emergency Management Agency, United States Fire Administration. Washington, DC, 2013.

ривая данный криминальный феномен как вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения[1].

Приведенные определения демонстрируют редукционистский подход к пониманию скулшутинга, поскольку не отражают его дифференцирующие признаки, необходимые для четкого разграничения с другими формами насильственных преступлений. В частности, предложенные Е. А. Тыщенко и Э. Митчелом критерии не позволяют провести содержательное различие между скулшутингом и такими деяниями, как террористический акт, произошедший в городе Беслане в 2004 году, который, безусловно, не относится к рассматриваемой категории.

В одной из наиболее комплексных работ, посвященных данной проблематике, скулшутинг рассматривается через призму различных характеристик и критериев, которые позволяют определить данный криминальный как агрессивное поведение учащегося внутри школы или иного общественного учреждения, выраженное в намерении лишить жизни или причинить тяжкий вред здоровью неограниченному числу лиц (учащихся, преподавателей), а также как реализацию такого рода намерений[2].

Профессор С. Димитру отмечает, что у большей части школьных стрелков имелся *hit list* (с англ. — расстрельный список потенциальных жертв), в который, как правило, вносятся данные буллеров (обидчиков) будущего стрелка. При этом специфика механизма скулшутинга объективно допускает наличие случайных жертв — людей, пострадавших исклю-

[1] См.: *Тыщенко Е. А.* Скулшутинг: современная причина страхов учащихся // Инновационное развитие науки образования : сборник статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 300—302. EDN: IRWTGJ.

[2] См.: *O'Toole M.* The School Shooter: A Threat Assessment Perspective. Prevention of School Shootings. 2000. P. 3—6.

чительно в результате рокового стечения обстоятельств, оказавшихся в эпицентре трагедии без видимых причин[1].

Однако бывший профайлер ФБР М. О'Тул весьма жестко расставляет акценты относительно некоторых заблуждений и неточностей, получивших широкое распространение в средствах массовой информации. Так, она последовательно и аргументированно настаивает на том, что лица, совершающие массовые расстрелы в образовательных учреждениях, далеко не всегда одиночки и не всегда мотивированы жаждой возмездия[2].

Дополняя данную дискуссию, профессор Дж. Белкнап рассматривает скулшутинг как событие, при котором учащийся учебного заведения применяет огнестрельное оружие с целью причинить смерть или тяжкий вред здоровью как минимум одному учащемуся или преподавателю данного учреждения. Применительно к дискуссии о целях скулшутеров Д. Белкнап выделяет такой самостоятельный подвид скулшутинга, как *rampage school shooting* (с англ. — беспорядочная школьная стрельба), где преступный умысел нацелен не на одну конкретную жертву, а на неограниченное количество учащихся[3].

В отечественном научном дискурсе проблематика скулшутинга носит междисциплинарный характер, становясь предметом пристального изучения для представителей различных отраслей гуманитарных наук.

Социологи рассматривают скулуштинг как социально-деструктивное явление, сопряженное с насилием в молодеж-

[1] См.: *Dumitriu C.* Crisis Management in School Shootings Situations. The School — A Forgotten Factor in the Equation // N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer, W. Heitmeyer (eds.). School Shootings: International Research, Case Studies and Prevention. N.Y. : Springer, 2013. P. 452.

[2] См.: *O'Toole M.* Op. cit.

[3] См.: *Belknap J., Greathouse T.* School shooting // Encyclopædia Britannica. 2019. URL: https://www.britannica.com/topic/school-shooting (дата обращения: 14.05.2025).

ной среде и ориентированное на разрушение общественных норм, системы образования и основ социальной безопасности[1].

Помимо этого, среди социологов и политологов в последнее десятилетие определенное распространение приобрели идеи восприятия скулшутинга как деструктивной субкультуры, которая идеализирует убийц (в особенности Харриса и Клиболда из школы «Колумбайн»), распространяется в интернете путем создания сообществ, групп, их модерирования, включает символику, манифесты, мемы, обсуждение планов нападений, элементы обучения, ведение дневников и «черных списков»[2].

Отталкиваясь именно от такого субкультурного подхода, в 2022 году Верховный суд Российской Федерации вынес решение о признании «Колумбайна» террористической организацией[3].

В этой связи ряд исследователей обосновывают необходимость рассматривать скулшутинг как разновидность индивидуального терроризма, направленного на устрашение обще-

[1] См.: *Эльчепаров Р. А., Исакова Т. С.* Скулшутинг как массовое явление современной преступности. Понятие, признаки, причины // Трибуна ученого. 2021. № 6. С. 285-289. EDN: PMZXRW ; *Баева Л. В.* Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2023. Т. 27, № 3. С. 774—792. doi: 10.22363/2313-2302-2023-27-3-774-792. EDN: EQVFPO.

[2] См.: *Шарифзянова К. Ш.* Современные тенденции подростковой девиации. Субкультура скулшутинг («school shooting»): сущность и причины проявления // Проблемы управления качеством образования : сборник избр. статей Междунар. науч.-метод. конф. СПб. : ГННИ «Нацразвитие», 2020. С. 117—120. EDN: DMZTZH ; *Пучнин А. В., Пучнина М. Ю.* Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38—43. EDN: LLGTTC.

[3] См.: *Официальный* портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347 (дата обращения: 17.05.2025).

ства через нападение на школы. При этом в качестве основной цели посягательства декларируется не столько причинение вреда здоровью или жизни граждан, сколько демонстрация идеологии насилия, стремление к известности и влиянию на массовое сознание[1].

Между тем рассмотрение любого акта скулшутинга, произошедшего на территории Российской Федерации, через призму критериев, выработанных М. А. Волковой[2] в ходе анализа легального определения террористического акта, не позволяет охарактеризовать скулшутинг как террористический акт ввиду несоответствия данного действия фундаментальным признакам[3].

Одно из наиболее универсальных определений, опирающихся на методологический аппарат юридических наук, было

[1] См.: *Никишин В. Д.* Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex Russica. 2021. № 11 (180). Т. 74. С. 62—76 ; *Михеев Д. Ю.* Особенности субкультуризации деструктивного движения «Колумбайн» среди молодежи и его связь с терроризмом // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 293—295 ; *Гончаров Л. А.* Колумбайн и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29—31 ; *Аскельдов Д. В., Гатауллина И. А.* Колумбайнеры как новый вызов современности // Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе : сборник материалов науч.-практ. конф. / Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева. Казань, 2018. С. 7—10.

[2] См.: *Волкова М. А.* Содержание понятий «терроризм», «террористический акт» и «акт терроризма» // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : материалы всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. А. Резина, Е. Ф. Рашидов. Омск : Изд-во ОЮА, 2019. С. 47.

[3] См.: *Авакьян М. В.* Скулшутинг как форма девиантного поведения террористической направленности // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сборник материалов Междунар. науч.-практ. форума. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 373. EDN: JICNCF.

сформулировано Ю. В. Суходольской, которая рассматривает скулшутинг как убийство двух или более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательной организации, без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических либо корыстных мотивов[1].

Уяснение сущности, содержания, а также оснований для отграничения скулшутинга от других криминальных явлений представляется целесообразным осуществить через выработку и анализ криминалистической характеристики преступления.

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систематизированное описание совокупности типичных криминалистически значимых признаков определенной категории преступлений, отражающее особенности обстановки и типичные способы подготовки, исполнения и сокрытия определенной категории преступлений[2].

Данная научная категория направлена на систематизацию преступлений по типичным признакам, что упрощает их расследование и учет, а также на выявление типичных условий, способствующих совершению преступлений, что помогает разрабатывать меры по их предупреждению[3].

Применительно к скулшутингу криминалистическая характеристика представляет собой систематизированную информационную модель, включающую в себя: а) обобщенные эмпирические данные о типичных признаках данных преступлений; б) научно обоснованные выводы об их специфике;

---

[1] См.: *Суходольская Ю. В.* Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117—120. EDN: CPENAT.

[2] См.: *Криминалистика :* учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 78—82. EDN: GPEIWW.

[3] См.: *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник. М. : Норма-ИНФРА-М, 2017. 752 с.

в) практические рекомендации по их раскрытию, расследованию и профилактике, — что в совокупности формирует методологическую основу для эффективной работы правоохранительных органов с данным криминальным феноменом.

Многочисленные попытки создания универсальной модели криминалистической характеристики, которая могла бы служить базой для разработки как видовых, так и межвидовых характеристик, до сих пор не привели к положительным результатам. Современная юридическая наука пришла к консенсусу, что параметры криминалистической характеристики не могут быть фиксированными для всех категорий преступлений. Более того, они существенно различаются в зависимости от конкретного вида преступной деятельности и его правовых особенностей[1].

Применительно к проблематике скулшутинга проведенный анализ специальной литературы, в том числе результатов исследований Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, которые скрупулезно проанализировали 16 нападений учеников на одноклассников и сотрудников образовательных организаций[2], позволил выделить следующие структурные элементы криминалистической характеристики скулшутинга: мотивы и цели преступника; способ совершения преступления; особенности личности субъекта противоправного деяния; обстановка совершения преступления (место, время и другие обстоятельства).

---

[1] См.: *Копыткин С.А.* Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами // Российский следователь. 2010. №16. С. 23—25 ; *Криминалистика* / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М. : Высшая школа, 1994. 330 с. ; *Амрахов Н.И.* К вопросу о криминалистической характеристике преступлений против конституционных прав человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия, социология, право. 2012. №22. С. 78—82.

[2] См.: *Давыдов Д.Г., Хломов К.Д.* Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. №4 (32). С. 63—64.

При этом построение эффективной криминалистической характеристики преступлений требует тщательно собранной и верифицированной эмпирической базы, поскольку именно она служит фундаментом для последующего анализа и выводов.

В основу настоящего исследования легли документально зафиксированные случаи скулшутинга в российских образовательных учреждениях (школах, колледжах и вузах), ранее описанные и изученные в научных публикациях[1]. Для анализа были отобраны ключевые криминалистические параметры: временны́е и географические характеристики, способы совершения преступлений, а также действия, направленные на сокрытие следов преступления.

Обстановка совершения преступления. Под обстановкой совершения преступления понимается система материальных, пространственно-временных, психологических и иных условий, в которых действовал преступник и которые оказали влияние на механизм преступления, его следообразование и раскрытие[2].

Местом совершения преступления в контексте рассматриваемой проблематики неизменно является образовательная организация. В рамках исследования было установлено, что наибольшей «результативности» в реализации преступного замысла достигают те злоумышленники, которые осуществляют свои действия внутри учебного заведения, а не на прилегающей территории (школьном дворе, спортивной площадке и т. п.). Подобная закономерность связана с особенностями планировки таких учреждений, где присутствует множество изолированных помещений (классов, холлов) с высокой плотностью людей и, как правило, ограниченным количеством входов и выходов.

---

[1] См.: *Осипова Е. В., Авакьян М. В.* Криминалистический анализ скулшутинга в России и за рубежом // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 128—137. EDN: AVTDYO.

[2] См.: *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 32. EDN: VTTYIN.

Так, в одном случае нападавший продемонстрировал тактическую расчетливость: после метания в окна помещения бутылки с зажигательной смесью он занял позицию у единственного выхода. Такой маневр был направлен на использование панической реакции потерпевших, пытавшихся избежать термического воздействия и токсичного дыма, что создавало оптимальные условия для применения холодного оружия с максимальной поражающей эффективностью.

Проведенный анализ выявил устойчивую корреляцию между локацией преступления и личностными характеристиками преступника. Криминалистические исследования демонстрируют, что выбор места нападения детерминирован социальными связями агрессора с образовательным учреждением. Статистические данные свидетельствуют: все случаи скулшутинга в России за последние годы совершались в тех учебных заведениях, где нападавший либо обучался на момент преступления, либо получал образование ранее.

Анализ хронологических параметров показывает устойчивую закономерность: большинство нападений в учебных заведениях приходится на утренние часы. Согласно данным исследования, пиковая активность преступников наблюдается в период с 8:30 до 11:00, что совпадает с началом учебного процесса. Такое временно́е распределение объясняется максимальной концентрацией потенциальных жертв в образовательных учреждениях именно в этот период.

Также было установлено, что средняя продолжительность подобных инцидентов в России составляет 80 минут. В частности, в инциденте в школе №263 г. Москвы временной промежуток от проникновения преступника (11:40) до его задержания (13:05) занял 85 минут, при этом активная фаза нападения продолжалась до 12:15. Аналогичная динамика наблюдалась в случае с Керченским политехническим колледжем, где временной интервал между первым взрывом (11:40) и завершением операции (13:00) составил 80 минут, при этом преступник покончил с собой в ходе инцидента.

Способ преступления. Классические акты скулшутинга, как правило, связаны с применением огнестрельного оружия. Однако важно учитывать разницу в доступности таких видов оружия: в США (где зародилась эта проблема) и России объемы гражданского оборота стрелкового оружия существенно отличаются. По данным Центров по контролю и профилактике заболеваний, в США в 2016 году только от огнестрельного оружия погибло более 38 000 человек[1], в то время как в Российской Федерации данная цифра отражает ежегодное количество всех убийств вне зависимости от способа их совершения. Это обусловливает необходимость изучения и тех преступных посягательств в учебных заведениях, где применялись взрывчатые вещества, зажигательные смеси или иные предметы в качестве орудия преступления, но характеристика криминальной обстановки при этом указывала на умысел нападавшего причинить смерть или вред здоровью неограниченному кругу лиц.

Проведенный анализ показал, что российские скулшутеры преимущественно используют гладкоствольное длинноствольное оружие. Так, в разных делах фигурировали помповые ружья *Hatsan*, отечественное охотничье ружье ИЖ-81, гладкоствольное охотничье ружье «Бекас». Единственным исключением стал инцидент, где несовершеннолетний преступник применил нарезное оружие — карабин *Browning 22 Semi-Auto rifle* и винтовку *Tikka T3*. Кроме того, характерной особенностью скулшутинга в России выступает частое использование пневматического оружия. Такая закономерность объясняется, в первую очередь, широкой распространенностью и легкодоступностью пневматики на территории страны.

Помимо этого, тревожным фактом стало использование в недавнем случае скулшутинга переделанного травматического

[1] См.: *Xu J., Murphy S.L., Kochanek K.D. et al*. Deaths: Final data for 2016 // Natl Vital Stat Rep. 2017. №67. P. 1—76.

оружия под огнестрельные патроны. На фоне полного запрета гражданского короткоствольного оружия это может положить начало опасной тенденции самодельных переделок.

С точки зрения порядка приобретения и владения оружием преступления проведенный анализ актов скулшутинга показал, что в большинстве случаев злоумышленники применяли огнестрельное оружие, принадлежавшее их родителям. Реже использовались подручные средства — зажигательные смеси и бытовые предметы (топоры).

Следует отметить, что изъятие огнестрельного оружия из постоянного места хранения происходило в силу наличия у преступников беспрепятственного доступа к нему. Законные владельцы оружия, как правило, не знали об изъятии оружия своими детьми до момента реализации ими преступного умысла. Для отца Алины А., например, данное обстоятельство послужило основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 224 УК РФ, предусматривающей наказание за небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для его использования другим лицом.

Еще одной характерной особенностью российских случаев скулшутинга стало применение бытовых предметов (кухонных ножей, топоров и подобных инструментов) в качестве орудий преступления.

При этом в рамках проведенного исследования была выявлена корреляционная связь между способом совершения преступления и возрастом преступника: в то время как подростки 12—15 лет обычно используют кухонные ножи и другие бытовые предметы, более взрослые нападающие отдают предпочтение огнестрельному оружию, что подчеркивает возрастные различия в способах совершения подобных преступлений.

Особенности личности субъекта противоправного деяния. При анализе данной категории преступлений особую значимость приобретают нравственно-психологические характеристики правонарушителя. Не менее важными для криминалистического исследования являются социально-демографиче-

ские параметры личности: половая принадлежность, возраст, уровень образования, семейный статус (с акцентом на анализ семейной ситуации), наличие криминального опыта, а также возможная причастность к субкультурным группам или сообществам.

Проведенный анализ судебной практики и уголовных дел, связанных с нападениями в образовательных учреждениях, позволил установить, что средний возраст скулшутеров в России варьируется в пределах 14—18 лет. Лица данной возрастной группы составляют основную долю совершающих подобные преступления, что совпадает с общемировой тенденцией, согласно которой большинство атак в школах осуществляется подростками. Этот фактор может быть связан с психологическими и социальными особенностями подросткового возраста, включая повышенную импульсивность, склонность к агрессии, а также влияние деструктивных субкультур и интернет-контента.

Результаты проведенного анализа показали, что ввиду несовершеннолетнего возраста большинства лиц, совершавших нападения на образовательные учреждения, установить устойчивую корреляцию между данными преступлениями и наличием у нападавших предшествующего криминального опыта не представляется возможным. Однако следует отметить, что значительная часть скулшутеров демонстрировала уверенные навыки обращения с огнестрельным оружием, причем многие из них систематически совершенствовали свою огневую подготовку.

Так, Сергей Г. состоял в стрелковом клубе «Выстрел», любовь к огнестрельному оружию привил ему отец, вместе с которым они посещали стрельбища[1].

При анализе семейного статуса преступников обработанные эмпирические данные продемонстрировали значимую ста-

[1] См.: *«Неуд»* за убийство, «тройка» за наказание // Московский комсомолец. 2015. №26754.

тистическую аномалию: среди совершивших нападения 63 % являлись выходцами из полных семей и имели позитивные характеристики от образовательных учреждений и социального окружения, что противоречит распространенным стереотипам о неблагополучном происхождении подобных преступников.

С позиций криминалистической науки нравственно-психологическая структура личности преступника представляет собой систему взаимосвязанных негативных характеристик, включающую: патологические черты характера; асоциальные потребности и мотивы; деформированные ценностные ориентиры; дезадаптивные поведенческие стратегии. Эти элементы в своей совокупности формируют психологическую предрасположенность к противоправным действиям.

Например, анализ случая Сергея Г. выявил, что ключевым фактором, детерминировавшим его противоправные действия, стало диагностированное в ходе судебно-психиатрической экспертизы психическое расстройство — параноидальная шизофрения. Данное заболевание сформировало специфические нравственно-психологические особенности, которые стали основной причиной преступного поведения[1].

Аналогично несовершеннолетний преступник, совершивший нападение в образовательном учреждении «Томь», был признан невменяемым на основании комплексного психиатрического освидетельствования[2].

Случай Артема К. также характеризуется его постановкой на учет в психоневрологический диспансер с диагнозами ши-

[1] См.: «*Школьного* стрелка» признали невменяемым // Известия. 2014. 21 апр. URL: https://iz.ru/news/569480#ixzz30lCuKnlZ (дата обращения: 25.05.2025).

[2] См.: *УВД:* подросток, стрелявший в томской гимназии, признан невменяемым // РИА Томск. https://www.riatomsk.ru/article/20150526/uvd-podrostok-strelyavshij-v-gimnazii-tomj-priznan-nevmenyaemim (дата обращения: 06.06.2025).

зофренического расстройства и эмоционально-волевых нарушений. Примечательно, что последний его визит к специалисту-психиатру был зафиксирован за неделю до инцидента.

В отличие от предыдущих примеров, поведение Антона Б. накануне преступления однозначно свидетельствовало о его вменяемости. Накануне нападения он сознательно предупредил отдельных учащихся об опасности посещения школы. Согласно показаниям одноклассников, мировоззренческие установки Антона Б. формировались под влиянием движения «АУЕ», которое было признано Верховным судом России экстремистской организацией и запрещено в 2020 году.

Мотивы и цели. Современные исследования скулшутинга, несмотря на различия в теоретических подходах, сходятся в выделении следующих основных детерминантов: дисфункции семейной системы; опыт травли или социального остракизма; воздействие деструктивного медиаконтента; психопатологические проявления (депрессивные и тревожные расстройства); проблемы психофизического здоровья.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о значимости эффекта подражания в генезисе скулшутинга. Было установлено, что имитация известных случаев школьного насилия формирует самостоятельный и значимый мотив совершения подобных преступлений.

Так, значительное число скулшутеров, включенных в эмпирическую выборку, проявляли повышенный интерес к тематике школьных расстрелов и состояли в соответствующих интернет-сообществах, содержащих в названиях или в контенте отсылки к событиям, имевшим место в школе «Колумбайн» либо при совершении других актов скулшутинга. В частности, анализ цифрового следа Антона Б. выявил его активные упоминания в социальных сетях Владислава Рослякова — исполнителя массового убийства в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 года.

В свою очередь Артем К. нанес на травматические пистолеты, которые использовал при нападении на образователь-

ную организацию, надписи «Columbine» и «Eric Dylan», что является прямой отсылкой к массовому убийству, произошедшему в школе «Колумбайн» в 1999 году.

Все случаи скулшутинга в рамках проведенного анализа удалось сгруппировать на конкретно-персонализированные (specifically personalized school shooting) и хаотичные (rampage school shooting).

Первый тип скулшутинга характеризуется наличием конкретного умысла, направленного на убийство определенных лиц, связанных с преступником. В подобных случаях возможны ситуации, когда жертвами становятся люди, не входившие в первоначальные планы нападавшего. Подобное отклонение от преступного замысла следует квалифицировать как эксцесс исполнителя, что подтверждается многими примерами нападений.

К числу факторов, провоцирующих персонализированные акты скулшутинга, относятся конфликтные социальные взаимодействия, в частности — систематическая травля, унижения или психологическое насилие со стороны окружения.

Хаотичные проявления скулшутинга, как правило, обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов: наличием психических патологий у преступников; выраженной социальной дезадаптацией; систематическим воздействием домашнего насилия.

При этом мотивационная составляющая таких преступлений включает в себя попытки доказать собственную деструктивную идеологию, сопряженную с иллюзорным стремлением к «очищению общества» и желанием добиться максимального общественного внимания к своим действиям.

Например, Ильназ Г. на одной из видеозаписей, появившихся после его задержания, заявлял, что ощущает себя богом и при совершении преступления руководствовался желаниями монстра, пробудившегося у него внутри.

Для данного типа субъектов скулшутинга характерен недифференцированный прямой умысел, при котором количе-

ство жертв приобретает приоритетное значение над их персональными характеристиками. При этом в зоне потенциального поражения оказываются как учащиеся и преподаватели образовательного учреждения, так и случайные очевидцы, не имеющие прямой связи с преступником и сферой образования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что криминалистическая характеристика скулшутинга, включая ее структурные элементы, а также корреляционные связи, возникающие между ними, имеет фундаментальное значение для разработки эффективной системы профилактических мер. Так, детализированная криминалистическая характеристика скулшутинга может послужить основой для создания алгоритмов раннего выявления угроз, разработки ситуационных профилактических программ и подготовки специалистов образовательных учреждений. Без учета данных криминалистических закономерностей профилактическая работа неизбежно приобретает формальный характер, что существенно снижает ее превентивный потенциал в условиях эскалации школьного насилия и, как следствие, может привести к неэффективному распылению ресурсов и запоздалой реакции государства на возникающие риски.

Глава 3

МЕРЫ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

3.1. Социально ориентированные модели противодействия различным формам девиантного поведения в молодежной среде. Превенция проявлений экстремистской направленности среди студенческой молодежи

Современный этап развития российского общества характеризуется комплексом глубоких социально-экономических, политических и культурных трансформаций, которые оказывают неоднозначное влияние на все слои населения, но наиболее чувствительно отражаются на формировании личности молодых людей. Молодежь, являясь наиболее динамичной и восприимчивой социально-демографической группой, одновременно выступает и как потенциал инновационного развития страны, и как группа риска, подверженная различным формам девиантного поведения. Как уже отмечалось ранее, девиантное поведение в молодежной среде представляет собой одну из наиболее актуальных и многогранных проблем, требующих постоянного междисциплинарного научного осмысления и выработки адекватных мер социального противодействия.

Масштабы и разнообразие современных форм девиантного поведения в молодежной среде создают серьезную угрозу как для психофизического здоровья подрастающего поколения, так и для социальной безопасности и стабильности общества в целом[1].

[1] См.: *Сербиева М. М.* Молодежный экстремизм: вопросы профилактики // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2022. №2 (46). С. 129—134. EDN: VEAEZT ; *Малыхина Т. А.*

Осознание данной угрозы на государственном уровне привело к формированию разветвленной системы профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних и молодежи. В Российской Федерации выстроена законодательная база, регламентирующая данную сферу: федеральные законы № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и другие, реализуются многочисленные ведомственные и межведомственные программы и проекты, разрабатываются методические рекомендации для образовательных организаций.

Проведенный нами анализ существующих мер позволяет констатировать наличие значительного арсенала форм и методов профилактической работы, накопленного как в теоретических исследованиях, так и в практической деятельности[1].

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, результаты многочисленных исследований свидетельствуют о сохраняющейся остроте проблемы. Эффективность многих традиционных мер остается недостаточно высокой. Зачастую профилактическая деятельность имеет фрагментарный, эпизодический характер, сводясь к формальному информированию о негативных последствиях тех или иных форм девиации, что не приводит к устойчивым позитивным изменениям в установках и поведенческих моделях молодежи. Ключевой проблемой является разрозненность и отсутствие системности в применении профилактических мер. Деятельность различных субъектов профилактики (образовательные организации, органы системы профилактики правонарушений, учреждения культуры,

---

Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 89—99. EDN: SVSXKF.

[1] См.: *Ганаева Е. Э.* Профилактика экстремизма в молодежном сообществе: вопросы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 198—202. EDN: EGOOHQ.

общественные организации и пр.) зачастую не скоординирована, что приводит к дублированию функций, распылению ресурсов и, как следствие, к низкому синергетическому эффекту[1].

Параллельно с этим происходит постоянная трансформация и усложнение самих форм девиантности[2]. Глобализация и стремительная цифровизация всех сфер жизни породили новые, виртуальные формы отклоняющегося поведения, такие как кибербуллинг, участие в деструктивных онлайн-сообществах (включая «группы смерти», сообщества, пропагандирующие экстремизм, суицид, анорексию), игровая и интернет-зависимость. Скорость появления этих новых вызовов опережает скорость разработки и внедрения адекватных инструментов противодействия им. Традиционные подходы, ориентированные на реалии офлайн-пространства, зачастую оказываются неэффективными в условиях цифровой среды, требующей принципиально иных методов диагностики, профилактики и противодействия[3].

Все это актуализирует необходимость научного поиска новых, интегративных форм и технологий профилактической работы, которые были бы адекватны современным вызовам и рискам. Причем исследования должны быть направленны не на создание отдельных, изолированных методик, а на разработку концепции комплексного, мультидисциплинарного и межведомственного подхода к профилактике девиантного поведения в молодежной среде. Такой подход должен синтезировать усилия всех заинтересованных субъектов, объединять

[1] О проблемах межведомственного взаимодействия в профилактике девиантного поведения в молодежной среде см. п. 4.2 данной монографии.

[2] См.: *Клейберг Ю. А.* Девиантология терроризма и экстремизма. М. : Изд-во МПСУ, 2016. 140 с.

[3] См.: *Интернет* и современное общество : сборник тезисов докладов Междунар. объедин. науч. конф. СПб. : Изд-во Университета ИТМО, 2022. 53 с. EDN: HTPJDF.

традиционные и инновационные формы работы (включая цифровые технологии), а также быть ориентированным на раннее выявление рисков и построение индивидуальных траекторий психолого-педагогического сопровождения. Необходим переход от ситуативных и точечных мер к выстраиванию целостной непрерывной системы профилактики, интегрированной в образовательную и социальную политику на всех уровнях. Требуется разработка и внедрение эффективных, системных и научно обоснованных моделей противодействия, носящих упреждающий, профилактический характер.

Полагаем, что комплексный подход при формировании социально ориентированных моделей противодействия различным формам девиантного поведения в молодежной среде, в первую очередь, предполагает опору на институт семьи — семейную и общественную поддержку на этапе становления личности ребенка — подростка — молодого человека.

Семейно-общественная поддержка в основе ***семейно-общественной модели*** профилактики девиантного поведения среди молодежи представляет собой системообразующий компонент, выполняющий, на наш взгляд, базисную функцию в синергетическом эффекте от реализации комплекса социально ориентированных моделей. Ее сущность заключается в интеграции ресурсов семьи и общества для создания устойчивой, благоприятной микросреды, способной предотвратить возникновение и развитие деструктивных паттернов поведения у подростков и молодых людей. Это направление формирования социально ориентированных моделей противодействия девиантному поведению в молодежной среде — одно из наиболее эффективных[1], поскольку именно семья является первичным институтом социализации, а общественные связи формируют систему внешних ориентиров и ограничений. Данное направление может включать в себя следующие составляющие.

[1] См., например: *Малыхина Т.А.* Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 89—99.

Создание центров помощи семьям и проведение родительских школ. Одной из ключевых практик в рамках семейно-общественной поддержки является создание специализированных центров помощи семьям. Эти структуры работают как многофункциональные площадки, предоставляющие комплекс услуг психолого-педагогического, социального и иногда юридического характера. Их деятельность направлена на укрепление воспитательного потенциала семьи, повышение родительской компетентности и разрешение внутрисемейных конфликтов, которые зачастую являются триггерами девиантного поведения молодежи.

Эффективность таких центров обусловливается их доступностью и междисциплинарным подходом. В их работе могут быть задействованы психологи, социальные педагоги, дефектологи, наркологи и юристы. Например, в ряде регионов России успешно функционируют «Семейные центры» или «Центры социально-психологической помощи семье и детям», которые работают как по обращению граждан, так и в рамках межведомственного взаимодействия с комиссиями по делам несовершеннолетних и образовательными учреждениями. Это позволяет выявлять семьи «группы риска» на ранней стадии и оказывать им своевременную поддержку.

Важнейшим элементом деятельности таких центров является организация «родительских школ». Эти просветительские программы нацелены на профилактику конфликтов и улучшение коммуникации между родителями и детьми. В рамках «родительских школ» проводятся лекции, семинары и тренинги, посвященные возрастной психологии подростков, методам конструктивного разрешения конфликтов, основам бесконфликтной дисциплины, раннему выявлению признаков употребления психоактивных веществ (ПАВ) или вовлеченности в деструктивные субкультуры.

Повышение степени информированности родителей в подобных программах способно снизить уровень агрессивного и делинквентного поведения у подростков. Это происходит за счет того, что родители приобретают практические навыки:

— активного слушания, что позволяет понять истинные переживания и мотивы ребенка;

— «Я-высказываний» — техники, которая помогает выражать недовольство поведением, не переходя на личность ребенка и не провоцируя конфронтацию;

— установления четких и справедливых границ, что создает у подростка ощущение безопасности и предсказуемости.

Типовая программа таких родительских школ может включать в себя блоки по кризисам подросткового возраста, профилакике интернет-зависимости и кибербуллинга, а также по формированию навыков здорового образа жизни в семье. Таким образом, родительские школы выступают не только как коррекционный, но и как мощный профилактический инструмент, напрямую связанный с образовательно-просветительским направлением, расширяя его воздействие на семейную среду.

Кроме того, на государственном уровне необходимо развивать поддержку семейно-ориентированных мероприятий, в том числе соревнований, конкурсов, образовательных и просветительских проектов для всей семьи, преимущественно на муниципальном и региональном уровнях, но также и федерального масштаба.

Развитие волонтерских инициатив и института наставничества — вторая важная составляющая семейно-общественной поддержки[1]. Эти практики позволяют компенсировать дефицит позитивного общения и социальных связей у подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и создать для них альтернативную референтную группу.

[1] См.: *Игнатова Т. В.* Волонтерство и добровольчество как формы социальной активности молодежи России // Молодежь как социальная группа российского общества: статус, мобильность, особенности коммуникаций : сборник науч. тр. Всерос. науч. конф. Ульяновск : Изд-во УлГТУ, 2024. С. 45—50. EDN: DHUHTR ; *Методические* рекомендации для разработки программ наставничества в рамках реализации Целевой модели наставничества. Омск : Изд. центр КАН, 2021. 32 с. EDN: WHZAVE.

Волонтерские инициативы, направленные на работу с молодежью, могут иметь различную направленность: от организации досуга (спортивные секции, творческие кружки) до социального сопровождения и профориентации. Волонтеры (часто это студенты педагогических и психологических вузов, а также социально активная молодежь) выступают в роли старших товарищей, которые своим примером демонстрируют социально одобряемые модели поведения. Участие в волонтерских проектах и самих подростков с девиантными проявлениями становится мощным реабилитационным инструментом. Помогая другим (например, в рамках экологических акций, помощи пожилым людям или бездомным животным), молодой человек получает опыт социальной ответственности, признания и повышения самооценки, что снижает потребность в самореализации через девиантные формы.

Особое значение в российском научном дискурсе придается наставничеству со стороны старшего поколения. Институт «серебряных» волонтеров или наставников из числа ветеранов, опытных профессионалов, представителей общественных организаций является возрождением и модернизацией традиционных практик межпоколенческой передачи опыта.

Наставник выполняет несколько критически важных функций:

— функция поддержки и принятия: обеспечивает подростку безусловное положительное отношение, которого он может быть лишен в семье или школьном коллективе;

— функция ролевой модели: демонстрирует жизненные стратегии, основанные на уважении, трудолюбии, патриотизме и законопослушании;

— функция социального ориентирования: помогает молодому человеку сориентироваться в сложных жизненных ситуациях, планировать будущее, в том числе профессиональное[1].

[1] См.: *Методические* рекомендации для разработки программ наставничества... EDN: WHZAVE.

Примером функционирования такой модели могут быть программы трудового наставничества для подростков, состоящих на учете в органах внутренних дел. Личная вовлеченность наставника-профессионала, который знакомит подопечного с азами ремесла и способствует его временному трудоустройству, существенно снижает риск рецидива правонарушений[1]. Эта практика напрямую интегрируется с межведомственным взаимодействием, когда социальные службы или комиссии по делам несовершеннолетних выступают инициаторами подключения наставников к конкретным подросткам.

Таким образом, семейно-общественная поддержка, реализуемая через создание центров помощи, родительское просвещение, волонтерство и наставничество, выступает системным интегратором усилий различных социальных институтов. Она воздействует на коренные причины девиаций — неблагополучие в ближайшем социальном окружении молодого человека, — создавая фоновые источники позитивного влияния, поддержки и социализации, без которых другие меры профилактики и коррекции могут оказаться недостаточно эффективными.

Образовательно-просветительская модель противодействия девиантному поведению в молодежной среде тесно взаимосвязана с семейно-общественной и признается в отечественной науке одним из наиболее перспективных и фундаментальных направлений. Ее сущность заключается в целенаправленном формировании у подростков и молодых людей системы знаний, установок и практических навыков, обеспечивающих их устойчивость к негативным социальным влияниям и способствующих конструктивной самореализации. Этот подход носит превентивный, опережающий характер и нацелен на нивелирование причин и условий, порождающих девиации, через воздействие на ключевые сферы личности.

[1] См.: *Поздеева С. И.* Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста: модели и типы наставничества // Научно-педагогическое обозрение. 2017. №2 (16). С. 87—91. EDN: YMZWJR.

Ядром данного направления является внедрение в учебно-воспитательный процесс образовательных учреждений (школ, колледжей, вузов) специализированных программ, сфокусированных на трех ключевых компонентах: формирование правовой грамотности, развитие эмоционального интеллекта и популяризация здорового образа жизни.

Формирование правовой грамотности. Данный компонент направлен на преодоление правового нигилизма и информирование молодежи о юридических последствиях девиантного и делинквентного поведения. Как отмечают эксперты, низкий уровень правосознания выступает одним из факторов, способствующих совершению правонарушений. Внедряемые программы выходят за рамки стандартного курса обществознания и носят прикладной характер. Они включают в себя модули, разъясняющие ответственность за употребление и распространение наркотиков, кибербуллинг, хулиганство, экстремистские проявления[1]. Эффективность таких программ повышается при использовании интерактивных методов: деловых игр по моделированию правовых ситуаций, встреч с представителями правоохранительных органов и юристами, анализа кейсов из судебной практики (с учетом возрастных ограничений). Целью является не только информирование, но и формирование уважения к закону как к гаранту личной безопасности и социальной стабильности.

Развитие эмоционального интеллекта. В современной научной литературе эмоциональный интеллект рассматривается как ключевой протективный фактор, препятствующий агрессивному, аддиктивному и иному деструктивному поведению. Развитие эмоционального интеллекта предполагает формирование у молодежи способности к осознанию и управлению собственными эмоциями, распознаванию эмоций дру-

[1] См., например: *Макарова О.А., Панькина И.М., Волчецкая Т.С., Осипова Е.В.* Методические рекомендации по профилактике травли (буллинга) и социализации детей : учебное электронное издание. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2023. EDN: JMCEDK.

гих людей и эмпатии. Недостаточная развитость этих навыков приводит к неспособности конструктивно разрешать конфликты, противостоять групповому давлению и регулировать психологическое напряжение, что часто компенсируется через девиантные формы поведения. Образовательные программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта, включают в себя упражнения на идентификацию эмоций, тренировку навыков стрессоустойчивости (копинг-стратегии), техники эффективной коммуникации и разрешения конфликтов[1].

Популяризация здорового образа жизни (ЗОЖ). Данное направление носит комплексный характер и направлено на формирование у молодого человека активной жизненной позиции, отвергающей саморазрушающее поведение. Анализ научных работ в данной сфере позволяет сделать вывод о том, что эффективные программы по ЗОЖ выходят за рамки простой пропаганды и строятся на принципах позитивной психологии, ориентируясь на преимущества здорового выбора, а не только на риски негативных последствий[2]. Такие программы включают в себя как информацию о вреде психоактивных веществ, так и модули, посвященные основам рационального питания, важности физической активности, гигиены сна, репродуктивного здоровья. Критически важным аспектом является формирование навыков отказа, то есть умения противостоять предложению попробовать наркотики или алкоголь в группе сверстников.

---

[1] См.: *Педич Г.Г.* Развитие эмоционального интеллекта у студентов вузов 1-го курса // Global Issues Forum 2024: Veterinary medicine, Biology, Biotechnology, Zootechnology, Pedagogical and Philological Sciences : материалы III Междунар. студ. науч.-практ. форума, посвященного 105-летию ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА им. К.И. Скрябина. М. : Изд-во МГАВМиБ-МВА им. К.И. Скрябина, 2024. С. 362—371.

[2] См., например: *Пешков Н.И.* Комплексный подход к сохранению и укреплению здоровья студентов // Актуальные вопросы и перспективы развития физического воспитания, спорта в вузах : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2025. С. 190—192.

Следует отметить, что эффективность профилактических программ напрямую зависит от используемых педагогических и психологических технологий. Лекционная форма, как показывает практика, — наименее эффективна для молодежной аудитории. На первый план выходят интерактивные и практико-ориентированные форматы. Например, тренинги, в рамках которых реализуется деятельностный поход путем активного вовлечения молодежи в выполнение разнообразных заданий, являются основным инструментом для развития эмоционального интеллекта и формирования жизненных навыков в типичных ситуациях. Тренинговая форма работы, в отличие от пассивного получения информации, позволяет в полной мере реализовать потенциал ситуационного подхода и отработать полученные знания на практике в смоделированных ситуациях. Примерами могут служить различные тренинги:

— ассертивного поведения, где подростки учатся отстаивать свою точку зрения, не переходя к агрессии и не подчиняясь манипуляциям;

— по профилактике зависимостей, где отрабатываются навыки отказа и распознавания манипуляций;

— разрешения конфликтов, направленные на поиск конструктивных выходов из спорных ситуаций;

— развития критического мышления, способствующие формированию навыков обдуманного самостоятельного принятия решения, критического анализа ситуации, способности избегать негативного влияния;

— развития ценностных установок, способствующие формированию смысложизненных ориентаций, просоциальных установок, социальной ответственности молодых людей.

Проектная деятельность выступает в качестве ресурса позитивной профилактики, предлагая альтернативные формы самореализации[1]. Той же цели служат мастер-классы. Напри-

[1] См.: *Никитина А. А.* Использование проектной деятельности как метода обучения студентов вуза // Информационные и педагогиче-

мер, мастер-классы от спортивных тренеров, представителей творческих профессий не только дают практические знания в области ЗОЖ, но и мотивируют молодежь на продуктивное использование досуга. Реализация социальных проектов (например, организация школьного спортивного события, создание видеоролика о ЗОЖ, волонтерская акция) позволяет участникам не только усвоить информацию, но и применить ее, получив общественное признание, что укрепляет самооценку и чувство принадлежности к просоциальной группе.

Взаимодействие с психологами является системообразующим элементом, обеспечивающим профессиональное содержание всей профилактической работы. Школьные и внешние психологи не только осуществляют непосредственное проведение тренингов и диагностики, но и выполняют функции консультирования педагогов и родителей, а также индивидуального сопровождения подростков «группы риска»[1]. Важная задача психолога — создание в образовательном учреждении благоприятного социально-психологического климата, снижающего уровень напряженности и агрессии среди учащихся. Работа психолога тесно интегрирована с другими социально ориентированными моделями противодействия девиантному поведению в молодежной среде: например, выявленные в ходе образовательного процесса проблемы требуют семейно-общественной поддержки и становятся основанием для организации межведомственного взаимодействия с социальными и медицинскими службами, в том числе с использованием традиционных правовых инструментов противодействия и профилактики.

ские технологии в современном образовательном учреждении : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. В. Грибкова. Череповец : Изд-во ЧГУ, 2019. С. 216—218. EDN: OBOGIO.

[1] См.: *Кузнецова Е. В.* Социально-психологическое сопровождение адаптации подростков «группы риска» в условиях современной школы // Конструктивные педагогические заметки. 2025. №2 (26). С. 78—86. EDN: TOGHZU.

Таким образом, образовательно-просветительская модель представляет собой не набор разрозненных мероприятий, а целостную систему профилактики, встроенную в образовательную среду. Ее эффективность определяется комплексностью воздействия на когнитивную (правовая грамотность), эмоционально-волевую (эмоциональный интеллект) и поведенческую (ЗОЖ) сферы личности, а также использованием доказавших свою результативность интерактивных методов, что в совокупности создает прочный фундамент для предупреждения различных форм девиантного поведения.

В структуре социально ориентированных моделей противодействия девиантному поведению молодежи модель профилактики с использованием информационно-телекоммуникационных технологий занимает особое место, обусловленное способностью тотального проникновения цифровых технологий в жизненное пространство современного молодого поколения[1]. Данная модель не является автономной, а выполняет интегрирующую, сквозную функцию, усиливая и актуализируя традиционные формы профилактической работы в семейно-общественной, образовательно-просветительской, правовой сферах.

Так, связь с образовательно-просветительской формой работы может реализовываться как через применение онлайн- и дистанционных образовательных технологий, так и путем использования различных элементов геймификации, симуляторов уже сегодня и даже VR/AR-технологий в среднесрочном будущем (например, VR-тренажеры для отработки навыков противодействия буллингу), что позволит моделировать сложные социальные ситуации (давление сверстников, предложение ПАВ) в безопасной среде и отрабатывать навыки конструктивного поведения.

[1] См.: *Балина Т. Н., Конджарян А. А.* Особенности информационного поведения молодежи с разным уровнем склонности к экстремально-рискованному поведению // Актуальные проблемы психологического знания. 2025. №1 (70). С. 83—100. EDN: WAWOHE.

Кроме того, онлайн-курсы и мобильные приложения (например, по правовой грамотности и ЗОЖ) обеспечивают доступ к профилактической информации за пределами учебного задания в любое время.

Таким образом, цифровая модель превращает образовательно-просветительскую деятельность из эпизодической (урок, лекция, индивидуальная беседа) в постоянно сопровождающий молодого человека процесс.

Следует отметить, что внедрение цифровых технологий также способствует повышению доступности и эффективности профилактической работы в семейно-общественной сфере. Так, вебинары, школы для родителей могут быть перенесены в цифровой формат с учетом возможностей работающих родителей или для семей, находящихся в отдаленных регионах нашей страны. По аналогии возможно создание закрытых онлайн-сообществ для обмена опытом и поддержки родителей, чьи дети проявляют признаки девиантного поведения; консультации семейных психологов в формате видеозвонков делают эту помощь более доступной, особенно для занятых родителей или проживающих в сельской местности. Представляется также необходимым формирование цифровой грамотности родителей: специализированные онлайн-курсы и ресурсы (например, портал «Я-родитель» Фонда поддержки детей) учат родителей распознавать цифровые риски (кибербуллинг, игровая зависимость, опасный контент) и выстраивать с ребенком конструктивный диалог о его онлайн-жизни[1]. Это напрямую способствует улучшению коммуникации и профилактике конфликтов в семье.

Подводя итог, можно отметить, что модель цифровой профилактики представляет собой целенаправленную, системную деятельность по использованию информационно-коммуника-

[1] См. *Официальный* сайт Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. URL: https://fond-detyam.ru/o-fonde/deyatelnost-fonda/ya-roditel/ (дата обращения: 17.05.2025).

ционных технологий (ИКТ) для предупреждения возникновения и развития различных форм девиантного поведения в молодежной среде, включая профилактику кибербуллинга, правонарушений экстремистской направленности и других распространенных сегодня форм девиантного поведения молодежи.

Структурно данная модель должна включать несколько ключевых компонентов: информационно-просветительский, консультационно-диагностический, профилактико-коррекционный, мониторингово-аналитический.

Представляется, что в данной модели существенное значение приобретает развитие информационно-просветительского компонента, чей потенциал в недостаточной мере задействован на сегодняшний день.

Данный компонент модели направлен на создание и распространение в цифровой среде просветительского, позитивного, конструктивного контента, альтернативного деструктивным информационным потокам. Речь идет о развитии специализированных онлайн-платформ, порталов и социальных сетей, создании специализированных каналов в популярных социальных сетях и мессенджерах, публикующих материалы по формированию правосознания, здорового образа жизни, стрессоустойчивости и критического мышления. Причем эффективность такого контента возрастает при использовании форматов, имманентных цифровой культуре молодежи[1]: интерактивные инфографики, короткие видеоролики (*Reels*, *TikTok*), образовательные мемы, подкасты. Примером является деятельность онлайн-проектов, таких как «Травли.Net» (разработка АНО «БО “Журавлик”»)[2], который предоставляет подросткам,

[1] См.: *Авакьян М.В.* Актуальные вопросы использования информационных технологий в рамках антитеррористической профилактики // Современные подходы в противодействии терроризму и экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5—14. EDN: FMXRRD.

[2] *Официальный* сайт проекта «ТравлиNET». URL: http://травлинет.рф (дата обращения: 17.05.2025).

родителям и педагогам практические материалы и алгоритмы организации противодействия буллингу и кибербуллингу. Необходимо направить внимание государственных органов (например, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ, Министерства молодежной политики РФ, Росмолодежи, в том числе на уровне субъектов), негосударственных фондов на поддержку гражданских инициатив в данной сфере, поскольку недостаток их количества и качества все более очевиден, в том время как распространение деструктивного контента не просто опережает, но и гибко следует за предпочтениями сегодняшней молодежи.

Консультационно-диагностический компонент предполагает оказание психологической, юридической и социальной помощи в онлайн-формате. Это включает в себя создание служб онлайн-консультирования (проверенные чат-боты, чаты с психологом, форумы поддержки), телефонов доверия с возможностью мессенджер-коммуникации, а также применение цифровых скрининговых инструментов для раннего выявления рисков девиантного поведения. Анонимность и доступность онлайн-консультирования снижают барьер обращения за помощью для подростков, испытывающих стыд или страх осуждения. Такие сервисы, как «Помощь и поддержка для подростков» *ВКонтакте*[1], обеспечивают быстрое включение в кризисную ситуацию и дальнейшее перенаправление клиента в офлайн-службы при необходимости. Нужна также активизация данного направления — путем его включения в приоритеты поддержки негосударственных организаций, специализирующихся на оказании помощи молодежи, в том числе с отклоняющимся поведением, и развитии различных альтернативных

[1] См.: *Официальный* сайт проекта «Перекресток. Помощь и поддержка для подростков и их ближайшего окружения». URL: https://perekrestok.info/ (дата обращения: 17.05.2025) ; *Группа* проекта ВКонтакте. URL: https://vk.com/perekrestok.plus?t2fs=8fc8498e7cc9a2e40f_3 (дата обращения: 17.05.2025).

деструктивным форм деятельности (спортивных, творческих и др.), помимо созданий новых специализированных общественных и иных некоммерческих организаций.

Профилактико-коррекционный компонент может быть реализован путем внедрения дистанционных профилактических программ и тренингов, направленных на развитие социально-психологических компетенций (эмоциональный интеллект, навыки отказа, разрешение конфликтов). В качестве форм организации могут быть предложены технологии вебинаров, онлайн-тренажеров, сервисов для групповой проектной работы. Данный компонент позволяет охватить профилактической работой молодежь из удаленных регионов или с ограниченной мобильностью.

Требует значительных ресурсов развитие мониторингово-аналитического компонента. В ближайшей перспективе он должен быть основан на применении технологий *big data* и семантического анализа для выявления маркеров девиантного поведения и деструктивных сообществ в социальных сетях. На сегодняшний день в нашей стране разработаны и функционируют подобные парсинговые системы — как в отдельных регионах, так и на территории всей страны, например для противодействия распространению экстремистских идей и суицидального контента. Также в ряде регионов функционирует пилотный проект «Киберпатруль», в рамках которого волонтеры и специалисты мониторят интернет-пространство[1]. Однако массовое появление различного рода деструктивных воздействий, активизация вовлечения в различные виды деструктивной деятельности молодого поколения и увеличивающийся объем требуемой обработки информации обусловливают необходимость в регулярном технологическом совершенствовании существующих решений, в том числе с учетом стремительно развивающихся возможностей нейросетей.

[1] См., например: *Официальный* сайт Мурманского арктического университета. URL: https://mauniver.ru/student/community/cyberpatrol/ (дата обращения: 17.05.2025).

Полагаем, что развитие цифрового модуля обусловливает необходимость внедрения программ дополнительной подготовки психологов и социальных педагогов, которые будут специализироваться на работе непосредственно в цифровом пространстве — в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах. Они смогут профессионально выявлять признаки кибербуллинга, деструктивного контента, групп суицидальной направленности, организовывать позитивные онлайн-сообщества, проводить вебинары по цифровой безопасности.

Следует отметить, что сквозной характер цифровой модели проявляется в ее способности создавать единое информационно-коммуникационное поле, связывающее всех субъектов профилактики: подростка, педагога, психолога, родителя, наставника. Цифровые инструменты обеспечивают синхронизацию усилий, оперативный обмен информацией (в рамках этических и правовых норм) и, как следствие, комплексность и непрерывность воздействия на молодого человека в рамках всех ключевых сред его развития — образовательной, семейной и цифровой.

В заключение следует отметить, что эффективность модели цифровой профилактики напрямую зависит от решения сопутствующих проблем: преодоления цифрового неравенства, обеспечения кибербезопасности и разработки этических регламентов использования данных.

Одной из наиболее серьезных форм проявления девиантного поведения молодых людей в последние годы на фоне противостояния внешним угрозам стало увеличение количества случаев участия молодежи в различных экстремистских, террористических организациях, а также участившиеся случаи вовлечения российских граждан в совершение преступлений террористического характера, в том числе обманным путем.

Специалисты (Ю. А. Клейберг, О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Д. А. Лазарев, В. В. Сдобняков и др.) неоднократно отмечали, что наиболее уязвимой перед экстремистским воздействием социальной группой являются молодые люди, в част-

ности студенческого возраста[1]. Значимую роль в предотвращении совершения преступлений экстремистской и террористической направленности, на наш взгляд, играет системность реализации и повышение эффективности превентивных мер еще на начальном этапе возможных экстремистских проявлений у молодых людей, поступивших в вузы.

Считаем, что в решении проблем превенции экстремистских проявлений у студенческой молодежи важное значение принадлежит образовательному учреждению высшего образования как основному ресурсу обеспечения патриотического, духовно-нравственного развития студентов и формирования их ценностных ориентиров[2].

Решение проблемы превенции экстремистских проявлений у студенческой молодежи в образовательной среде вуза сегодня диктует необходимость расширения пространства профилактической деятельности в соответствии со сложившейся со-

[1] См., например: *Клейберг Ю.А.* Девиантология терроризма и экстремизма : монография. М. : Изд-во МПСУ, 2016. 140 с. ; *Кружкова О.В., Воробьева И.В.* Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2019. №4. С. 160—185 ; *Лазарев Д.А.* Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия : дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2017. 169 с. ; *Сдобняков В.В.* Научно-организационный подход к построению системы профилактики деструктивного поведения обучающихся в условиях университета педагогического профиля // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 5 (235). С. 35—49. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-5-35-49.

[2] См.: *Кузьмин А.В.* Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде : дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2014. 413 с. ; *Москаленко С.Г., Казимирова Н.Г.* Правовая и этико-культурная превенция экстремизма // Философия права. 2015. №1 (68). С. 45—50 ; *Федотова О.Д.* У истоков проблемы педагогической превенции терроризма: подход западногерманского исследователя // Российский психологический журнал. 2010. №5. С. 121—126.

циально-политической ситуацией[1]. Данная работа включает в себя комплекс мероприятий превентивного характера, ориентированный на создание условий для полноценного развития личности и нивелирование факторов, провоцирующих проявления экстремизма.

В основе экстремистской деятельности молодых людей в образовательном пространстве высшего учебного заведения, по мнению А. С. Эльзессер, находится социально-психологическая дезадаптация личности по экстремистскому вектору, предполагающая формирование деструктивных личностных свойств. Экстремистская направленность личности молодых людей в образовательном пространстве учебного заведения проявляет себя в устойчивых поведенческих паттернах, отражающих предиспозицию экстремизма[2].

Основным целевым ориентиром вуза в аспекте именно педагогической превенции экстремистских проявлений в молодежной среде становится личностное развитие студентов, обладающих способностью противостоять негативным социальным явлениям, невосприимчивостью к пропаганде идеологии экстремизма и терроризма[3]. В основе профилактической работы «должна лежать идея управляемой социализации»[4].

---

[1] См.: *Амельченко Ю. А.* Комплекс мер превенции правонарушений // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2009. № 1. С. 274—282. EDN: XXZKTJ ; *Щебланова В. В.* Превенция терроризма в контексте программно-целевого метода // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 228—231. EDN: KXLYZL.

[2] *Эльзессер А. С.* Индивидуально-психологические характеристики личности студентов, склонных к экстремизму : дис. … канд. психол. наук. Владивосток, 2024. 221 с. EDN: TAVOTY.

[3] *Зеленов Ю. Н.* Теория и практика педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2014. 39 с. EDN: ZPMICH.

[4] Там же. С. 29.

А. Ю. Юлдашевым анализируются предложенные специалистами модели профилактики экстремистских проявлений, которые лежат в основе противодействия терроризму: модель профилактики, «основанная на усилении роли традиционных институтов социализации»; модель «профилактической работы по снижению деструктивного потенциала молодежных субкультур»; вариативные модели противодействия экстремизму и терроризму в системе непрерывного профессионального образования молодежи[1]. Сюда следует добавить модель профилактики, основанную на усилении роли духовно-нравственных ценностей в структуре социализации молодежи.

В. В. Сдобняков справедливо предлагает разделить теоретико-методологические подходы к организации профилактической деятельности в отношении обучающихся в вузе молодежи на четыре направления, которые ориентированы: на повышение жизнестойкости и адаптивности личности; на формирование идентичности; на диалоги и активную общественную позицию; на вовлеченные и устойчивые сообщества[2].

Анализ научной литературы позволил выделить следующие ключевые направления профилактической работы, интегрируемые в учебно-воспитательный процесс образовательной организации.

1. Информационно-просветительское направление: нацелено на ликвидацию выявленного пробела в знаниях (тематические лекции, семинары, открытые диалоги, встречи с практиками, основная задача которых — разъяснение сущности экстремизма и терроризма, их общественной опасности и правовых последствий).

---

[1] См.: *Юлдашев А. Ю.* Терроризм как социальное явление: диагностика и пути предотвращения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Humanities, social-economic and social sciences. 2024. №6. URL: https://online-science.ru/userfiles/file/yuldashev_a_yu_2024_6_e62ssjhbb5.pdf (дата обращения: 17.05.2025). EDN: GDUJSO.

[2] См.: *Сдобняков В. В.* Указ. соч.

2. Ценностно-ориентационное и духовно-нравственное направление: нацелено на формирование позитивных ценностей и гражданской идентичности через воспитание толерантности, формирование правовой грамотности, развитие критического мышления (интерактивные занятия разных форматов, круглые столы, тренинги, разработка и распространение информационных материалов антитеррористического характера и др.).

3. Социально-проектное и деятельностное направление: вовлечение молодежи в позитивную социальную практику, являющуюся, на наш взгляд, одной из наиболее эффективных форм профилактики (выполнение творческих проектов, участие в правовом просвещении, проектных сессиях, хакатонах и подобных форматах, которые позволяют не только усвоить знания, но и активно их пропагандировать среди сверстников).

4. Психолого-педагогическое и коррекционное направление: подразумевает работу с группой риска на основе данных диагностики (включает проведение тренингов по профилактике и разрешению конфликтов, развитию навыков коммуникации и саморегуляции, а также индивидуальную консультационную работу с психологом).

Исходя из этого, полагаем, что на уровне образовательной среды вуза педагогическая превенция экстремистских проявлений у студентов уже сегодня должна включать в себя несколько важных аспектов:

— обеспечение в образовательной среде вуза системы превентивного воспитания как целенаправленного формирования личностных качеств и духовно-нравственных ценностей молодых людей, позволяющих противостоять негативным социальным явлениям;

— создание информационного пространства, способствующего приобретению студентами систематизированных научных знаний в области противодействия экстремизму и идеологии терроризма;

— реализация психолого-педагогической работы, направленной на противодействие вовлечению студентов в негативные ситуации экстремистского характера;

— разработка в образовательной среде вуза комплекса мероприятий по педагогической профилактике возникновения экстремистских проявлений.

Данная педагогическая превенция направлена на достижение молодыми людьми устойчивого ответственного поведения, а также минимизацию рисков влияния негативных факторов, провоцирующих проявления экстремизма.

Следует учитывать, что получение молодыми людьми высшего образования способствует не только формированию профессиональных компетенций, но и развитию личностных качеств, определяя способность самостоятельно справляться с возникающими жизненными проблемами и противостоять неблагоприятным деструктивным проявлениям. Поэтому проблема педагогической превенции экстремистских проявлений становится важным направлением учебно-воспитательной работы вуза, с учетом обновлений приоритетов, целей, задач, содержательного наполнения, организационных аспектов и технологии данной работы[1]. Педагогическую превенцию экстремистских проявлений необходимо выстраивать с учетом: диагностики личностного развития молодых людей и их способности противостоять негативным явлениям социальной среды; особенностей образовательной среды вуза; педагогических ресурсов повышения социальной компетентности студентов в различных аспектах профилактики и преодоления деструктивных явлений.

[1] См.: *Авакьян М.В.* Актуальные вопросы использования информационных технологий в рамках антитеррористической профилактики // Современные подходы в противодействии терроризму и экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5—14 ; *Давлетбаева З.К.* Психологическая превенция и профилактика: понятийный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. №1. С. 3—10.

Реализуя в вузе систему работы по превенции экстремистских проявлений, важно знать специфику вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, особенности различных форм экстремизма, факторы, провоцирующие экстремистские проявления. Педагогическая превенция — это деятельность, которая в дальнейшем способна привести к позитивным результатам и предупредить негативные, поскольку в основе превенции лежит принцип опережения. Результативность превенции экстремистских проявлений обусловлена комплексной системой факторов предупреждения деструктивного поведения молодых людей.

В этой связи следует привести пример организации и функционирования системы координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма в более чем 80 вузах, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации[1]. Начав свою деятельность в 2023 году на базе федеральных вузов, координационные центры постепенно становятся системообразующими структурами в части превентивной деятельности антиэкстремистского и антитеррористического характера в отношении студенческой молодежи в образовательной среде не только вузов, на базе которых они функционируют, но и в образовательной среде иных вузов, расположенных в соответствующих регионах страны. Сотрудники координационных центров проводят свою работу на основе глубоких научных знаний в области противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации. На этой же основе формируется и комплекс современных методов и форм работы со студенческой молодежью, куда входят: проектная деятельность, использование технологий «живого пра-

[1] См.: *Официальный* сайт Минобрнауки РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/60863/ (дата обращения: 20.05.2025).

ва» (правовое просвещение), тематические образовательные интенсивы (летняя школа, хакатон)[1], тренинги, мастер-классы, дискуссионные площадки, творческие конкурсы с использованием цифровых технологий.

3.2. Криминалистическое противодействие девиантному поведению молодежи в условиях цифровизации молодежной среды

В современном обществе, где прежние, традиционные поведенческие установки, нормы и ценностные ориентиры постепенно утрачивают свою актуальность, поскольку не всегда соответствуют социально-экономическим, духовно-нравственным, общественным и политическим вызовам, вполне закономерно возникают новые формы девиантного поведения.

Как отмечалось ранее, молодое поколение наиболее остро реагирует на изменения во всех сферах жизни общества, молодежь в силу своих социально-демографических особенностей быстрее других поколений перенимает новые нормы, правила поведения, ценностные ориентации, поэтому она больше других нуждается в социальной и культурной идентичности человека в обществе[2].

В социологии проблемам девиации посвящали свои исследования такие авторы, как Э. Дюркгейм, А. Кетле, в отечественной литературе — Я. Гилинский, А.В. Дмитриев, М.Е. Позднякова и др.[3]

---

[1] См., например: *Официальный* сайт БФУ им. И. Канта. URL: https://kantiana.ru/news/khakaton-legaltech-zavershilas-publichnaya-prezentatsiya-razrabotannykh-proektov/ (дата обращения: 20.05.2025).

[2] См.: *Жукова Е.Д., Гильмиянова Р.А.* Социокультурная идентичность: особенности формирования // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. №1 (102). С. 133—145. EDN: VBSYXO.

[3] См.: *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 39—44 ;

Научная концепция девиации связана с таким понятием, как «аномия», введенным в научный лексикон Э. Дюркгеймом, который под этой дефиницией понимал социальное состояние распада, ослабления норм, обусловленные социальной дезорганизацией[1]. Вопросы структурирования форм и типов девиантного поведения нашли свое отражение в работах Р. К. Мертона[2].

С позиции классической социологии девиантное поведение представляет собой поступок, не соответствующий в данный момент времени нормам и ожиданиям, принятым в обществе (социальной группе)[3]. Следует подчеркнуть, что сама девиация может принимать не только отрицательные формы, но и положительные. Попытаемся проанализировать исключительно отрицательные проявления девиации молодежи в цифровой среде.

Современное поколение молодых людей представляет собой цифровое поколение, которое росло и формировалось под воздействием информационно-коммуникационных технологий и радикально отличается от своих родителей и предыдущих

Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие / пер. с фр. Л. Н. Шаховской. М. : Либроком, 2020. 314 с. ; *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» : монография. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Алеф-Пресс, 2013. 650 с. ; *Дмитриев А. В., Кудрявцев С. В., Кудрявцев В. Н.* Введение в общую теорию конфликтов : монография / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1993. 212 с. ; *Позднякова М. Е.* Влияние интернет-сообществ на распространение девиантных форм поведения в современной России (на примере наркотизма) // Россия реформирующаяся / отв. ред. М. К. Горшков. 2009. № 8. С. 128—149.

[1] См.: *Ковалева А. И.* Аномия // Знание. Понимание. Умение. 2005. №4. С. 155. EDN: JJSCLF.

[2] См.: *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118—124.

[3] См.: *Гилинский Я.* Указ. соч. С. 24.

поколений. Как видится, риск развития девиантного поведения заключается в изменении механизмов социализации. Традиционные сферы социализации, такие общественные институты, как семья и школа, уступают место интернет-технологиям как новому виду коммуникации. Актуальность этой проблематики подтверждается тем, что за последние несколько лет появились новые формы девиации молодежи, негативно влияющие на психическое и физическое здоровье подрастающего поколения. Цифровизация молодежной среды, выступая катализатором социально-экономического прогресса, одновременно порождает новые формы девиантного поведения, требующие особого подхода в криминалистическом противодействии. Глобальная интеграция информационно-коммуникационных технологий трансформирует традиционные девиантные практики, усиливая их латентность, масштаб распространения и социальную опасность[1]. По данным исследований, 89% российских несовершеннолетних являются постоянными пользователями интернета, причем 32% старшеклассников проводят в сети свыше 5 часов ежедневно. Эта гиперконнективность[2] создает питательную среду для кибербуллинга, распространения экстремистского контента, цифрового мошенничества и иных форм отклоняющегося поведения, которые не только

[1] См.: *Казанцева Л.А., Казанцев С.Я.* Научные принципы предупреждения и преодоления цифровых девиаций подростков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, №2 (12). С. 171—176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-printsipy-preduprezhdeniya-i-preodoleniya-tsifrovyh-deviatsiy-podrostkov (дата обращения: 31.05.2025). EDN: OHOOFQ.

[2] Гиперконнективность — термин, введенный канадскими социологами А. Куан-Хаас и Б. Веллманом при исследовании взаимодействия между людьми и между людьми и машинами в сетевых сообществах и организациях. Другим названием этого явления стала культура *Always on* («Всегда подключен»). В большинстве исследований гиперконнективность рассматривается с точки зрения соблюдения баланса между работой и частной жизнью.

существуют в виртуальном пространстве, но и детерминируют преступления в физической реальности. Примером служат случаи вовлечения подростков через закрытые онлайн-сообщества в террористические движения (например, «Колумбайн») или незаконный оборот наркотиков[1].

Цифровое пространство имеет ряд специфических особенностей, среди которых можно выделить анонимность, трансграничность и скорость коммуникации. Думается, что эти свойства оказывают существенное влияние на природу девиаций среди молодежи. Проведенные исследования, посвященные цифровой среде молодого поколения, демонстрируют ряд интересных тенденций. Так, в 2023 году исследование «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодежи» показало, что молодежь использует информационно-коммуникационные технологии для общения, чтения новостей, саморазвития. Научные исследования, посвященные разработке модели профилактики отклоняющегося поведения студенческой молодежи цифрового поколения, показывают, что существуют два типа рисков цифровой социализации: инклюзивные и эксклюзивные[2]. Инклюзивные риски связаны со стремлением молодежи к сетевым формам коммуникации, что влечет за собой потерю самоидентичности; эксклюзивные риски приводят к сокращению социальных контактов подростка, снижению и игнорированию им этических и моральных норм.

---

[1] См.: *Нынюк Р.Н.* Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. №2 (26). С. 110—119. doi: 10.55001/2587-9820.2023.40.98.011. EDN: GCLRQW.

[2] См.: *Ученые* ЯГПУ выяснили, как цифровая среда влияет на поведение современной молодежи // Российское образование : медиапортал. URL: https://ro-edu.ru/nir/2025/12/uchjonye-jagpu-vyjasnili-kak-cifrovaja-sreda-vlijaet-na-povedenie-sovremennoj-molodezhi/ (дата обращения: 13.06.2025).

Представляется, что основными рисками цифровизации молодежной среды являются анонимность профилей пользователей, глобальная доступность информационно-телекоммуникационных технологий, цифровая социализация подрастающего поколения. Думается, что каждый из факторов риска имеет свое характерное проявление отклоняющегося поведения молодежи, в рамках которого следует разрабатывать и реализовывать криминалистические методы противодействия данным негативным социальным явлениям (табл.).

Основные риски цифровизации молодежной среды

Фактор риска	Проявление девиации	Криминалистический вызов
Анонимность профилей	Кибербуллинг, распространение запрещенного контента	Сложность идентификации нарушителей
Глобальная доступность	Вербовка в экстремистские сообщества	Необходимость международного сотрудничества
Цифровая социализация	Формирование деструктивных норм поведения	Профилактика латентных форм девиации

Анонимность, подтверждаемая данными опросов (12 % подростков 12—13 лет регистрируются в социальных сетях под вымышленными именами), способствует формированию «цифрового альтер эго», позволяющего индивидам игнорировать социальные нормы[1]. Трансграничность упрощает распространение деструктивных идеологий, таких как пропаганда неонацистских группировок («Маньяки. Культ убийств»), тар-

[1] См.: *Гурьянчик В.Н.* Латентные и интернет-опосредованные формы отклоняющегося поведения молодежи // Педагогика и просвещение. 2024. №4. С. 86—96. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72780 (дата обращения: 31.05.2025). doi: 10.7256/2454-0676.2024.4.72780. EDN: XTTETI.

гетирующих российскую молодежь[1]. Кроме того, цифровая социализация, по определению Г. У. Солдатовой, ведет к стихийной социализации, где доминируют неконтролируемые информационные потоки, подрывающие традиционные институты воспитания.

Цифровое пространство, в котором функционирует современная молодежь, характеризуется комплексом уникальных атрибутов, трансформирующих традиционные механизмы социализации. *Анонимность*, обеспечиваемая техническими средствами (использование вымышленных идентификаторов, VPN, шифрование), создает условия для формирования альтернативных идентичностей и снижения уровня социальной ответственности[2]. *Глобальная доступность* инфраструктуры интернета стирает географические барьеры, облегчая трансграничное распространение деструктивных идеологий — от экстремистских сообществ до криминальных субкультур. Одновременно *высокая скорость коммуникаций* (обмен сообщениями в режиме real-time, алгоритмическое распространение контента) способствует лавинообразному эффекту при вирусном распространении опасных челленджей или дезинформации[3].

Социальные сети (*ВКонтакте*, *TikTok*, *Telegram*) выступают основными хабами молодежной активности, сочетая функ-

[1] См.: *Геляхова Л. А.* Предупреждение и пресечение сотрудниками правоохранительных органов девиантного поведения несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2022. №4. С. 225—229. EDN: YMOSTX.

[2] См.: *Абдалина Л. В., Зыков К. А.* Цифровая девиация как феномен современного мира // Гаудеамус. 2022. Т. 21, №4. С. 85—95. doi: 10.20310/1810-231X-2022-21-4-85-95. EDN: LKPXTQ.

[3] См.: *Шаров А. А.* Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №3 (51). С. 255—261. URL: https://cyberpsy.ru/articles/deviantnaya-aktivnost-molodezhi-v-internete/ (дата обращения: 31.05.2025). EDN: ZDWKMF.

ции коммуникации, развлечения и предоставления информации. Их алгоритмическая архитектура, основанная на персонализации контента, формирует «*фильтрующие пузыри*» — изолированные информационные пространства, где усиливается поляризация взглядов и закрепляются девиантные нормы. Игровые среды (такие, как *Roblox**, *Fortnite*) эволюционировали в социальные платформы с элементами метавселенных, где 70 % взаимодействий подростков включают неигровые практики: обмен криптовалютами, участие в закрытых чатах, координация неформальных групп. Мессенджеры (*WhatsApp*, *Discord*) доминируют в приватной коммуникации, обеспечивая шифрование и автоудаление сообщений, что осложняет мониторинг противоправной деятельности. Статистика 2023 года указывает, что 40 % младших школьников в России имеют аккаунты в соцсетях, а среди 14—17-летних этот показатель достигает 89 %[1].

Ключевой проблемой является *снижение контроля* со стороны традиционных институтов социализации — семьи и образовательных учреждений. Родительская медиаграмотность отстает от технологических изменений: лишь 32 % родителей регулярно используют средства родительского контроля, тогда как 67 % подростков легко обходят ограничения[2]. *Киберсоциализация* как процесс стихийного усвоения норм в онлайн-среде ведет к формированию «*параллельной реальности*», где доминируют ценности, противопоставленные офлайн-обществу. Например, в деструктивных сообществах культивируется героизация участников «колумбайн-сообществ» или финансовых мошенников. *Закрытые сообщества* (чаты в *Telegram*, приватные форумы) создают эхо-камеры для распространения

* Игра заблокирована Роскомнадзором.

[1] См.: *Трофимова Е. И.* Влияние цифровизации на развитие личности современных детей // Молодой ученый. 2021. №34 (376). С. 170—172. URL: https://moluch.ru/archive/376/83699/ (дата обращения: 31.05.2025). EDN: ZDQPXI.

[2] См.: Там же.

радикальных идей: исследования фиксируют рост таких сообществ на 45 % за 2020—2024 годы, причем 80 % участников составляют лица 16—22 лет.

Цифровая среда передопределяет следующие базовые механизмы взаимодействия:

— *подмена реальных практик виртуальными суррогатами:* дворовые игры замещаются онлайн-геймингом, живое общение — стикерами и реакциями; 85 % подростков признают, что конфликты в Сети воспринимают острее, чем офлайн-проблемы;

— *кризис идентичности:* формирование «цифрового следа» опережает становление личности, создавая риски репутационных коллапсов; 11 % молодежи сталкивались с дискредитацией репутации через утечки приватных данных;

— *экономизация отношений:* популярность флейминга и виртуального попрошайничества отражает тенденцию к инструментализации общения.

По мнению И. Тархановой, основными формами девиации молодежи в цифровой среде являются кибербуллинг, интернет-мошенничество, распространение запрещенного контента[1].

Г. Б. Кошарная и Е. А. Данилова выделяют в качестве новых форм девиации молодежи такие, как патологическая зависимость от социальных сетей и компьютерных игр, большое воздействие «лидеров общественного мнения» (блогеров) на мировоззрение подростков и молодежи, часто сопровождающееся стигматизацией, навязыванием идеалов «искусственной красоты», а также снижение чувства патриотизма, селфомания, онлайн-шейминг (социальное осуждение), шоплифтинг (магазинные кражи), возрастающие тенденции социальной

[1] См.: *Ученые* ЯГПУ выяснили, как цифровая среда влияет на поведение современной молодежи // Российское образование : медиапортал. URL: https://ro-edu.ru/nir/2025/12/uchjonye-jagpu-vyjasnili-kak-cifrovaja-sreda-vlijaet-na-povedenie-sovremennoj-molodezhi/ (дата обращения: 13.06.2025).

напряженности, конфликтности и суицидального поведения («группы смерти») и социального пессимизма[1].

Следует согласиться с позицией исследователей и подчеркнуть, что цифровая трансформация молодежного пространства породила специфические формы отклоняющегося поведения, отличающиеся от традиционных девиаций латентностью, масштабом воздействия и механизмами реализации. Представляется, что к рассмотренным формам девиаций среди молодежи можно добавить следующие.

Кибербуллинг эволюционировал в системную агрессию, включая *доксинг* (публикация личных данных), *аутинг* (разглашение секретов) и *фрейпинг* (компрометация через взлом аккаунтов). Российские исследования фиксируют, что 28% подростков 12—15 лет сталкивались с травлей в играх и социальных сетях, причем 40% жертв не сообщали об инцидентах взрослым из-за страха эскалации[2]. Особую опасность представляет *суицидальный буллинг* — целенаправленное доведение до самоубийства через анонимные сообщества, где фиксировались случаи координации групп «abus» против психически уязвимых подростков.

Распространение деструктивного контента приобрело институционализированные формы. Помимо классического экстремизма, наблюдается рост *киберсектантства* (вербовка в онлайн-культы типа АУЕ[3] или «Синий кит»), *цифрового*

[1] См.: *Кошарная Г.Б., Данилова Е.А.* Современные формы девиантного поведения молодежи в условиях цифровизации российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №2. С. 100—109. doi: 10.21685/2072-3016-2021-2-10. EDN: APZPGA.

[2] См.: *Кибербуллинг:* 52% детей сталкивались с агрессией в онлайн-играх // Институт общественного мнения : официальный сайт. URL: https://iom.anketolog.ru/2024/07/19/deti-i-kiberbulling?ysclid=mbxsjgli4l671121719 (дата обращения: 31.05.2025).

[3] Верховный суд Российской Федерации 17 августа 2020 года признал АУЕ экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории страны.

наркотизма (пропаганда сниффинга, «дизайнерских» наркотиков через зашифрованные каналы *Telegram*) и *киберсуицидального контента*. Параллельно развивается *deepfake-порнография* с использованием фотографий несовершеннолетних: в 2023 году Роскомнадзор заблокировал 1200 ресурсов с подобным контентом, 67 % жертв составили девушки 14—17 лет[1].

Финансовые кибердевиации перешли от примитивного фишинга к сложным схемам. Подростки активно вовлекаются в *дропперство* (перевод незаконных средств за комиссию), *кардинг* (кража данных платежных карт) и *криптомошенничество* (псевдоинвестиционные проекты). Каждый пятый участник скам-групп в даркнете — несовершеннолетний, привлекаемый через игровые чаты обещаниями «легкого заработка». Отдельную категорию составляют *NFT-аферы*, где под видом «коллекционирования цифрового искусства» реализуются схемы отмывания денег. Статистика Банка России отмечает рост ущерба от подросткового кибермошенничества на 45 % за 2022—2024 годы, достигшего 3,8 млрд рублей[2].

Опасные онлайн-челленджи трансформировались в инструмент криминальной самоорганизации. Тренды типа «сладкий пай» (кража товаров из магазинов) или «зацепинг в метро» координируются через TikTok-хэштеги, собирающие до 500 тыс. просмотров[3]. Наиболее деструктивны *киберсуицидальные квесты* с элементами геймификации, использующие нейросети для адаптации сценариев под психотип участника. В 2023 году Следственный комитет РФ расследовал 17 случаев гибели подростков, связанных с прохождением подобных «уровней» в закрытых чатах.

---

[1] См.: *Кибербуллинг:* 52 % детей сталкивались с агрессией в онлайн-играх // Институт общественного мнения : официальный сайт. URL: https://iom.anketolog.ru/2024/07/19/deti-i-kiberbulling?ysclid=mbxsjgli4l671121719 (дата обращения: 31.05.2025).

[2] См.: Там же.

[3] См.: Там же.

Цифровые зависимости демонстрируют клинически значимую динамику. Помимо игровой и соцсетевой аддикции, выделяют *shopping addiction* (компульсивные покупки в онлайн-магазинах), *streaming-зависимость* (ежедневный просмотр стримов в течение нескольких часов подряд) и *infomania* (навязчивая проверка уведомлений). МРТ-исследования выявили у таких подростков снижение плотности дофаминовых рецепторов D2 на 15—20 %, сопоставимое с наркотической зависимостью. Клиника им. Сербского диагностирует интернет-зависимость у 34 % пациентов подросткового отделения, причем у 68 % из них отмечаются сопутствующие депрессивные расстройства[1].

Нейрофизиологические девиации представляют особый исследовательский интерес. Феномен «*цифрового аутизма*» (снижение эмпатии, невербальной коммуникации) подтверждается научными данными. *Кибердиссоциация* проявляется как расстройство идентичности: 19 % опрошенных студентов признают создание «цифровых альтер-эго» для участия в девиантных практиках. У 8 % диагностируется *киберхондрия* — навязчивый поиск симптомов заболеваний, ведущий к соматизации психологических проблем[2].

Гендерная специфика девиаций выражена статистически значимо. Юноши доминируют в кибербуллинге (78 %) и игровой зависимости (62 %), девушки — в неконтролируемом шопинге (81 %) и селфхарме (67 %). Региональные различия от-

[1] См.: *Циркин В. И., Багаев В. И., Бейн Б. Н.* Роль дофамина в деятельности мозга (обзор литературы). Кировская государственная медицинская академия. URL: file:///C:/Users/mgf76/Downloads/rol-dofamina-v-deyatelnosti-mozga-obzor-literatury.pdf (дата обращения: 31.05.2025). EDN: OWMEAH.

[2] См.: *Гулеватая А. Н., Пеннер Р. В.* Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. №1. URL: https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324 (дата обращения: 31.05.2025). EDN: XNIKCI.

ражают цифровое неравенство: в сельской местности и небольших городах преобладает кибермошенничество (фишинг через SMS), в городах-миллионниках — участие в NFT-аферах[1].

Криминалистические методы противодействия девиантному поведению молодежи в цифровой среде должны носить комплексный характер и представлять собой совокупность научных разработок и технико-криминалистических средств противодействия данной категории преступлений. Думается, что функция криминалистики в этих условиях приобретает междисциплинарный характер, сочетая технические, правовые и социальные инструменты. Ключевой вызов — адаптация классических методов расследования к динамике цифровых угроз. Например, необходимость мониторинга *DarkNet*, разработки алгоритмов AI для выявления паттернов киберагрессии, а также совершенствования сбора электронных доказательств. Параллельно возникает этическая дилемма: баланс между безопасностью и приватностью, особенно при внедрении систем обязательной идентификации несовершеннолетних в Сети. Современная криминалистика активно внедряет алгоритмы машинного обучения и системы искусственного интеллекта для выявления девиантных паттернов в цифровой среде. Например, разрабатываются нейросети, способные идентифицировать кибербуллинг, фишинг, распространение экстремистского контента и сетевого харассмента по ключевым лексическим маркерам, структурным особенностям сообщений и поведенческим аномалиям[2]. Эти системы анализируют данные в режиме реального времени, сканируя соцсети (*ВКонтакте*, *Telegram*), мессенджеры и игровые чаты, где фиксируются

[1] См.: *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, №3. С. 177—191.
[2] См.: *Шаров А.А.* Указ. соч.

наиболее распространенные формы девиаций — флейминг (оскорбительные комментарии), секстинг (обмен интимным контентом) и виртуальное попрошайничество. Эффективность таких алгоритмов подтверждается исследованиями: в выборке из 300 студентов Саратова техника позволила выявить 75 % случаев агрессивного онлайн-поведения, при этом медианная частота встречаемости троллинга и фишинга составила 3 балла по 5-балльной шкале[1].

Киберпатрулирование как метод оперативного реагирования включает создание специализированных подразделений правоохранительных органов (например, управлений «К» МВД России). Их задачи охватывают:

— *цифровую криминалистику* — изъятие и анализ электронных доказательств (история браузера, метаданные файлов, логи переписки) с соблюдением процессуальных норм. Например, при расследовании кибермошенничества реконструируются цепочки взаимодействий злоумышленников с жертвами через фишинговые сайты;

— *проактивный мониторинг закрытых сообществ*, где формируются деструктивные субкультуры (например, группы, пропагандирующие опасные челленджи или криминальные идеологии типа АУЕ). В Республике Бурятия такие практики позволили сократить вовлеченность молодежи в преступные сети на 40 % за 4 года (2017—2021)[2];

— *сетевой анализ* для выявления организаторов девиантных активностей. Так, в случае астротурфинга (искусственного создания ложного общественного мнения) отслеживаются бот-сети и координационные центры.

Криминалистическое противодействие требует коллаборации с провайдерами и владельцами платформ. Ключевые механизмы здесь включают:

---

[1] См.: *Шаров А. А.* Указ. соч.

[2] См.: *Ситникова М. П.* Экстремистское движение АУЕ: сущность и меры противодействия // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. №2 (3). С. 51—59. doi: 10.51635/27129926_2021_2_51. EDN: PINVWY.

— *блокировку аккаунтов* и удаление контента на основе судебных решений. например, по данным исследований, 39% оскорбительного контента в соцсетях оперативно устраняется с API-платформ при интеграции правоохранительных систем;

— *внедрение встроенных модерационных инструментов:* автоматических фильтров для скамерства (мошенничества с финансовыми требованиями) и харассмента, которые, по данным исследований, снижают частоту девиаций на 22—27%[1];

— *совместные инициативы по стандартизации:* например, создание единых баз хэшей запрещенного контента (child sexual exploitation material, экстремистские материалы) для кроссплатформенного блокирования.

Эффективность криминалистического противодействия достигается комбинацией перечисленных подходов. Так, расследование дела о кибербуллинге может включать:

1) алгоритмическое выявление агрессивных паттернов (например, ключевых слов: «убивай себя», «жирная»);

2) киберпатрулирование для сбора доказательств скриншотов переписки;

3) взаимодействие с администрацией соцсети для удаления контента и блокировки пользователя;

4) возбуждение уголовного дела по ст. 119 УК РФ (угроза убийством) с привлечением IT-экспертов для верификации данных.

Профилактика девиантного поведения в цифровой среде требует комплексного сочетания образовательных, технологических и социальных стратегий. Современные подходы ориентированы на многоуровневое воздействие: личностное развитие, семейное воспитание и формирование безопасной цифровой культуры. Ключевым инструментом являются *образовательные программы по цифровой грамотности*, включающие модули по кибербезопасности, этике онлайн-взаимодействия и распознаванию манипулятивных техник. Как отмечает Д. А. Кар-

[1] См.: *Данилова Е. П., Портняга Е. М.* Финансовое мошенничество в современном мире // Siberian Socium. 2023. Т. 7, №2 (24). С. 85. doi: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-67-97. EDN: SEMFPI.

пенко, эффективное информирование подростков о последствиях девиаций (например, юридических рисках кибербуллинга или психологическом ущербе от секстинга) способствует формированию критического мышления[1]. Важную роль играют *тренинги резистентности и ассертивности*, направленные на развитие навыков противодействия групповому давлению в закрытых интернет-сообществах и отказа от участия в опасных челленджах.

Геймификация профилактики становится перспективным направлением, особенно для юного поколения. Интерактивные симуляторы и квесты моделируют ситуации кибермошенничества или троллинга, обучая алгоритмам безопасного поведения. Например, проекты по распознаванию фишинговых ссылок через игровые тесты демонстрируют на 30—40 % более высокую эффективность усвоения навыков по сравнению с традиционными лекциями. Дополнением служат *проекты позитивного контент-менеджмента*, где подростки вовлекаются в создание просветительских материалов (видеороликов и т. п.) о цифровой этике, что формирует альтернативу деструктивным субкультурам.

Семейно-ориентированные практики включают тренинги для родителей по контролю цифровой активности детей без нарушения доверия. Акцент делается на инструментах родительского мониторинга (например, анализ времени в соцсетях) и техниках коммуникации для обсуждения онлайн-рисков. Исследования подчеркивают, что в семьях с регулярным диалогом о киберугрозах частота вовлечения подростков в кибербуллинг снижается в 1,5 раза.

Зарубежный опыт предлагает адаптируемые модели. Так, в странах Европы действует программа *Better Internet for Kids*, объединяющая горячие линии для жертв кибербуллинга и образовательные хабы в школах. Сингапур реализует стратегию *Digital*

[1] См.: *Карпенко Д. А*. Виды девиантного поведения и его профилактика у подростков // Психологическая газета. Выпуск от 2024. 2022. 30 мая. URL: https://psy.su/feed/10020/ (дата обращения: 31.05.2025).

Wisdom, где тренинги по кибербезопасности интегрированы в школьную программу с 7 лет, а также работает система оперативного удаления деструктивного контента силами платформ.

Критическим фактором остается ***межведомственное взаимодействие***: сотрудничество образовательных учреждений, IT-компаний и правоохранительных органов. Например, российская практика создания школьных «кибердружин» при поддержке МВД позволяет оперативно выявлять случаи распространения экстремистского контента, сочетая превенцию с воспитанием гражданской ответственности.

Этические и правовые дилеммы представляют собой системное ограничение. Главный парадокс заключается в необходимости балансирования между всеобщей кибербезопасностью и правом на приватность. Так, обязательная идентификация пользователей, предлагаемая как мера противодействия анонимным деструктивным сообществам[1], вступает в противоречие с принципами свободы информации. Особенно остро эта проблема проявляется при мониторинге закрытых подростковых чатов в мессенджерах типа *Telegram*, где фиксируется 78,5 %[2] молодежной аудитории. Законодательное регулирование отстает от технологических реалий: нормы, касающиеся блокировки экстремистского контента, часто не учитывают специфику меметической передачи идеологий через юмористический контент или геймифицированные форматы.

Технологические ограничения обусловлены динамичностью цифровой среды. Криминалистические алгоритмы анализа *Big Data*, эффективные для выявления открытых угроз (например, распространения наркопропаганды), демонстрируют низкую результативность против зашифрованных каналов ком-

[1] См.: *Сорокин О.В.* Особенности девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, №4. С. 80—90. doi: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-7. EDN: CDIQZK.

[2] См.: *Нестерова В.А., Рыбакова В.А.* Обзор использования искусственного интеллекта в обнаружении финансового мошенничества // Экономика и парадигма нового времени. 2024. №1. С. 40. EDN: DVKQGX.

муникации в *DarkNet*, где формируются закрытые сообщества деструктивной направленности. Ситуацию усугубляет адаптивность девиантных субкультур: переход с блокируемых платформ на новые сервисы занимает менее 72 часов. Перспективным направлением считается разработка нейросетевых моделей предиктивной аналитики, способных выявлять латентные паттерны радикализации по косвенным признакам (частота контактов, семантические особенности лексикона). Однако их внедрение сдерживается недостатком размеченных данных для обучения ИИ и рисками гипертрофированного контроля.

Необходимость междисциплинарной интеграции становится ключевым императивом. Эффективное противодействие требует синтеза[1]:

1) *криминалистических методик* (цифровая форензика, анализ метаданных);

2) *психологических знаний* о механизмах формирования экстремальности сознания молодежи;

3) *педагогических технологий* формирования цифрового иммунитета;

4) *социологического анализа* девиантных субкультурных ландшафтов.

На сегодняшний день наблюдаются пробелы в координации между правоохранительными органами, образовательными учреждениями и IT-корпорациями. Например, отсутствие единых протоколов обмена данными о кибербуллинге между школами и полицией приводит к запаздыванию реакции в большинстве случаев.

Ресурсные дефициты проявляются в кадровой и инфраструктурной ограниченности. Региональные подразделения МВД испытывают нехватку специалистов по киберкриминалистике (дефицит оценивается в 40—60 %)[2], а существующие лаборатории цифровой экспертизы оснащены техникой поко-

[1] См.: *Геляхова Л. А.* Указ. соч.

[2] См.: Там же.

ления 2018—2020 годов, не адаптированной к анализу нейросетевых алгоритмов генерации deepfake-контента. Компенсировать это возможно через публично-частное партнерство с вузами и IT-сектором, но законодательные рамки таких кооперации требуют унификации.

Криминалистическое противодействие цифровым девиациям молодежи должно эволюционировать в сторону ***превентивно-прогностических моделей***. Текущая реактивная парадигма (фиксация последствий вместо нейтрализации причин) исчерпала свою эффективность, о чем свидетельствует рост киберпреступности среди несовершеннолетних на 15—25% ежегодно. Требуется переориентация на раннюю диагностику рисков через:

— внедрение скрининговых платформ для выявления цифровой уязвимости подростков на уровне школ и колледжей;

— развитие криминалистического прогнозирования на основе Big Data-анализа паттернов девиантной активности;

— создание федерального реестра киберугроз с открытым API для интеграции с образовательными ресурсами.

Технологическая модернизация должна охватывать три уровня.

1. *Аппаратный* — развертывание квантовых систем криптоанализа для мониторинга *DarkNet*.

2. *Программный* — разработка ИИ-детекторов деструктивного контента с семантическим распознаванием контекста.

3. *Методологический* — стандартизация сбора цифровых доказательств по делам о кибербуллинге и вовлечении в экстремизм.

Принципиальное значение приобретает ***международная кооперация***. Распространение трансграничных угроз (украинские неонацистские группировки «Маньяки: культ убийств» (М.К.У., МКУ)[1], вербующие российских подростков) требует унификации правовых баз и криминалистических протоколов

[1] «Маньяки: культ убийств» (М.К.У., МКУ) — неонацистская сатанинская организация, признанная террористической Верховным судом Российской Федерации 16.01.2023 года.

в рамках ЕАЭС и ШОС. Ключевые направления: взаимное признание электронных доказательств, создание совместных киберпатрулей, экстрадиция цифровых преступников.

Антропоцентричный поворот в профилактике предполагает смещение фокуса на созидательные аспекты. Как отмечают исследователи, девиантное поведение молодежи содержит не только деструктивный, но и инновационный потенциал. Преобразование и использование положительного потенциала этой энергии требуют:

— геймификации правового просвещения через e-sports-турниры с антидевиантными кейсами;

— стимулирования позитивного контент-творчества (гранты для блогеров-подростков, продвигающих просоциальные ценности);

— интеграции цифровой этики в образовательные стандарты как сквозной дисциплины.

Реализация предложенной модели позволит трансформировать цифровую среду из пространства рисков в ресурс социализации, где криминалистические механизмы выполняют не карательную, а превентивно-защитную функцию. Однако успех здесь зависит от преодоления ведомственной разобщенности и принятия «Концепции междисциплинарного противодействия кибердевиантности» как стратегического документа национального уровня.

Таким образом, криминалистическое противодействие девиантному поведению молодежи в цифровой среде должно представлять собой комплексный подход, содержащий совокупность разработанных криминалистикой приемов и методов противодействия киберпреступности, состоящих из технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств.

Глава 4

ИНТЕГРАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В БОРЬБЕ С НАСИЛИЕМ

4.1. Нормативно-правовое регулирование противодействия преступности среди молодежи в современной России

В современной России молодежная преступность продолжает оставаться одной из наиболее острых проблем; при этом особо следует выделить преступность среди несовершеннолетних, которая не только наносит ущерб обществу сегодня, но и формирует потенциальную угрозу будущему нашей страны. Статистика показывает, что преступники стремительно «молодеют»: все чаще правонарушения совершают подростки 14—16 лет, а иногда и дети более младшего возраста, что свидетельствует о необходимости усиления профилактики этого явления.

Несмотря на то что уровень молодежной преступности снижается, численный показатель криминализации подростковой среды, согласно данным статистики МВД России, остается довольно тревожным: в 2024 году более 21 тыс. несовершеннолетних совершили преступления[1].

Отчасти эта проблема имеет в своей основе социальные корни. Так, в 2022 году более 20 % молодых людей до 18 лет жили в семьях с доходами, которые были ниже прожиточного

[1] См.: *Краткая* характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://media.mvd.ru/files/application/9209203 (дата обращения: 27.07.2025).

минимума, то есть каждый пятый ребенок в России живет в бедности. При этом стоит отметить, что статистика за 2022 год была опубликована в июле 2024 года, поскольку эти данные становятся известны (после статистической обработки) с задержкой в два года[1].

Молодежная преступность имеет пролонгированные последствия, большинство таких преступников со значительной вероятностью продолжат совершать противоправные действия и во взрослой жизни, а также негативно влиять на собственных детей. В связи с этим молодых преступников можно назвать потенциальными «кадрами» преступного мира.

В современном российском законодательстве термин «несовершеннолетний» используется для обозначения лиц, не достигших 18 лет. Этот возраст установлен как граница полной гражданской дееспособности, в соответствии с которой индивид приобретает полный объем прав и обязанностей, предусмотренных законом. Лица, не достигшие 14 лет, относятся к категории «малолетние», что помогает юридически дифференцировать возраст несовершеннолетних.

Такой подход принят на базе федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[2], в котором несовершеннолетним определено лицо до 18 лет. Данный закон подчеркивает, что до достижения совершеннолетия лица не обладают полной гражданской дееспособностью, что означает ограниченную способность самостоятельно осуществлять свои права и нести юридическую ответственность.

В науке активно дискутируется вопрос о соотношения понятий «несовершеннолетний» и «ребенок». Важно отметить

[1] См.: *Распределение* малоимущего населения по основным группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ur_RMN_1-1.xlsx (дата обращения: 17.05.2025).

[2] *Об основах* системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Российская газета. 1999. № 121.

вклад в эту дискуссию А. В. Токаревой, которая указывает на широкое использование категории «ребенок» в различных научных областях, включая психологию и социологию, в то время как в юридической сфере, преимущественно в конституционном и семейном праве, используется определение «несовершеннолетний». Это разделение подчеркивает уникальность юридического подхода к регулированию противодействия преступности среди молодежи, основанного на гражданских, административных и уголовных нормах.

В настоящее время в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства применяется устоявшаяся возрастная дифференциация: малолетние лица — до 14 лет, несовершеннолетние лица — от 16 до 18 лет, совершеннолетние — от 18 лет. Такая градация применяется как к преступникам — в вопросах, связанных с возрастом, с которого наступает уголовная ответственность, — так и к потерпевшим лицам, выступая в виде квалифицирующего признака.

Таким образом, юридическая классификация лиц по возрастным категориям и верное толкование и использование терминологии не только помогают в правильном применении законодательных актов, но и обеспечивают процесс выработки мероприятий по сдерживанию уровня преступности и правовую защиту населения.

Меры нормативно-правового регулирования занимают ключевое положение в системе профилактики молодежной преступности, поскольку именно посредством закрепления таких прав, как право на образование и трудоустройство, а также законодательной гарантии доступа молодежи к культурной и спортивной активности возможно формировать у нее правосознание и нетерпимость к преступному поведению.

Законодательно гарантированная возможность развития молодежи непосредственно влияет на снижение уровня преступности, формируя установку на законопослушное поведение, поскольку молодой человек, ощущающий свою правовую защищенность, с меньшей вероятностью будет искать выгоду в совершении противоправных действиях.

Отметим, что именно молодежь, а особенно несовершеннолетние лица, наиболее подвержены совершению правонарушений и преступлений. Поэтому детальное нормативное регулирование их прав и гарантий — это действенный инструмент профилактики молодежной преступности.

Стремительная глобализация современного мира привела к тому, что преступность среди молодежи приобрела транснациональный характер. Это повлекло за собой организацию взаимодействия государственных органов, в том числе на международном уровне, для выработки комплекса согласованных мероприятий по противодействию и профилактике притупленности среди молодежи.

Важно отметить, что Российская Федерация, будучи сторонником Конвенции о правах ребенка, принимает на себя обязательства по обеспечению соблюдения и защиты прав несовершеннолетних на международном уровне. Это подчеркивает стремление государства к интеграции международных стандартов в национальную правовую систему и демонстрирует глобальную ответственность перед международным сообществом в вопросах защиты прав детей.

Отметим, что данный международный документ устанавливает обязательства государств по обеспечению доступа к образованию, социальной помощи, по созданию условий для полноценного развития молодежи; по защите их основных прав и интересов, что имеет прямое отношение к профилактике молодежной преступности.

Присоединение России к международным договорам, в том числе к Конвенции о правах ребенка, показывает приверженность нашей страны к обеспечению глобальных стандартов защиты детства, что стало знаковым моментом в развитии государственной стратегии защиты молодежи. Такие меры, направленные на снижение числа правонарушений против детей, несмотря на их значимость, пока не смогли радикально изменить общую картину, что подтверждает актуальность проблемы.

Конец XX века стал началом активной разработки законодательных основ защиты прав молодых граждан в России, особенно после ратификации Конвенции ООН о правах ребенка. Этот период характеризуется ростом научных исследований, анализирующих статус и права детей и предлагающих методы их защиты. В числе исследований, внесших значительный вклад в эту сферу, выделим работы В. И. Абрамова, Ю. Ф. Беспалова, О. Ю. Косовой, Е. А. Лактюнкиной, А. М. Нечаева, А. Н. Тарасенковой и многих других.

В 1985 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила Пекинские правила, которые касаются применения правосудия в отношении несовершеннолетних и вводят следующее определение понятия «несовершеннолетний» (согласно п. 2.2а): «Ребенок или молодой человек, на которого распространяется ответственность за правонарушения в соответствии с действующей правовой системой, должен подвергаться такой форме ответственности, которая существенно отличается от той, что применяется к взрослым»[1].

Такой подход подчеркивает особый статус несовершеннолетних в правовой системе, предполагая адаптацию процедур и мер ответственности к их возрасту и уровню развития. Однако важно отметить, что ни Пекинские правила, ни Руководящие принципы ООН по профилактике детской преступности, известные как Эр-Риядские руководящие принципы[2], не

[1] *Минимальные* стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН) // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-40-33 (дата обращения: 02.02.2024).

[2] См.: *Руководящие* принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 02.02.2024).

устанавливают жесткие возрастные рамки для определения статуса несовершеннолетнего, оставляя этот вопрос на усмотрение национальных законодательств.

Современные технологии продуцируют всё новые формы вовлечения молодежи в преступную деятельность, что обусловливает особую значимость тех международных договоров, которые помогают государствам противостоять угрозам транснациональной преступности, в том числе киберпреступности, делая важный акцент на предупреждении вербовки молодежи преступными группами[1].

Международно-правовое регулирование предупреждения преступности среди несовершеннолетних создает важную основу для противодействия молодежной преступности, выступая в роли универсальных базовых положений, основанных на комплексном подходе, сочетающем меры профилактики и защиту прав. Влияние на российское законодательство таких нормативно-правовых актов, как, например, Эр-Риядские руководящие принципы[2], подчеркивает приверженность международным стандартам в области защиты прав детей. Это обеспечило дальнейшее развитие нормативно-правовой базы и создание механизмов регулирования противодействия преступности среди молодежи в России.

В Конституции Российской Федерации отмечено, что права и свободы человека являются высшими ценностями. Обя-

[1] См.: *Конвенция* против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН ; с изм. от 15.11.2000). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Руководящие* принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 02.02.2024).

занность государства — не только признавать и уважать эти права и свободы, но и активно обеспечивать их защиту. В этой связи защита прав молодежи тесно связана с эффективностью работы государственных органов, задействованных в выполнении названных задач.

Стоит отметить, что в нашей стране на государство возложена конституционная обязанность по защите материнства, детства и семьи, что является важной основой для разработки программ поддержки молодых людей с целью профилактики молодежной преступности. Кроме того, непосредственное разграничение полномочий между федеральным центром и регионами в сфере молодежной политики позволяет проводить кампании по профилактике такой преступности с учетом региональной специфики.

В рамках правового поля Российской Федерации создана система нормативного обеспечения, которая своей целью ставит недопущение преступности среди несовершеннолетних. В рамках этой системы осуществляется как общеправовое нормативное регулирование, так и уголовно-правовое. Отметим, что в первую очередь для целей борьбы с такими общественными деяниями была выстроена система раннего предупреждения, которая нашла свое закрепление во многих законодательных актах.

Так, закон «Об образовании в Российской Федерации»[1] закрепляет фундаментальные принципы уважения к личности учащихся в образовательных учреждениях, как это указано в ст. 5, и предусматривает ответственность персонала образовательного учреждения за насилие над учениками, что детально описано в ст. 56 указанного закона. Такие меры направлены на формирование защищенной образовательной среды, уважительной к правам и интересам детей.

[1] См.: *Об образовании* в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[1] выступает ключевым элементом защиты детского благополучия в стране, устанавливая запрет на жестокое обращение, а также на физическое и психическое насилие над детьми, как отмечено в ст. 14. Этот закон подчеркивает роль государства и общества в охране детей от всяческих форм насилия и злоупотреблений.

С принятием Семейного кодекса (СК) РФ[2] произошли значительные изменения в управлении семейными отношениями, отражающие переход к новым социально-экономическим условиям. Этот кодекс стал откликом на потребность адаптации законодательства РФ к современным требованиям и международным нормам в области прав человека с учетом практического опыта, критики предыдущих законов, предложений от региональных и федеральных властных структур, а также научных разработок.

Такая система правовых и социальных гарантий выступает в роли механизма предупреждения условия, способных провоцировать рост преступности среди молодежи.

Кроме того, при анализе положения Семейного кодекса РФ и Закона об основных гарантиях прав ребенка становится очевидным, что российское законодательство направлено на обеспечение комплексного подхода в противодействии преступности в молодежной среде. Эти нормативные акты предусматривают широкий спектр прав и гарантий для детей, включая право на образование, заботу в семье, защиту от всех форм физического и психологического насилия, а также право на выражение собственного мнения в вопросах, затрагивающих их интересы.

---

[1] См.: *Об основных* гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Семейный* кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В юридической доктрине под институтами защиты прав несовершеннолетних понимаются государственные органы с законодательно определенными полномочиями по защите прав несовершеннолетних согласно установленным процедурам. Эта система обеспечивает взаимодействие различных правовых отраслей, включая конституционное, гражданское, семейное, трудовое, уголовное и административное право, каждая из которых предлагает свои методы защиты молодых людей.

Законодательство, регулирующее права молодежи в России, продолжает развиваться и совершенствоваться, охватывая множество нормативных актов. Однако, как справедливо указывает В. В. Кулапов, несмотря на широкий спектр правовых норм, существующие механизмы защиты часто оказываются неэффективными на практике[1].

В соответствии со ст. 8 СК РФ права несовершеннолетних защищаются путем судебного рассмотрения, в рамках которого соблюдаются процедуры гражданского процесса[2]. В определенных обстоятельствах, установленных в СК РФ, защита может также осуществляться через государственные структуры или учреждения опеки и попечительства. Защита нарушенных прав несовершеннолетних проводится в судебном порядке, включающем иски и процедуры, возникающие из административных правоотношений. К таким вопросам отнесены дела, связанные с подтверждением или оспариванием родства, разрешением споров между родителями по вопросам воспитания и места жительства ребенка, исполнением родительских обязанностей отсутствующими родителями, устранением пре-

[1] См.: *Кулапов В. В.* Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 24 с. EDN: ZMWRHL.

[2] См.: *Семейный* кодекс Российской Федерации…

пятствий для общения с родственниками, защитой, лишением или ограничением родительских прав, взысканием алиментов и изменением их размера.

С целью обеспечить должное юридическое сопровождение мероприятий по защите нарушенных прав несовершеннолетних в рамках федерального закона «О бесплатной юридической помощи»[1] закреплены положения, которые гарантируют отдельным группам несовершеннолетних лиц возможность получения безвозмездной юридической помощи, в том числе тем, кто находится в учреждениях профилактики, в местах лишения свободы, а также представителям таких лиц, если они обращаются за консультацией по вопросам, непосредственно связанным с защитой прав и законных интересов таких несовершеннолетних.

Развитие научного фундамента и поиск новых подходов к охране прав молодежи в России являются реакцией на вызовы современности и изменения в жизни общества. Это направление требует непрерывного обновления стратегий и механизмов противодействия преступности среди молодежи для их адаптации к текущим условиям и достижения адекватного уровня защиты прав молодых людей.

Исследования ООН показывают устойчивый рост числа молодых людей, проживающих в условиях ниже прожиточного минимума, что свидетельствует об углублении социального разрыва и увеличении количества детей, находящихся в неблагополучных условиях[2].

В отчетах о нарушениях прав выделяются разнообразные проблемы — от неправомерных действий в области трудоуст-

[1] См.: *О бесплатной* юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 №324-ФЗ (ред. от 01.04.2025 №48-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Отчет* ЮНИСЕФ (ООН) «The State of the World's Children 2024» // Официальный сайт ЮНИСЕФ (ООН). URL: https://www.unicef.org/media/165156/file/SOWC-2024-full-report-EN.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

ройства до вопросов защиты здоровья; особое внимание уделяется ситуации с сиротами и детьми, оставшимися без родительского попечения[1].

Вышесказанное подтверждает многоаспектность и сложность задачи противодействия преступности среди молодежи в России, требующей всестороннего подхода, включающего обновление законов, повышение эффективности надзорных структур и укрепление социальной поддержки уязвимых категорий детей. Ключевыми становятся в связи с этим расширение общественного осознания проблемы и активизация усилий на всех уровнях для их решения, что будет способствовать созданию более безопасной и справедливой молодежной среды.

В настоящий момент в науке нет конкретизации понятий «правоспособность» и «дееспособность» в отношении несовершеннолетних, что существенно усложняет выработку единой уголовно-правовой политики их защиты. Следовательно, усиление правовой базы и механизмов противодействия преступности среди молодежи в России требует комплексного подхода, включающего принятие специализированных законов и уточнение ключевых понятий для улучшения защиты прав такой категории, как молодежь.

Законодательная система России в области защиты прав молодежи и детей охватывает широкий спектр нормативных документов, направленных на создание условий для их безопасного воспитания и развития. Соответствующие нормы предусматривают строгие меры за действия, влекущие за собой физическое и сексуальное насилие, в том числе в отношении молодежи, несовершеннолетних граждан, и содержат диа-

[1] См.: *Доклад* о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Ульяновской области за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. URL: https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-379-src-1749022035.0482.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

пазон статей Уголовного кодекса со 106-й по 136-ю[1]. В рамках данных статей факт совершения общественно опасного деяния в отношении несовершеннолетнего является квалифицирующим признаком.

Кроме того, в гл. 20 Уголовного кодекса РФ названы преступления против семьи и несовершеннолетних, включая деяния, связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, незаконное усыновление или разглашение тайны о нем, а также деяния о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Тем самым законодатель выделяет семейные ценности в отношении несовершеннолетних[2].

Основополагающим документом в этой сфере можно назвать Концепцию общественной безопасности Российской Федерации[3]. В частности, текстом данного нормативного акта закреплено, что одной из основ обеспечения национальной безопасности в стране является создание условий для возможности реализации гражданами своих прав и свобод, а также условий, способствующих поддержанию на должном уровне защищенности личности. Более того, четкий акцент делается именно на государственной защите несовершеннолетних и их прав.

Законодательные положения подтверждают важность борьбы с преступностью несовершеннолетних, посредством предупреждения безнадзорности и беспризорности, с помощью системной профилактики совершаемых ими правонарушений и антиобщественных действий, в том числе проведения мероприятий по своевременному выявлению и устранению причин и условий, которые могут способствовать таким деяниям, с целью обеспечения общественной безопасности нашей страны.

---

[1] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Там же.

[3] См.: *Концепция* национальной безопасности Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассматриваемые меры нормативно-правовой превенции преступности среди несовершеннолетних носят системный, но не целевой характер, их действие, прежде всего, направлено на устранение детерминантов этого общественно опасного явления. Посредством таких законодательных решений происходит улучшение общего социального положения несовершеннолетних, они вовлекаются в правомерную жизнь, не допускается их маргинализация с дальнейшим вовлечением в криминальный мир.

Тем не менее важным элементом системы нормативно-правового противодействия преступности среди несовершеннолетних являются меры уголовно-правового характера. Особенно значимым элементом нормативно-правового регулирования противодействия преступности среди несовершеннолетних можно назвать институт уголовного наказания, которому отводится главное место среди государственных мер по недопущению совершения новых преступлений.

Несмотря на то что система наказаний закреплена в ст. 44 Уголовного кодекса РФ, особенный статус несовершеннолетних обусловливает значительные различия в рамках применения к ним уголовно-правовых мер государственного принуждения[1].

Законодателем предусмотрено, что несовершеннолетние лица не могут быть подвергнуты определенному виду наказаний, таких, например, как пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Данное исключение было принято, на наш взгляд, для реализации принципа гуманизма, в том числе с позиции возможного исправления через менее строгую форму наказания. Надо отметить, что в некоторых правовых системах зарубежных стран к несовершеннолетним могут применяться наиболее строгие меры уголовного наказания[2].

---

[1] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации…

[2] См.: *Пертли Л. Ф., Софронова С. А.* Обзор европейского опыта исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. М. : Изд-во НИИ ФСИН России, 2011. С. 74. EDN: TZASXT.

Кроме того, в действующем Уголовном кодексе РФ закреплены положения, которые устанавливают особые условия размера наказаний, назначаемых несовершеннолетним, например ст. 46, 49, 50, 54, 56 УК РФ[1]. Так, наказание в виде штрафа ограничено для несовершеннолетних лиц максимальной суммой в размере 50 тыс. рублей, при том что для совершеннолетних осужденных максимальный его размер — 5 млн рублей. Такой же подход применяется при назначении несовершеннолетним обязательных работ, предельный срок которых ограничен 160 часами, и исправительных работ, предельный срок которых — половина от предусмотренного законом.

Наказания, которые непосредственно связаны с изоляцией от общества также имеют особые сроки и размеры для несовершеннолетних. Лишение свободы лицам, не достигшим 16 лет, назначается на срок не свыше 6 лет, а лицам от 16 до 18 лет — на срок не свыше 10 лет. Проявлением данной позиции является и отнесение несовершеннолетнего возраста к смягчающим наказание обстоятельствам (ст. 89 УК).

При этом остается актуальной дискуссия о причинах отсутствия каких-либо ограничений в такой мере наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенную должность, — несмотря на то что трудовой деятельностью такие лица могут заниматься уже с 16 лет (а также могут быть эмансипированы в возрасте 16 лет). Из этого вытекает следующая проблема: отсутствует законодательное закрепление ограничения процентов удержаний из заработка несовершеннолетних, приговоренных судом к исправительным работам[2]. Такой пробел в нормативном регулировании наказания несовершеннолетних стал значимым фактором, снижающим эффективность наказания как профилактической меры.

---

[1] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации…

[2] См.: *Нечаева Е. В.* Система наказаний в отношении несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 74. EDN: WMACHV.

Подобные законодательные пробелы в области назначения наказания несовершеннолетним уже были предметом обширной научной дискуссии в недавнем прошлом[1]. Так, ч. 4 ст. 58 УК РФ закреплена норма, устанавливающая, что лица, которые не достигли возраста совершеннолетия на момент вынесения судом приговора, направляются для отбытия наказания в воспитательные колонии[2]. При этом положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в частности ч. 9 ст. 74, позволяли отбывать в таких колониях наказание лицам до достижения ими возраста 21 года, мотивируя это необходимостью осуществления непрерывного воспитательного процесса и закрепления у осужденных результатов полученного ими образования и профессиональной подготовки[3]. Такое нормативное положение часто использовалось как злоупотребление правом со стороны ставших уже совершеннолетними осужденных, желавших оставаться в исправительных учреждениях с более «легкими» условиями содержания. Кроме того, непонятен смысл такого отбывания наказания для эмансипированного несовершеннолетнего осужденного. Надо отметить, что в научных кругах развернулось обсуждение этой ситуации[4], и дискуссия привела в 2008 году к изменению данной нормы, которое закрепило возможность нахождения в таких учреждениях для совершеннолетних лиц только до достижения ими возрас-

[1] См.: *Кимачев А. Н.* К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия // Пенитенциарная наука. 2016. №3 (35). С. 41. EDN: WMESDZ.

[2] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации…

[3] См.: *Уголовно-исполнительный* кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 20.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: *Садовникова М. Н.* Рекомендации по изменению законодательства и практики его применения в области исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2006. №1. С. 97. EDN: JXCXZR.

та 19 лет[1]. Но вопрос об эмансипированном осужденном в возрасте от 16 до 18 лет так и остался открытым.

Стоит также отметить, что к мерам противодействия преступности среди молодежи можно отнести уголовно-правовые механизмы, применяемые к несовершеннолетним лицам, отбывшим наказание. В их числе — сокращенные сроки давности после освобождения (ст. 94 УК) и уменьшенный срок погашения судимости (ст. 95 УК)[2]. Это рассматривается как способ для дальнейшей социальной реинтеграции несовершеннолетних лиц, отбывших наказание.

Отметим, что особенно опасными сферами преступной деятельности, в которые вовлекаются несовершеннолетние, являются экстремистские организации. Сегодня экстремизм ставит своей целью подрыв государственной и общественной безопасности, создает угрозу территориальной целостности и основам конституционного строя нашего государства. Из года в год число преступлений экстремистской направленности не перестает расти[3].

Вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность обозначено как один из основных источников угроз экстремизма в современной России, это положение закреплено п. 22 разд. 2 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации[4]. Следует отметить, что несовершеннолетние выступают особой категорией субъектов преступления, исполь-

[1] См.: *О внесении* изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 22.12.2008 № 261-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Уголовный* кодекс Российской Федерации…

[3] См.: *Краткая* характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // МВД РФ : официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 21.05.2025).

[4] См.: *Об утверждении* Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента России от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зуемых преступниками в своих целях. Большая вовлеченность несовершеннолетних в подобные преступные деяния также обосновывается несозревшей детской психикой, которая еще только формируется и в большой степени подвержена влиянию извне.

Особое внимание в борьбе с этим деструктивным явлением уделяется именно в рамках профилактики экстремизма, что отражено в разд. 3 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации. Предпринимаются профилактические меры не только на ранних стадиях зарождения экстремизма, но и до его появления. Так, в п. 35 Стратегии закреплены основные задачи государственной политики в сфере противодействия экстремизму, в том числе проведение мероприятий по своевременному выявлению и пресечению фактов радикализации несовершеннолетних. Со стороны государства это обеспечивается доступностью занятий спортом, различных секций, созданием возможностей развития творческих способностей подростков, их привлечение к деятельности по их интересам, к полезным видам деятельности.

Как правило, несовершеннолетние, вовлеченные в преступную деятельность, находятся в неблагополучных семьях, где применяется жестокое обращение (наличествуют «силовые» методы воспитания, алкоголизм, психологическое насилие и др.). Характерная черта таких семей — неблагоприятная, антиобщественная, безнравственная атмосфера. Например, у пятой части несовершеннолетних преступников кто-то из близких родственников был ранее судим[1]. Таким образом, негативная среда влияет на формирование у личности предрасположенности к совершению преступлений.

[1] См.: *Хасанова Р.Р., Середкина Е.А.* Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. №4 (204). С. 112. EDN: NTKHSU.

С целью уменьшения числа общественно опасных деяний, совершаемых молодыми людьми, в Российской Федерации была принята Концепция[1], основной задачей которой является устранение названных первопричин, побуждающих несовершеннолетних к совершению преступлений. Данный основополагающий документ является нормативно-правовым ориентиром для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в рамках принятия ими мер по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Именно от правильно выстроенной системы социализации и ресоциализации таких лиц будет зависеть не только их дальнейшее положение в обществе, но и снижение вероятности появления рецидивной преступности.

Важное место в системе уголовно-правового противодействия молодежной преступности в Российской Федерации занимают подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел[2]. Указанные органы выполняют в основном двойную функцию, то есть выступают в роли органа по предупреждению преступности посредством проведения мер профилактического характера, а также обеспечивают правовую защиту несовершеннолетних, включая пострадавших от преступлений. Важным элементом деятельности таких органов является то, что их работа основана на межведомственном взаимодействии, в том числе с комиссиями по делам несовершеннолетних, школами, социальными службами.

---

[1] См.: *Об утверждении* Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Об утверждении* Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не менее важную роль играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Постановлением Правительства РФ от 06.11.2013 №995 установлены ключевые положения о регулировании их деятельности в системе профилактики преступности и безнадзорности несовершеннолетних в РФ[1]. Этим документом закреплены функций таких органов, к которым относятся предупреждение безнадзорности и правонарушений подростков, защита их прав и законных интересов, а также организация индивидуальной профилактической работы и рассмотрение дел об административных правонарушениях несовершеннолетних.

Следует отметить, что действия комиссий по делам несовершеннолетних являются непосредственной формой профилактики преступности среди молодежи, поскольку эти комиссии непосредственно принимают решения о мерах воздействия к подросткам и/или их родителям, а также контролируют условия содержания несовершеннолетних в спецучреждениях. Можно считать данные комиссии ключевым элементом в системе государственной борьбы с преступностью несовершеннолетних, поскольку в их состав входят представители органов государственной власти, сотрудники системы образования, представители органов соцзащиты, сотрудники органов МВД и системы здравоохранения, представители общественных организаций. Тем самым происходит взаимодействие всех возможных государственных и общественных органов.

На основе Постановления Правительства РФ от 06.11.2013 №995 в каждом из субъектов Российской Федерации приняты акты «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», которые детально устанавливают порядок их функцио-

[1] См.: *Об утверждении* Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав : постановление Правительства РФ от 06.11.2013 №995 (ред. от 10.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нирования, состав, а также статус, права и обязанности членов таких комиссий с учетом региональной и местной специфики[1].

На уровне муниципальных образований принимаются соответствующие положения о межведомственных комиссиях, основная цель которых — профилактика правонарушений, в том числе совершаемых несовершеннолетними. Такие органы занимаются вопросами комплексного анализа состояния правонарушений с последующей разработкой необходимых мер профилактики и планов по профилактике правонарушений, выступая в роли первичного звена всей системы профилактики преступности несовершеннолетних[2].

Можно сказать, противодействие молодежной преступности в Российской Федерации является комплексной задачей, требующей усилий на государственном и общественном уровнях. Эффективная реализация существующих норм и разработка новых подходов к противодействию преступности требует совместной работы всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, общественные организации, профессионалов, работающих с детьми, а также самих детей и их родителей.

4.2. Совершенствование межведомственного взаимодействия в системе противодействия молодежной преступности

Актуальность проблемы совершенствования межведомственного взаимодействия в системе противодействия молодежной преступности обусловлена устойчивым ростом право-

[1] См., например: *О комиссиях* по делам несовершеннолетних и защите их прав : закон Калининградской области от 09.04.2004 №382 (ред. от 04.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Об утверждении* Положения о межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при администрации городского округа «Город Калининград» : постановление администрации городского округа «Город Калининград» от 27.03.2015 №563 (ред. от. 22.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нарушений среди молодежи, а также их качественной трансформацией под влиянием цифровых технологий. Так, согласно данным МВД РФ, в 2024 году доля преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, составила 2,9% от общего числа. При этом отмечается увеличение доли киберпреступлений среди несовершеннолетних — на 27% по сравнению с 2022 годом — и деяний, организованных через социальные сети[1].

Особую тревогу вызывает вовлечение молодежи в противоправную деятельность через закрытые онлайн-сообщества, где пропагандируются деструктивные идеи, в том числе идеология терроризма и экстремизма, субкультура «Колумбайн»[2].

Согласно данным за 2023 год, в цифровом пространстве было зарегистрировано 74 млн аккаунтов, распространяющих деструктивный контент, причем 14 млн из них ассоциированы с несовершеннолетними пользователями. Наблюдается значительный рост активности деструктивных интернет-сообществ, среди которых особую опасность представляют группы, вовлекающие детей в противоправные действия и демонстрирующие рост в 43 раза с охватом аудитории до 650 тыс. человек. Также отмечается резкое увеличение (в 58 раз) количества трансляций, связанных с употреблением наркотических веществ, совокупная аудитория которых достигает 1,2 млн поль-

[1] См.: *Краткая* характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // МВД РФ : официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (дата обращения: 21.05.2025).

[2] См.: *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, №4. С. 42—57. doi: 10.17759/sps.2019100404. EDN: XFQCHE ; *Волчецкая Т.С., Кот Е.А.* Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»… EDN: AHNYCF ; *Осипова Е.В., Авакьян М.В.* Криминалистический анализ скулшутинга в России и за рубежом // Союз криминалистов и криминологов. 2023. №1. С. 128—137. EDN: AVTDYO.

зователей. Параллельно фиксируется 22-кратный рост сообществ, занимающихся пропагандой и сбытом наркотиков[1].

По статистическим данным МВД России, в 2023 году зафиксировано 44 случая совершения преступлений террористического характера лицами в возрасте от 14 до 17 лет, что демонстрирует рост на 46,7% по сравнению с 2022 годом (30 случаев). Указанная динамика коррелирует с увеличением числа резонансных инцидентов, связанных с диверсиями против объектов транспортной инфраструктуры (подрыв железнодорожных путей, повреждение релейных шкафов), а также с поджогами зданий военных комиссариатов[2].

В качестве примеров можно привести задержание 17-летнего подростка в Ленинградской области при попытке совершения поджога военкомата, а также факт задержания трех учащихся восьмых классов в Московской области за повреждение элементов железнодорожной инфраструктуры. Установлено, что все указанные лица получали инструкции посредством социальных сетей от координаторов, действующих за пределами Российской Федерации[3].

Кроме того, в числе наиболее распространенных форм деструктивного контента, как уже отмечалось в предыдущих главах, выделяются суицидальные игры и квесты, треш-стримы, реклама онлайн-гемблинга, материалы, содержащие акты насилия над животными, а также анимационные произведения с элементами жестокости. Отдельного внимания заслуживают сообщества, пропагандирующие отрицание традиционных семейных ценностей и распространяющие идеологии нацизма и радикального национализма.

---

[1] См.: *Емельяненко В.* Рост виртуальных атак против детей перерастает в агрессию // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/02/14/bukvar-ceti.html (дата обращения: 28.06.2025).

[2] См.: *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году. URL: https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379.pdf (дата обращения: 28.06.2025).

[3] См.: Там же.

Указанные тенденции свидетельствуют о необходимости усиления мер по мониторингу и регулированию цифрового пространства с целью минимизации негативного воздействия на молодежь, особенно на несовершеннолетнюю аудиторию.

На сегодняшний день большинство молодежных преступных групп организуется через мессенджеры и социальные сети[1], тогда как традиционные системы профилактики все еще остаются ориентированными в большей степени на офлайн-пространство. Это создает существенный разрыв между возможностями правоохранительных и иных компетентных органов и реальными угрозами, требующий повышения эффективности системы межведомственного взаимодействия и поиска новых подходов к межведомственной координации. Полагаем, что в теории и практике противодействия молодежной преступности значительное внимание должно быть уделено вопросам ее профилактики.

Современное состояние межведомственного взаимодействия в системе профилактики молодежной преступности характеризуется рядом системных проблем, требующих своевременного решения. Согласно данным Уполномоченного по правам ребенка в РФ, только 43 % российских регионов имеют отработанные механизмы обмена информацией между правоохранительными органами, образовательными учреждениями и социальными службами[2].

При этом роль межведомственного взаимодействия в данном контексте невозможно переоценить. Правоохранительные органы, иные ведомства, образовательные учреждения, социальные службы и некоммерческие организации обладают раз-

[1] См.: *Полоскина О. В., Меркулова С. А.* Роль интернета в формировании деструктивного поведения современных подростков // Гуманитарные науки. 2023. №4 (64). С. 23—28. EDN: MJSJEW.

[2] См.: *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году. URL: https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379.pdf (дата обращения: 17.06.2025)

личными необходимыми для решения задач профилактики современной молодежной преступности ресурсами и компетенциями, однако их разрозненность значительно снижает эффективность такой профилактики. Отсутствие скоординированных действий приводит к дублированию функций и упущенным возможностям раннего выявления «групп риска»[1]. Например, школы могут располагать информацией о неблагополучных подростках, но из-за бюрократических барьеров эти данные не всегда поступают в органы опеки или полицию своевременно. В различных регионах разрабатываются комплексные, в том числе межведомственные, планы, маршруты взаимодействия, рабочие программы и иные формы организации совместной работы по противодействию и профилактике молодежной преступности или отдельных ее видов, однако такая работа проводится точечно, положительный опыт не тиражируется в подавляющем большинстве случаев в другие регионы.

В заключительном параграфе проанализируем ключевые проблемы в системе межведомственного взаимодействия и рассмотрим ряд мер по его оптимизации. Особое внимание при этом, считаем, следует уделить интеграции цифровых платформ для обмена данными, разработке совместных профилактических программ и укреплению правовой базы. Как показывает опыт зарубежных стран, системный подход к межведомственному взаимодействию позволяет снизить уровень молодежной преступности на 15—20 % в течение 5 лет[2].

Анализ существующей системы межведомственного взаимодействия выявил четыре ключевые проблемы, затрудняю-

[1] См.: *Мурлыкина Е. С.* Межведомственное взаимодействие: основная проблематика и пути совершенствования системы // Форум молодых ученых. 2021. № 5 (57). С. 272—277. EDN: RWCUOM.

[2] См.: *European* Crime Prevention Network. Best Practices in Youth Crime Prevention, 2021. URL: https://eucpn.org/sites/default/files/document/files/Work%20programme%202023.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

щие межведомственное взаимодействие в вопросах противодействия молодежной преступности на современном этапе: организационно-методологическая разобщенность, правовая неопределенность, технологический и кадровый дефицит.

Организационно-методическая разобщенность. Одной из основных проблем является отсутствие единой методологии профилактики молодежной преступности — общего методологического блока, учитывающего специфические возможности и компетенции различных субъектов профилактики. В большинстве регионов отсутствуют единые методические подходы к профилактике молодежной преступности. Каждое ведомство действует, как правило, в рамках своих регламентов, использует собственные критерии оценки рисков и технологии работы, что приводит к разрозненности подходов и противоречиям при реализации совместных программ. Например, в рамках деятельности соответствующих подразделений МВД РФ акцент в большей степени делается на оперативно-розыскные меры, раскрытие и расследование совершенных преступлений, тогда как в учреждениях Министерства просвещения РФ приоритет отдается воспитательной работе. В рамках каждого ведомства данное разделение логично и обеспечивает решение стоящих перед ним задач, однако на практике это создает определенные противоречия при реализации совместных проектов, когда, например, полиция и педагоги будут испытывать сложности в поиске общего языка в вопросах взаимодействия. Другим примером могут служить расхождения в категориальном аппарате: например, в определении «семья группы риска» между органами опеки и образовательными учреждениями; или отсутствие единого порядка межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики при работе со случаем суицидального поведения несовершеннолетнего[1]. Подобные ситуации в своей совокупности препятствуют эффективной профилактике молодежной преступности, ее современному выявлению.

[1] См.: *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году.

Серьезным препятствием остается недостаточный обмен информацией между ведомствами. Несмотря на наличие ведомственных баз данных (например, Федеральный интегрированный банк данных МВД РФ или региональные системы учета неблагополучных семей и детей), их интеграция остается фрагментарной, при этом нерегулярное использование возможностей даже имеющихся баз данных в регионах России в целях межведомственного взаимодействия значительно снижает оперативность реагирования. В результате, например, информация о подростке, состоящем на учете в полиции, может не попасть в школу или центр занятости.

Низкая эффективность коммуникации усугубляется бюрократическими барьерами. Процедуры согласования совместных действий часто требуют множества подписей и длительных сроков, что делает практически невозможным оперативное реагирование на кризисные ситуации. Кроме того, дублирование функций (например, когда и полиция, и социальные службы осуществляют мониторинг одних и тех же семей) приводит к перерасходу ресурсов.

Правовая неопределенность. Несмотря на наличие нормативной базы, правовое регулирование межведомственного взаимодействия в сфере профилактики молодежной преступности характеризуется значительной неопределенностью, что снижает эффективность принимаемых мер.

Согласно федеральному закону от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» координация деятельности органов внутренних дел, образовательных учреждений и социальных служб является обязательной. Однако механизмы такого взаимодействия прописаны недостаточно четко.

Например, ст. 9 этого закона возлагает на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) функцию координации, но не определяет порядок обмена информацией между ведомствами. Это приводит к дублированию функ-

ций или, напротив, к бездействию[1]. Как отмечает А. В. Малько, в большинстве регионов РФ отсутствуют унифицированные регламенты передачи данных между правоохранительными органами и образовательными учреждениями[2]. Кроме того, данный закон регулирует соответствующие правоотношения, возникающие исключительно в категории несовершеннолетних лиц, в то время как целевая группа — молодежь — охватывает возрастной период от 14 до 35 лет.

Другой пример: приложение к приказу МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2018) «Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» обязывает полицию информировать школы о правонарушениях несовершеннолетних, но не устанавливает сроки и форму такого информирования. Показательна в этом аспекте следующая ситуация: на основании постановления КДНиЗП г. Улан-Удэ несовершеннолетний П. был признан находящимся в социально опасном положении. В отношении него был утвержден межведомственный индивидуальный план реабилитации, однако впоследствии он не подвергался корректировке. По решению районного суда подросток был помещен на срок 2 года в спецшколу. При этом отсутствуют документальные подтверждения взаимодействия между спецшколой и комиссией по месту постоянного проживания семьи несовершеннолетнего. В итоге КДНиЗП не располагала информацией об окончании срока пребывания П. в учреждении; мониторинг деятельности спецшколы не осуществлялся, взаимодействие ограничивалось проведением одного мероприятия «День открытых дверей».

[1] См.: *Краюхин С. Б.* Проблемы межведомственного взаимодействия органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Тамбовской области // Государственно-правовые исследования. 2023. № 6. С. 102—106. EDN: TKYKYS.

[2] См.: *Малько А. В.* Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2 (7). С. 8—20. EDN: TNMHMH.

После освобождения из спецшколы несовершеннолетний П. дважды подвергался помещению в ЦВСНП УМВД по Республике Бурятия. Налицо системные нарушения в организации взаимодействия субъектов профилактики, требующие оптимизации координации между учреждениями[1].

Кроме того, эксперты отмечают, что на практике блок проблем в сфере информационного взаимодействия между различными ведомствами касается вопросов конфиденциальности данных, урегулированных ФЗ «О персональных данных»: в значительном количестве случаев ведомства отказываются от обмена информацией, ссылаясь на возможные нарушения законодательства о персональных данных. Так, 30 % опрошенных, согласно данным И. И. Фроловой, указали на то, что в процессе межведомственного взаимодействия могут запрашиваться персональные данные обучающихся, давать которые образовательная организация не имеет права согласно требованиям ФЗ «О защите персональных данных»[2].

Требуют соответствующего реагирования также, например, ситуации, связанные с ответственностью родителей за ненадлежащее воспитание детей: ст. 5.35 КоАП РФ предусматривает ответственность родителей, но при этом не регла-

[1] См.: *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году.

[2] См.: *Орлова К. С.* Практика применения законодательства о персональных данных в Российской Федерации: анализ организационных практик, нарушений и правоприменительной деятельности // Вестник науки. 2025. №12 (93). С. 490–499. EDN: DWQAUY ; *Фролова И. И.* Проблемы межведомственного взаимодействия образовательной организации по профилактической работе среди несовершеннолетних // Взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления и образовательных организаций в сфере противодействия и профилактики асоциальных явлений в молодежной среде : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2023. С. 132—137. EDN: OQHZJF.

ментирует взаимодействие органов опеки и полиции при выявлении таких случаев. Это приводит к формальному подходу в профилактике[1].

Технологический и кадровый дефицит. В настоящее время Минцифры РФ реализует Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», в рамках которого предусмотрена модернизация ГИС, бесшовное взаимодействие и эффективный обмен данными между ведомствами. Уже несколько лет функционирует Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Однако до сих пор более чем в половине случаев обмен информацией происходит через бумажные носители, что увеличивает сроки реагирования на кризисные ситуации. Особенно остро проблема проявляется в сельских и удаленных территориях, где подавляющее большинство школ не подключено к ведомственным цифровым системам[2].

Анализ региональной практики межведомственного взаимодействия показал, что в регионах ведется работа по оптимизации и цифровизации информационного взаимодействия между субъектами профилактики молодежной преступности, на местном уровне в ряде случаев внедряются аналитические информационные системы, используются существующие федеральные ресурсы. Однако этот процесс все еще в недостаточной степени унифицирован. Даже успешная практика отдельных регионов не отвечает потребностям в построении си-

[1] См.: *Айсина Р. М., Нестерова А. А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 4. С. 42—57. doi: 10.17759/sps.2019100404. EDN: XFQCHE.

[2] См.: *Бюллетень* Счетной палаты. 2022. № 6 (295). URL: https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-6-2022 (дата обращения: 21.05.2025) ; *Кузнецова И. О., Борисова В. Ф., Спесивов Н. В.* Актуальные проблемы эффективности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете новых вызовов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 59—67. EDN: BSBCEE.

стемной работы по информационно-цифровому обеспечению межведомственного взаимодействия в сфере профилактики молодежной преступности.

Актуальной остается и проблема недостатка квалифицированных кадров, непосредственно участвующих в осуществлении межведомственного взаимодействия и представляющих различные субъекты профилактики: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы управления социальной защитой населения; органы, осуществляющие управление в сфере образования; органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи; органы управления здравоохранением; органы службы занятости; органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы, органы прокуратуры.

Наиболее критическая ситуация наблюдается в сфере подготовки кадров, владеющих цифровыми технологиями: например, не все сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав обучены работе с современными информационно-аналитическими системами. Эксперты также отмечают нехватку специалистов, владеющих междисциплинарными навыками (например, психологов с опытом работы в правоохранительной сфере). Так, 55% опрошенных экспертов указывают на непрофессионализм сотрудников, задействованных в работе по межведомственному взаимодействию. В частности, установлено, что специалисты, привлекаемые для проведения мероприятий в образовательных организациях, зачастую не обладают достаточными компетенциями в области коммуникации. Это проявляется в следующих аспектах: недостаточная вовлекаемость аудитории вследствие неумения структурировать подачу материала; дефицит практико-ориентированных примеров; низкий уровень интерактивности, приводящий к уменьшению концентрации внимания молодежи. При этом 65% экспертов отмечают ситуативное взаимодействие со стороны правоохранительных органов, которое наблюдается только тогда, когда правонарушения уже совершены[1].

[1] См.: *Фролова И. И.* Указ. соч.

Анализ успешных зарубежных практик демонстрирует эффективность системного подхода к организации межведомственного взаимодействия в сфере профилактики молодежной преступности. Так, в Германии система показывает высокую эффективность за счет тесного взаимодействия судов, социальных служб и образовательных учреждений. Согласно данным Федерального министерства юстиции Германии, внедрение данной системы позволило сократить рецидивную преступность среди несовершеннолетних на 40 % за десятилетний период[1].

Представляет также интерес японская модель профилактики криминального поведения молодежи, в частности несовершеннолетних, поскольку в Японии наблюдается один из самых низких в мире показателей молодежной преступности. Отличительной чертой японской системы профилактики является вовлечение в процессы взаимодействия не только представителей различных компетентных государственных органов, но и представителей местных сообществ. В рамках этой системы соседи, учителя и представители местной администрации совместно отслеживают поведение проблемных подростков, организуя для них досуговые и образовательные программы[2].

Основные направления совершенствования межведомственного взаимодействия. В современной российской правоприменительной практике межведомственное взаимодействие играет ключевую роль в профилактике и противодействии молодежной преступности. Эффективность предупредительных мер во многом зависит от согласованной работы пра-

[1] См.: *Профилактика* преступлений // Министерство юстиции Германии : официальный сайт. URL: https://www.bmjv.de/DE/themen/praevenion_opferhilfe/praevention/kriminalpraevention/kriminalpraevention_node.html (дата обращения: 07.05.2025).

[2] См.: *Кулешов А. А.* Ретроспективный анализ системы социально-педагогической профилактики криминального поведения несовершеннолетних в Японии // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1161—1171. EDN: ITNWRP.

воохранительных органов, образовательных учреждений, социальных служб и органов местного самоуправления. В рамках государственной политики сформированы основные направления такого взаимодействия, цель которых — снижение уровня преступности среди молодежи.

В условиях трансформации социальных институтов и роста цифровизации общественных отношений традиционные методы профилактики молодежной преступности, особенно ее современных проявлений (вовлечение в преступления экстремистской и террористической направленности, скулшутинг, склонение к суициду и т. п.), требуют существенной модернизации. Межведомственное взаимодействие в данной сфере представляет собой сложный, многоуровневый механизм, эффективность которого напрямую зависит от степени координации между субъектами профилактики. Важнейшим элементом межведомственного взаимодействия является координация усилий между МВД России, Следственным комитетом, прокуратурой и комиссиями по делам несовершеннолетних. Основной механизм реализации данного направления закреплен в федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии с данным нормативно-правовым актом правоохранительные органы обязаны оперативно обмениваться информацией о несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению, и совместно разрабатывать индивидуальные профилактические программы. Современные формы, которые приобретает молодежная преступность, требуют адекватных изменений в системе межведомственного взаимодействия. Ее совершенствование направлено на создание комплексного подхода, включающего организационные, технологические и правовые меры.

Так, необходимым представляется интеграция образовательных и социальных институтов в систему профилактики. Школы, колледжи и вузы выступают ключевыми субъектами

раннего выявления девиантного поведения среди молодежи. В рамках межведомственного взаимодействия образовательные учреждения уже сотрудничают с органами опеки, центрами психолого-педагогической помощи и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. Основными задачами становятся своевременное выявление детей, находящихся в социально опасном положении, и организация для них социально-реабилитационных мероприятий. Министерство просвещения РФ в своих методических рекомендациях акцентирует необходимость внедрения программ социально-психологического сопровождения учащихся, что способствует снижению агрессивного и противоправного поведения в молодежной среде. Министерство науки и высшего образования РФ направляет серьезные усилия на выстраивание сотрудничества вузов с правоохранительными органами и иными государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества по вопросам предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. В этих целях в 83 вузах страны, подведомственных Минобрнауки РФ, в 2022 году созданы специализированные координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. В задачи данных центров входят организация и проведение совместных профилактических мероприятий среди студенческой молодежи в соответствующих регионах. Полагаем необходимым усиливать этот вектор профилактической работы, совершенствовать ее формы.

Особое значение приобретает вопрос стандартизации подходов к организации межведомственного взаимодействия. Как показывает анализ, наиболее успешными оказываются те региональные практики, где разработаны и внедрены четкие ре-

гламенты сотрудничества, системы мониторинга эффективности и механизмы обратной связи. Для тиражирования положительного опыта представляется необходимым создание федеральной методической базы, обобщающей лучшие практики.

Полагаем значительным вклад именно образовательных организаций в профилактику молодежной преступности — это воспитание традиционных духовно-нравственных ценностей, правовое воспитание детей и молодежи, правовое просвещение, ориентированное на специфику восприятия информации молодыми людьми, и раннее выявление потенциальных правонарушителей наряду с разработкой и проведением образовательных и воспитательных мероприятий, направленных на формирование занятости досугового времени молодежи.

В связи с этим одним из ключевых направлений совершенствования межведомственного взаимодействия в профилактике и предупреждении молодежной преступности представляется создание на уровне регионов координационных структур, способных обеспечить эффективное управление совместными усилиями различных ведомств. Эффективность противодействия молодежной преступности напрямую зависит от качества управления межведомственным взаимодействием. Считаем, что формирование межведомственных центров с четким распределением обязанностей позволит устранить дублирование функций, повысить оперативность реагирования и тем самым преодолеть ведомственную разобщенность. Такие центры межведомственного взаимодействия могли бы объединять представителей правоохранительных органов, управления образованием и образовательных организаций, социальных служб и специализированных общественных организаций. Одним из организационных путей создания подобного центра может стать его функционирование при Национальном антитеррористическом комитете и, соответственно, при региональных антитеррористических комиссиях, уже созданных в каждом регионе страны. Это позволило бы обеспечить сильное контролирующее начало, учитывать уже сложившийся опыт и межведомственные связи, избежать бюрократического

нагромождения. К тому же часть современных видов молодежной преступности связана с совершением преступлений экстремистской и террористической направленности. Однако при этом считаем стратегически важным во вновь созданном центре существенную роль определить представителю сферы образования или молодежной политики, поскольку реализация функционала центра будет в значительной степени задействовать потенциал образовательных учреждений.

Иным вектором решения этой задачи было бы создание отдельного центра или комитета (по аналогии с Национальным антитеррористическим комитетом), который соединил бы в себе функционал, направленный на противодействие молодежной преступности, и куда вошли бы представители соответствующих подразделений органов внутренних дел, безопасности, Следственного комитета, органов опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав, органов управления образованием, молодежной политикой, культурой, Министерства труда и социальной политики, собственно образовательных учреждений разных форм, специализированных общественных организаций. В регионах — также представители антитеррористических комиссий и координационных центров, созданных Минобрнауки РФ в вузах страны.

Такая структура смогла бы направить усилия на оптимизацию решения задач взаимодействия на федеральном уровне и в регионах, муниципалитетах, выходить с предложениями о совершенствовании нормативно-правовой базы в части регламентов, маршрутов и других путей взаимодействия, координировать деятельность по профилактике и противодействию молодежной преступности через выполнение следующих функций:

— разработка, утверждение, экспертная поддержка типовых программ профилактики с учетом современных реалий молодежной преступности, актуальных направлений (формирование рекомендаций) профилактической работы специали-

зированных подразделений различных государственных, правоохранительных органов, подведомственных организаций в пределах их полномочий;

— тиражирование лучших региональных практик;

— мониторинг состояния межведомственного взаимодействия на местах, рекомендации по его оптимизации с учетом специфики региона, муниципалитета и др.

Этот примерный перечень функций направлен, в первую очередь, на выработку оптимальных путей взаимодействия с ориентиром на результат, выявление проблем и разработку путей их решения, с максимальным исключением пересечения функций.

Кроме того, представляется необходимым разработать стратегию, а также порядок или регламент межведомственного взаимодействия по вопросам профилактики молодежной преступности с внедрением системы KPI для каждого участника рабочей группы, что призвано повысить персональную ответственность за результаты (примеры критериев: процент своевременного выявления семейного неблагополучия, доля подростков группы риска, вовлеченных в профилактические программы, снижение рецидивной преступности и др.).

Примеры стратегий и регламентов межведомственного взаимодействия имеются в практике отдельных регионов (например, в Республике Удмуртия, Пермском крае, Ростовской области и др.). Полагаем, что подобного рода документы должны быть изначально разработаны на федеральном уровне как типовые (с учетом положительного регионального опыта, имеющегося на сегодняшний день, а также типичных ошибок), затем тиражированы в регионах страны с возможностью отражения в их содержании местной специфики.

Важным элементом модернизации системы межведомственного взаимодействия является также внедрение цифровых платформ для оперативного обмена информацией. Современные технологии играют ключевую роль в оптимизации

межведомственного обмена данными. Внедрение автоматизированных информационных систем позволяет осуществлять мониторинг криминогенной обстановки в молодежной среде в режиме реального времени. Интеграция баз данных правоохранительных органов, образовательных учреждений и социальных служб позволит своевременно выявлять «группы риска» и координировать профилактические меры — при условии доступа к этим данным авторизованных пользователей, задействованных в системе профилактики молодежной преступности.

Внедрение цифровых платформ для обмена данными представляет собой технологический прорыв в организации межведомственного взаимодействия. Так, АИС «Профилактика» — автоматизированная информационная система межведомственного взаимодействия в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики их антиобщественного и противоправного поведения — демонстрирует повышение эффективности выявления групп риска. Система интегрирует данные из образовательных учреждений, органов внутренних дел, социальной защиты и здравоохранения, используя алгоритмы для автоматического формирования «социального паспорта» подростка. Важно отметить, что АИС соответствует требованиям ФЗ-152 «О персональных данных», обеспечивая необходимый уровень защиты информации. Учитывая специфический характер информации, которая может содержаться в разных специализированных базах данных, доступ к отдельным ее частям может быть лимитирован, однако субъект профилактики будет понимать, где ее запрашивать, оперативно через эту же систему осуществлять запрос и, например, получать доступ к информации прямо в той же системе в электронном виде, избегая временны́х затрат на формализованный бумажный процесс. Безусловно, разработка подобной платформы — это значительные затраты, в том числе финансовые, однако проблема профилактики и противодействия молодежной преступности

на федеральном уровне предполагает решение данного вопроса с учетом сегодняшних возможностей и существующего задела Минцифры РФ.

Еще одним шагом в оптимизации межведомственного взаимодействия в части его цифровой трансформации, полагаем, должны стать платформы, построенные на использовании *Big Data* и обработке данных искусственным интеллектом для анализа и прогнозирования молодежной преступности, а также выявления текущей ситуации для адекватного реагирования со стороны тех или иных компетентных органов. На сегодняшний день в нашей стране уже существуют различные парсинговые программы, но они пока имеют ограниченный функционал, зачастую лимитированы либо перечнем регионов использования или эффективного функционирования, либо даже вузом и т. п. Считаем, что одной из задач совершенствования межведомственного взаимодействия должна стать разработка универсальной платформы, которая могла бы выступать эффективным инструментом для всей системы противодействия молодежной преступности.

Разработка совместных программ профилактики представляет собой еще одно критически важное направление, которое должно стать одним из оперативно реализуемых. На сегодняшний день субъектами профилактики выполняются различные образовательные, воспитательные, просветительские проекты (тренинги, деловые игры, дискуссионные площадки, хакатоны, летние и зимние школы и т. п.), которые уже доказали свою результативность. Полагаем, что эти методические разработки нужно аккумулировать и тиражировать, а успешный опыт закладывать в основу разработки совместных профилактических программ, которые будут учитывать возможности, компетенции, задачи различных органов власти, образовательных и общественных организаций и отвечать на существующие сегодня вызовы и проблемы (вовлечение молодежи в преступления через сеть «Интернет», социальные сети и пр.).

Повышение роли местных сообществ в профилактике преступности является еще одним перспективным направлением совершенствования межведомственного взаимодействия. Вовлечение муниципальных образований и общественных институтов, волонтеров в профилактическую работу с молодежью значительно расширяет охват и эффективность мероприятий, способствует созданию среды, устойчивой к деструктивным влияниям. Одним из инструментов такого взаимодействия могла бы стать, например, модель «социального патрулирования», когда представители общественности вместе со специалистами проводят регулярные обходы семей группы риска. При этом следует отметить, что практика межведомственных рейдов и акций будет результативна в обнаружении и пресечении противоправной деятельности при условии последующего сопровождения выявленных подростков, включающего психологическую помощь и социальную реабилитацию. Кроме того, социальные инициативы, направленные на трудоустройство молодежи и поддержку семей группы риска, демонстрируют и значительный профилактический потенциал.

Важным направлением совершенствования межведомственного взаимодействия также должны стать системная подготовка квалифицированных кадров и повышение квалификации сотрудников, участвующих в профилактике и противодействии молодежной преступности. Внедрение системы непрерывного профессионального развития для специалистов, работающих с молодежью группы риска, должно стать частью концепции совершенствования межведомственного взаимодействия.

Что касается конкретных программ, направленных на повышение уровня компетентности кадров в краткосрочной и среднесрочной перспективе, то, полагаем, следует разрабатывать актуальные специализированные программы повышения квалификации, которые должны учитывать междисциплинарный характер профилактической деятельности. Примером такой программы повышения квалификации мог бы стать курс «Межведомственное взаимодействие в профилактике моло-

дежной преступности» (72 часа), который включал бы в себя следующие модули: междисциплинарный подход в профилактике молодежной преступности (10 часов); правовые особенности профилактики молодежной преступности (10 часов); психология девиантного поведения (36 часов); практикум по работе цифровых платформ и основам кибербезопасности (16 часов).

Кроме того, уже сегодня образовательные программы подготовки психологов, педагогов, юристов, менеджеров, специалистов в сфере государственного и муниципального управления и других специалистов должны быть дополнены модулями или дисциплинами, предусматривающими обучение будущих субъектов профилактики основам межведомственного взаимодействия в профилактике и противодействии преступности.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что совершенствование межведомственного взаимодействия в системе противодействия молодежной преступности представляет собой стратегически важное направление государственной политики. Переход от разрозненных действий отдельных ведомств к единой стратегии межведомственного взаимодействия с акцентом на профилактические меры является ключевым условием создания эффективной системы противодействия молодежной преступности. Как показывает практика, такой комплексный подход не только позволяет снизить уровень правонарушений среди молодежи, но и способствует формированию более безопасной и социально благополучной среды для развития подрастающего поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдалина Л.В., Зыков К.А.* Цифровая девиация как феномен современного мира // Гаудеамус. 2022. Т. 21, №4. С. 85—95. EDN: LKPXTQ.

2. *Авакьян М.В., Волчецкая Т.С., Осипова Е.В.* Актуальные вопросы распространения и профилактики современных форм насилия в молодежной среде стран Балтийского региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. №496. С. 191—200. EDN: QATXGS.

3. *Авакьян М.В., Болвачев М.А., Волчецкая Т.С., Осипова Е.В.* Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма : учебное электронное издание. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с. EDN: MMVPQE.

4. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004. 448 с.

5. *Аржанова И.О.* Этническая культура как особый тип культуры, ее особенности // Современные научные исследования и инновации. 2014. №11. URL: https://web.snauka.ru/issues/2014/11/40517 (дата обращения: 14.04.2025). EDN: TBWJTT.

6. *Арифова А.Ю., Кольчик Е.Ю.* Понятие и виды девиантного поведения в подростковом возрасте // Форум молодых ученых. 2019. №3 (31). С. 119—123. EDN: AVGBCI.

7. *Артюхин О.А., Иванова Л.Л.* Практическая деятельность вузов по организации системы противодействия радикальной и иной деструктивной идеологии в молодежной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №3. С. 172—177. EDN: GQVUAS.

8. *Балина Т.Н., Конджарян А.А.* Особенности информационного поведения молодежи с разным уровнем склонности к экстремально-рискованному поведению // Актуальные проблемы психологического знания. 2025. №1 (70). С. 83—100. EDN: WAWOHE.

9. *Белокобыльская Т.К., Голумб Ц.А.* Несовершеннолетние преступники с психическими аномалиями и проблемы ранней профилактики преступлений несовершеннолетних // Вестник Московского университета. 1980. №2. С. 74—82.

10. *Нынюк Р.Н.* Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. №2 (26). С. 110—119. doi: 10.55001/2587-9820.2023.40.98.011. EDN: GCLRQW.

11. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, №3. С. 177—191. EDN: TWHXXF.

12. *Ветрова Е.В., Никишкин А.В., Ветров В.М.* Причины формирования девиантного поведения // Государственная служба и кадры. 2021. №5. С. 197—199. EDN: GOVVDF.

13. *Волчецкая Т.С.* Криминалистические особенности треш-стримов как одной из форм насилия в молодежной среде // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Томск : Изд-во ТГУ, 2023. С. 280—283. EDN: SFSYIU.

14. *Волчецкая Т.С., Козырева И.Е., Осипова Е.В.* Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. №4. С. 11—17. EDN: AZLVBG.

15. *Волчецкая Т.С., Кот Е.А.* Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики : монография. М. : Юрлитинформ, 2023. 240 с. EDN: AHNYCF.

16. *Гареева Е.Р.* Детерминанты латентной преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2019. №30 (268). С. 86—88. EDN: KYQWLN.

17. *Гартвик Е.В.* Психологические факторы делинквентного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. №3 (86). С. 283—289. EDN: TELRWB.

18. *Геляхова Л.А.* Предупреждение и пресечение сотрудниками правоохранительных органов девиантного поведения несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2022. №4. С. 225—229. EDN: YMOSTX.

19. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» : монография. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Алеф-Пресс, 2013. 634 с.

20. *Говенко Ю.А., Таболова Э.С., Концевич Г.Е.* Детерминанты различных форм девиантного поведения подростков: анализ правосознания, личностных черт и удовлетворенности семьей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. №1. С. 75—87. EDN: WKHRNU.

21. *Горьковая И.А.* Психические аномалии и противоправное поведение несовершеннолетних // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Психология. 2009. Вып. 100. С. 178—191. EDN: KVWVPP.

22. *Трофимова Е.И.* Влияние цифровизации на развитие личности современных детей // Молодой ученый. 2021. №34 (376). С. 170—172. EDN: ZDQPXI.

23. *Гурьянчик В.Н.* Латентные и интернет-опосредованные формы отклоняющегося поведения молодежи // Педагогика и просвещение. 2024. №4. С. 86—96. EDN: XTTETI.

24. *Данилова Е.П., Портняга Е.М.* Финансовое мошенничество в современном мире // Siberian Socium. 2023. Т. 7, №2 (24). С. 67—97. EDN: SEMFPI.

25. *Жданова Н.Е.* Причины и факторы девиантного поведения подростков // Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конференции. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2009. С. 73.

26. *Жукова Е.Д., Гильмиянова Р.А.* Социокультурная идентичность: особенности формирования // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. №1 (102). С. 133—145. EDN: VBSYXO.

27. *Зачиняева А.А.* Особенности положительного девиантного поведения // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары : ИД «Среда», 2024. С. 100—102. EDN: XPQWOO.

28. *Змановская Е.В.* Девиантология. Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2004.

29. *Сорокин О.В.* Особенности девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, №4. С. 80—90. doi: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-7. EDN: CDIQZK.

30. *Игнатова Т.В.* Волонтерство и добровольчество как формы социальной активности молодежи России // Молодежь как социальная группа российского общества: статус, мобильность, особенности коммуникаций : сборник научных трудов Всерос. науч. конф. Ульяновск : Изд-во УлГТУ, 2024. С. 45—50. EDN: DHUHTR.

31. *Клейберг Ю.А.* Девиантология терроризма и экстремизма. М. : Изд-во МПСУ, 2016. 140 с.

32. *Корнилова Т.В., Емельянова Ж.Э.* Ответственность за сталкинг (преследование) в России и за рубежом // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. №3 (37). С. 100—106. EDN: JKWYHF.

33. *Кот М.А., Кот А.А.* Девиантное поведение // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2016. №24-1. С. 111—116. EDN: WAFFRZ.

34. *Кошарная Г. Б., Данилова Е. А.* Современные формы девиантного поведения молодежи в условиях цифровизации российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №2. С. 100—109. EDN: APZPGA.

35. *Кружкова О. В., Воробьева И. В.* Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2019. №4. С. 160—185. EDN: WQOQQN.

36. *Кузнецова Е. В.* Социально-психологическое сопровождение адаптации подростков «группы риска» в условиях современной школы // Конструктивные педагогические заметки. 2025. №2 (26). С. 78—86. EDN: TOGHZU.

37. *Лелеков В. А., Кошелева Е. В.* Молодежная преступность в России: понятие и особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №5. С. 104—108. EDN: AYVRMV.

38. *Липич Т. И., Лыков Э. Н.* Молодежная преступность: культурологический аспект (общий обзор причин молодежной преступности) // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2019. №2. С. 34—38. EDN: VEYFGQ.

39. *Майсак Н. В.* Диагностика и коррекция личностных особенностей подростков с девиантным поведением : монография. Астрахань : Астраханский университет», 2009. 167 с. EDN: QYBEHR.

40. *Макарова О. А., Панькина И. М., Волчецкая Т. С., Осипова Е. В.* Методические рекомендации по профилактике травли (буллинга) и социализации детей : учебное электронное издание. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. 72 с. EDN: JMCEDK.

41. *Мацкевич И. М.* Преступность тинейджеров: стратегия XXI в. // Союз криминалистов и криминологов. 2018. №2. С. 86—90.

42. *Менделевич В. Д.* Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве // Практическая медицина. 2013. №1 (66). С. 143—146. EDN: PYQEKF.

43. *Методические* рекомендации для разработки программ наставничества в рамках реализации Целевой модели наставничества. Омск : Изд. центр КАН, 2021. 32 с. EDN: WHZAVE.

44. *Мосендз Д. А.* Криминалистическая характеристика преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2023. №33 (480). С. 41—44. EDN: ACJRZP.

45. *Мошнина М. Д., Биккинин И. А.* Делинквентное поведение: понятие, проблемы профилактики // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2022. №1-3 (62). С. 308—311. EDN: HZEWAC.

46. *Нестерова В.А., Рыбакова В.А.* Обзор использования искусственного интеллекта в обнаружении финансового мошенничества // Экономика и парадигма нового времени. 2024. №1. С. 39—42. EDN: DVKQGX.

47. *Нигматуллин М.Р.* Экономическое насилие в семье в современном обществе: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). С. 756—759. EDN: FPAYLH.

48. *Остапенко П.И.* Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. №84 (10). С. 1—10. EDN: PNPOYN.

49. *Патаки Ф.* Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. 1987. Т. 8, №4. С. 92—102. EDN: UXHZAY.

50. *Петровская В.Г.* Социально-психологические особенности семей подростков с девиантным поведением // Вестник экспериментального образования. 2020. №4 (25). С. 1—12. EDN: CLCFOE.

51. *Шаров А.А.* Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №3(51). С. 255—261. URL: https://cyberpsy.ru/articles/deviantnaya-aktivnost-molodezhi-v-internete/ (дата обращения: 31.05.2025). EDN: ZDWKMF.

52. *Казанцева Л.А., Казанцев С.Я.* Научные принципы предупреждения и преодоления цифровых девиаций подростков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, №2 (12). С. 171—176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-printsipy-preduprezhdeniya-i-preodoleniya-tsifrovyh-deviatsiy-podrostkov (дата обращения: 31.05.2025). EDN: OHOOFQ.

53. *Подольный Н.А.* Криминалистически значимые черты молодежной организованной преступности как средство повышения эффективности расследования преступлений, совершаемых молодежными организованными группировками // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №11 (302). Право. Вып. 36. С. 96—98. EDN: QBWSCF.

54. *Поздеева С.И.* Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста: модели и типы наставничества // Научно-педагогическое обозрение. 2017. №2 (16). С. 87—91. EDN: YMZWJR.

55. *Позднякова М.Е.* Влияние интернет-сообществ на распространение девиантных форм поведения в современной России (на примере наркотизма) // Россия реформирующаяся. 2009. №8. С. 128—149. EDN: PBTJAF.

56. *Пятунин В.А.* Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М. : Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2010. 364 с. EDN: VVRBGX.

57. *Радаев В.В.* Миллениалы. Как меняется российское общество : монография. 2-е изд. М. : Высшая школа экономики, 2019. 224 с. doi: 10.17323/978-5-7598-1985-1. EDN: STOTFS.

58. *Карпенко Д.А.* Виды девиантного поведения и его профилактика у подростков // Психологическая газета. Выпуск от 2024. 2022. 30 мая. URL: https://psy.su/feed/10020/ (дата обращения: 31.05.2025).

59. *Сдобняков В.В.* Научно-организационный подход к построению системы профилактики деструктивного поведения обучающихся в условиях университета педагогического профиля // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 5 (235). С. 35—49. EDN: RGUYUE.

60. *Старков О.В., Тюменев А.В.* Криминовиоленсология. Учение о криминальном насилии : курс лекций. М. : Юрлитинформ, 2012. 455 с.

61. *Степанов И.В., Никишкин А.Б., Бастрикова А.А.* Подростки — девиантное поведение в современной информационной среде // Социальные и педагогические вопросы образования : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда, 2020. С. 25—28. EDN: LVQTQK.

62. *Терроризм* и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминалистическое противодействие и профилактика : монография / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 183 с. EDN: BHMHFY.

63. *Торхова А.В., Царик И.А., Чернявская А.С.* Профилактика противоправного поведения школьников : пособие для педагогов. Минск : Национальный институт образования, 2009. 120 с. EDN: XCRCUD.

64. *Туркулец В.А.* Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. №5. С. 1—11. EDN: QGEBEL.

65. *Шаталов Е.А., Молдаванов К.В.* Молодежная преступность и основные направления противодействия ей : монография. М. : Проспект, 2016. 64 с. EDN: VZKEHN.

ОБ АВТОРАХ

Татьяна Станиславовна Волчецкая — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, директор НОЦ Ситуалогии и экономико-правовой регионалистики, профессор Высшей школы права БФУ им. И. Канта, ведущий научный сотрудник.

Михаил Владимирович Авакьян — кандидат юридических наук, начальник Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма БФУ им. И. Канта, доцент Высшей школы права БФУ им. И. Канта, старший научный сотрудник.

Михаил Александрович Болвачев — кандидат юридических наук, доцент Высшей школы права БФУ им. И. Канта, научный сотрудник, сотрудник Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма БФУ им. И. Канта.

Ирина Евгеньевна Козырева — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Олеся Александровна Макарова — кандидат юридических наук, доцент, руководитель образовательных программ, доцент Высшей школы права БФУ им. И. Канта, старший научный сотрудник.

Екатерина Васильевна Осипова — кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права БФУ им. И. Канта, старший научный сотрудник, специалист Координационного центра по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма БФУ им. И. Канта.

Инга Юрьевна Панькина — кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права БФУ им. И. Канта, старший научный сотрудник.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Монография

Под редакцией Т. С. Волчецкой

Научное электронное издание

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Дата выхода в свет 18.12.2025 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 13,1